

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

ДАМСКА

ТОМЪ II КНИГА 6

ИЗДАТВА Ф. МАРКСЪ СПК
КЕЗПЛ: ПРИЛОЖЕНІЕ: КЪ "НИВЪ" 1911

6

Передъ тобой я разрываю грудь
И обнажаю трепетное сердце:
Гляди въ него! Ты мудръ и прозорливъ;
Гляди въ него! Ты видишь ли, какъ крѣпко
Его тоска холодная сжимаетъ?
Предчувствіемъ бѣды неотразимой,
Сомнѣніями и неотступной думой
Моя душа тревожная полна...
Ты знаешь ли? Меня и днемъ и ночью
Преслѣдуетъ повсюду чудный призракъ
Ты помнишь, тотъ старикъ-христіанинъ,
Онъ весь въ крови: но взоръ его сверкаетъ
Величіемъ святого вдохновенья.
Онъ на меня привѣтливо глядитъ
И на небо рукою указываетъ!

Соранъ. Утѣшься: твой загадочный фанатикъ
Исчезъ вчера изъ тюремной тюрьмы,
И не одинъ... Изучивъ на допросѣ
Его, полуживого, опустили

Въ темницу и сковали вмѣстѣ съ Цестомъ;
Цестъ перервалъ заржавленные цѣпи
И, выломавъ оконную рѣшетку,
Унесъ на мощныхъ плечахъ старика.
Должно-быть, ночью онъ пробрался къ Тибру
И переплылъ его съ христіаниномъ
По близости Фабриціева моста...
По крайней мѣрѣ полусонный сторожъ
Замѣтилъ, какъ на лѣвомъ берегу
Приподнялась громадная фигура
Съ какой-то ношей... И теперь твой призракъ;
Конечно, рыцетъ въ Галлиарскихъ дебряхъ
Съ полсотнею такихъ же побродягъ.

Сервилія. Онъ спасен! Да хранить его Юпитеръ!

Соранъ. Вотъ тоска! Да хранитъ его Юпитеръ!
Всѣ призраки изъ костяной темницы,
Что люди называютъ призраками,
Когда они исчезнутъ, въ ней все равно
Свѣтильникъ яркій разума... И ты
Его лучами также озаришься
Назавшись суиругою Тразей

Сервилія. Не поминай мнѣ имени Тразей:
Межъ нимъ и мной стоитъ уже не призракъ.
Да!.. я должна во всемъ тебѣ признаться.
Мнѣ кажется... что я люблю... другого... (Падаетъ на колѣни).

Отец! убей и прокляни меня —

Или спаси и вырви страсть из сердца!

Сорань (*поднимает Сервилию*). Безумное, безумное дитя!

Ты словъ своихъ сама не понимаешь:

Ты любишь?.. Да любовь и страсть — химера,

Любовь — недугъ прилипчивый души:

Чтобъ ему развиться, нужно время,

И отъ него лѣкарство — то же время.

Ты не могла любовью заразиться,

Любить еще не можешь, и не любишь.

Сервилия. Я не могла? я не могу любить?

Я не люблю?.. (*Подбѣгаетъ къ Сорану*).

Не смѣйся надо мною

И пожалѣй Сервилию твою!

Спаси меня! спаси меня!..

(*Припадаетъ къ Сорану на плечо головой и рыдаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ. Сенаторъ

Тразеа.

Сорань. Попрося его сюда.

(*Рабъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Сорань, Сервилия.

Сорань. Сервилия, отри пустыя слезы!

Сервилия. Отецъ, для пепла матери моей,

Не погуби дитя свое родное!..

Сорань (*строю*). Сервилия! я даромъ словъ не трачу!

Сегодня же судьба твоя рѣшится..

Одѣнься и скорѣе приходи.

Сервилия (*гордо приподнимаетъ голову*). Приду.

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается*)

А гы, отецъ, скажи Тразеѣ,

Что дочь твоя Сервилия клянется

Не быть его женою никогда! (*Уходитъ въ уборную*).

Сорань (*съ изумленіемъ смотритъ ей вслѣдъ*).

Нѣтъ! это — не ребяческій порывъ,

А боль души истерзанной... Ужели

Истиннѣе сильнѣе разума и воли?..

(Изъ прѣмной выходятъ Тразеа и Эгнатій.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Соранъ, Тразеа, Эгнатій. *Въ рукахъ у Эгнатія, свитокъ, чернильница и тростниковое перо.*

Соранъ (*идетъ навстрѣчу Тразеѣ*). Ты застаешь меня въ недоумѣннѣи:

Я предложилъ себѣ одинъ вопросъ

И разрѣшить его не въ состояннѣи.

Тразеа (*пожимаетъ руку*). Намъ многое придется разрѣшить,

Мой старый другъ!

Соранъ. И разрѣшить скорѣе.

Тразеа. Да! каждый день и каждый часъ намъ дорогъ,

А время, *этотъ образъ подвижной*

Недвижной вѣчности, летитъ на крыльяхъ..

Соранъ. Тебѣ читалъ Эгнатій протоколъ?

Тразеа. Я самъ прочелъ: составленъ онъ искусно,

Но двѣ-три фразы—болѣе ильмъ рѣзке.

Эгнатій. Въ прошеннѣи ихъ можно и смягчить.

Тразеа. Такъ; но, пока напишется прошеннѣе,

Скрѣпленный всѣми нами протоколъ

Останется такой живой уликой,

Что Тигеллинъ за каждую строку

Заплатитъ грудой золота... А впрочемъ,

Считай мои слова за *nota-bene*:

Я первый подпишусь на протоколъ.

Эгнатій. Зачѣмъ же? Я составлю лучше новыя.

Тразеа. А Тигеллинъ покажетъ насъ сожжетъ,

Иль наградитъ подаркомъ отъ Локусты.

Нѣтъ! дай сюда... Судьбы не измѣнить.

(*Беретъ у Эгнатія свитокъ, кладетъ на под-
ножье одной изъ статуй и подписываетъ*).

Тебѣ, Соранъ. (*Передаетъ свитокъ*).

Соранъ (*подписываетъ*). За доблестнымъ Тразеей

Ведь Римъ подпишетъ.

Тразеа. Чистый парадоксъ!

Едва ли въ Римѣ сѣтая часть гражданъ

Писать умѣетъ.

Соранъ. Можно научить. (*Подаетъ свитокъ Эгнатію*).

Эгнатій. Теперь итти къ Валерію?

Тразеа. Валерій не подпишетъ . Не нужно:

Сорань. Почему?

Тразеа. Вотъ почему. На случай неудачи,
Намъ надобно защитника имѣть:
А кто жь надежнѣй защититъ насъ можетъ,
Какъ не Валерій?

Эгнатій. Властію трибуна,
Которую мы помнимъ по преданью?

Тразеа. Вѣдь: именемъ, любовію народа,
Отвагою, краснорѣчивымъ словомъ,
А можетъ-быть, и властію трибуна.

Эгнатій. Но вѣтъ причинъ бояться неудачи:
За насъ — весь Римъ.

Тразеа. На это возраженье
Отвѣтитъ смерть Рубеллія, Сенеки,
Изгнаніе Музонія... Скорѣе
Мы можемъ ожидать центуріона ³²⁾
Съ извѣстіемъ о грозномъ обвиненіи,
Чѣмъ что-либо другое.

Сорань. Я согласенъ:
Валерія не нужно беспокоить. (*Эматію*)
Пусть теперь подпишутъ остальные...
А ты имъ передай нашъ разговоръ.

Тразеа. И повѣсти, что мы черезъ недѣлю
Надѣмся предъ кесаря предстать.

Сорань. Иди же къ нимъ и не забудь, Эгнатій,
Что участь многихъ вѣрена тебѣ:
Малѣйшая ошибка, промедленье,
Неосторожно сказанное слово,
Намекъ на нашу цѣль — и мы пропали.
Но я тебя воспитывалъ и вѣрю
Тебѣ, какъ сыну.

Эгнатій. Вѣришь не напрасно,
Мой благодѣтель и второй отецъ! (*Цѣлуетъ руку*
Эгнатій твой погибнетъ, иль достигнетъ
Желанной цѣли. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тразеа и Сорань.

Сорань (*указываетъ на уходящаго Эматія*).
Явственный примѣръ
Побѣды воспитанья надъ природой:

Эгнатій-мальчикъ былъ волчонка диче,
Эгнатій-мужъ достоинъ удивленья,
Какъ образецъ разумнаго безстрастья
И тонкости... Не правда ли, Тразеа?

Тразеа. Неоспоримо... хоть съ недавнихъ поръ
Я начинаю сильно сомнѣваться
Въ возможности преодолѣть природу.

Соранъ. Твой сомнѣнья сходятся съ моими,
И знаешь, кто ихъ на меня наводитъ?..
Сервилія!

Тразеа. А на меня Валерій.

Соранъ. Валерій?.. Что такое съ нимъ случилось?

Тразеа. Соранъ, твоя пріязнь даетъ мнѣ право
На смѣлое и тяжкое признанье...
Ты знаешь ли, что я пришелъ съ отказомъ...

Соранъ. Съ какимъ отказомъ? Отъ чего?

Тразеа. Отъ брака
Съ Сервиліей.

Соранъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*)
Отъ всякаго другаго

Я принялъ бы подобныя слова
За кровную обиду; но отъ друга,
Но отъ Тразеа... я ихъ принимаю
За темную загадку...

Тразеа. Объяснимся...
Но не забудемъ, другъ мой, изреченья
Сенеки: *nihil magnum nisi quod*
Est placidum.

Соранъ. Я это изреченье
Себѣ поставилъ правиломъ, Тразеа:
«Величіе—въ спокойствіи».

Тразеа. Послушай.
Я дочь твою люблю и почитаю,
Какъ моего Валерія: сильнѣе
Изобразить любви я не могу,
Но цогляди, Соранъ, на насъ... Нельзя же
Намъ утѣшать себя съ Анакреономъ
И говорить, что къ старческимъ сѣдинамъ
Пристала юная краса дѣвицы,
Какъ роза къ бѣлымъ лиліямъ!.. Конечно,
Я долженъ былъ заранѣе подумать
О посѣдѣлыхъ волосахъ моихъ;
Но эга необдуманность и служить

Безспорнымъ доказательствомъ того,
Что разумъ нашъ безсиленъ надъ побудкой...
Я былъ слѣпцомъ, да мнѣ глаза открыла
Моя же дочь замужняя, Сабина:
Она пришла и объявила мнѣ,
Что я, къ осенней жатвѣ, буду... дѣдомъ!
Соранъ. Тразеа! Эти доводы...

Тразеа. Позволь!
Я привожу ихъ—только какъ вступленье.
Сознайся, что мы оба виноваты,
Что оба мы съ тобою заблуждались,
Скрѣпя дружбу узами родства:
Какъ будто безъ того мы не родные!
Оставимъ это... Разсуди, Соранъ,
Имѣю ли я право, начиная
Борьбу на жизнь и смерть съ временщикомъ,
Связать свою загадочную участь
Съ судьбой твоей, Сервилиі?

Соранъ. А я,
Ея отецъ, я развѣ не усердный
Сообщникъ твой?

Тразеа. Соранъ, отецъ—не мужъ!
Припомни, чѣмъ за мужа поплатилась
Супруга злополучнаго Сенеки?
Но выслушай теперь послѣдній доводъ
Невольнаго отказа моего.
Скажи мнѣ прямо, какъ ты понимаешь
Валерія?

Соранъ. Я такъ цѣню высоко
Валерія, что, по моимъ понятьямъ,
Одинъ безукоризненный Тразеа
Достоинъ былъ усыновить его.

Тразеа. Здѣсь похвала Тразеѣ неумѣстна...
Чтобъ болѣе не длить намъ разговора,
Скажу тебѣ: Валерій мой страдаетъ
И гордое молчаніе хранить,
А мы—его страданія причина...

Соранъ. Мы?

Тразеа. Оба мы: онъ любитъ безнадежно
Сервилию... Не спрашивай меня,
Какъ я успѣлъ проникнуть эту тайну,
Но знай, что, послѣ безконечныхъ споровъ,
Я убѣдилъ Валерія прійти
Къ тебѣ сегодня... Другъ мой, неужели

Мы, старики, уступимъ молодому
Въ величїи и благородствѣ духа?

Сорань. Все это такъ неожиданно объяснилось,
Что я не въ силахъ принскать отвѣта
И съ мыслями собраться не могу...
Однакоже, Тразеа, откровенность
Питается правдивыми рѣчами,
Какъ родниками свѣтлыми ручей...
Я, въ свой чередъ, тебѣ признаться долженъ:
Сервилія моя тебя не любитъ
И полюбила горячо другого.

Тразеа (*безпокойно*). Кого же?

Сорань. Я не знаю; но узнаю...

(*Ударяетъ въ ладоши, входитъ рабъ*).

Сейчасъ ко мнѣ придетъ благородный
Трибунъ Валерій Рустикъ: пригласи
Повременить недолго въ перистилѣ.

(*Рабъ уходитъ*).

(*Тразеа*)

А мы съ тобой пойдемъ въ библіотеку
И кончимъ нашъ тяжелый разговоръ.

(*Уходятъ; сцена пуста*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Входитъ Сервилія. На ней бѣлая стола и прозрачное покрывало, прикрѣпленное къ волосамъ алмазнымъ уборомъ матроны.

Сервилія (*подходитъ къ цвѣтамъ*). Цвѣты мои! И вы, въ
палящій полдень,

И вы, краса вѣничанная весны,
Тоскливо наклоняете коронки
Подъ знойными лобзаніями вѣтра;
Но васъ кропитъ разсвѣтная роса,
Вечерняя прохлада освѣжаетъ,
И въ полдень поливаетъ васъ рука
Заботливой Сервиліи...

А сердце,
Палимое огнемъ ревнивой страсти,
Кропится только горькими слезами
И кровью обливается...

(*Беретъ у водоема лейку и начинаетъ поливать цвѣты. Входитъ Валерій и останавливается*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Сервилія, Валерій.

Сервилія (*не видя Валерія*). Зачѣмъ же
Богами чувство женщинѣ дано,
Когда свободу чувства отнимаютъ
У ней судьба и люди? (*Ставитъ лейсу на водоемъ*).

Вся природа,
Цвѣты, деревья, волвы голубыя
И птицы голосистыя поютъ
Хвалебный гимнъ праматери Кипридѣ,
А бѣдная Сервилія не можетъ
Назвать того, къ кому душа стремится,
Сказать: люблю, люблю тебя!

(*Отворачивается и, увидавъ Валерія, вскрикиваетъ*)

Валерій!

Валерій (*кланяется Сервиліи*). Привѣтъ прекрасной дочери
Сорапа!

Сервилія. Благодарю...

(*Идетъ навстрѣчу Валерію*).

Благодарю и случай,

Который неожиданно привелъ
Къ пенатамъ нашимъ дорогого гостя.
Отецъ сейчасъ придетъ... Не поспучай
Бесѣдой неразумною моею.

Валерій. Прости меня, Сервилія... Невольно
Я прервалъ нить твоихъ мечтаній ясныхъ
И образъ лучезарный ихъ затмилъ,
Какъ туча миголетная неволью
Лучи звѣзды вечерней затмеваетъ.

Сервилія. Не ты, а я виновна, и стыжуся,
Что мой нестройный лепетъ долетѣлъ
До слуха благороднаго трибуна:
Смѣшны мужамъ меча и латиклавы ³³⁾
Дѣвичьи грезы...

Валерій. Грезы молодыя
Съ душой дѣвицы такъ же неразлучны,
Какъ день и свѣтъ, какъ ароматъ и роза.
Смѣшно, когда мужчина станетъ грезить...
О невозможномъ счастьѣ!

Сервилія. Я слыжала,

Что для разумной воли человека
Нѣтъ въ мірѣ невозможнаго.

Валерій. Не спорю;
Но трудно, чтобы воля человека
Была всегда разумна и свободна.
Представь себѣ... я говорю примѣрно...
Представь себѣ, что я случайно встрѣтилъ
Богиню въ очертаньяхъ смертной дѣвы,
Что красоты ея не описать,
Что вся она, какъ нѣкогда Киприда,
Слилася изъ волны морской и свѣта,
Что обликъ чудно-дѣвственный сіяетъ
Невинно-величавой чистотой,
А очи — небо пламенное Рима:
Днемъ въ нихъ лазурь бездонная глядится,
А въ сумракъ зажигаются въ нихъ звѣзды...
Невольной данью чудной красотѣ —
Во мнѣ любовь безумная проснулась...
Безумная! И дерзостно забылъ я,
Что юная красавица — невѣста,
И чья жъ? Отца я друга моего!
Скажи теперь, Сервилія, свободна ль,
Разумна ль воля у меня?

Сервилія. Валерій!
Я на примѣръ примѣромъ отвѣчаю.
Положимъ: эта дѣвушка не любитъ
И прежде не любила жениха,
И поглялась — не быть его женою...

Валерій (*блѣднѣетъ*). Сервилія, ты шутишь? Я не вѣрю,
Чтобы ты могла безжалостно шутить!

Сервилія. Валерій!
Я не шучу бессонными ночами,
Слезами, одиноко пролитыми,
И всей святыней чувства и любви...

Валерій. Сервилія! Клянуся грознымъ Стиксомъ,
Никто и никогда такъ не полюбитъ
И не любилъ, какъ я тебя люблю!
Но... выслушай...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Тразеа.

Тразеа. Остановись, Валерій!
Тразеа проситъ у тебя прощенья

И у тебя, Сервилия!

Подъ старость

Глаза людей слабѣютъ и не могутъ
Сносить лучей дневныхъ, не только блеска
Сіяющей и юной красоты...

Простите же меня великодушно!

Свою вину посильно я загладилъ:

Какъ твой отецъ, я для тебя, Валерій,

Просилъ у друга моего Сорана

Твоей руки, Сервилия!

Валерій. Тразеа!

Тразеа. Соранъ вашъ бракъ благословить согласенъ

И вслѣдъ за мной идетъ сюда.

Валерій (*обнимаетъ Тразею*). Тразеа!

Отецъ и другъ мой!

Сервилия (*подаетъ Тразею руку*). Вотъ моя рука

И слово благородное римлянки:

Тебя я уважаю наравнѣ

Съ моимъ отцомъ и съ будущимъ супругомъ. (*Валерію*)

Валерій, я давно тебя любила,

Теперь люблю еще сильнѣй!

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣ же и Соранъ.

Сервилия (*кидается въ объятія Сорана*). Отецъ!

Прости твою Сервилию!

Соранъ (*цѣлуетъ ее*). Дитя,

Дитя мое, Сервилия моя!

Валерій (*подходитъ къ Сорану*). Сорану благородному
извѣстна

Моя любовь къ Сервиліи: теперь

Я жду его отеческаго слова.

Соранъ. Усыновленникъ мудраго Тразея

Чужимъ изъ дома моего не выйдетъ.

Валерій! Я всегда тебя считалъ

Своимъ роднымъ по сердцу и по мыслямъ:

Позволь же мнѣ обнять тебя, назвавши

Моимъ любезнымъ и желаннымъ сыномъ.

(*Обнимаетъ Валерія*).

Вотъ дочь моя! Тебѣ передаю

Я власть мою надъ нею: будь ей мужемъ,

Люби ее, храни и защищай.

(*Соединяетъ руки Валерія и Сервиліи*).

А ты, незримый и верховный разумъ,
Благослови союзъ моихъ дѣтей!

Валерій. Сервилія!

Сервилія. Валерій мой!

(Бросаются другъ другу въ объятія).

Соранъ *(отираетъ слезу)*. Тразса,

Вопросы о душѣ намъ разрѣшаетъ

Не наша философія—любовь.

(Указываетъ на Валерія и Сервилію)

Взгляни на нихъ: ихъ радости и счастье

Кто можетъ помѣшать?

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ.

Центуріонъ!

Валерій. Центуріонъ?

Сервилія *(подбѣгаетъ къ Сорану)*. Зачѣмъ центуріонъ?

Соранъ. Не знаю... *(Рабу)*

Приведи его.

(Рабъ поднимаетъ занавѣсъ пріемной. Входитъ центуріонъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и центуріонъ.

Центуріонъ.

Граждане

Сенаторы, Тразса и Соранъ!

Отъ имени сената и народа,

Я посланъ вамъ обнимъ возвѣстить,

Что вы и соумышленники ваши

Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная въ домѣ Локусты. Задняя стѣна комнаты задернута чернымъ занавѣсомъ; боковыя стѣны, съ врѣзными колоннами, выкрашены черной краской. Направо дверь въ агріумъ; налѣво маленькая дверь, искусно скрытая выступомъ колонны. По стѣнамъ разставлена бѣдная утварь; нѣсколько складныхъ сѣдалищъ и, съ лѣвой стороны, у двери невысокій аналогіи; надъ нимъ качается двурогая лампа, привѣшенная къ потолку желѣзной цѣпью. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Локуста перебираетъ на аналогіи нѣсколько свитковъ папируса, уложенныхъ въ ящичекъ. Силія сидитъ подлѣ аналогіи.

На Локусть черная туника, приподнятая съ правой стороны до колѣна; правая нога безъ обуви; волосы распущены; на голову тѣнокъ изъ желѣзняка. Силія въ строй мантии съ откинутымъ кукулемъ ³⁴); изъ-подъ мантии видна пурпуровая туника съ легкимъ золотымъ шитьемъ.

Локуста (вынимаетъ и разворачиваетъ одинъ изъ свитковъ).

Теперь намъ остается испытать
Могущество любовныхъ чаръ Меден:
Имъ научила нѣкогда меня
Покойная Канидія ³⁵)... Посмотримъ. (*Читаетъ*)
«Отлить изъ воска малое подобье
Того, надъ кѣмъ должны свершиться чары;
Развести огонь волшебный изъ вѣтвей
Смоковницы, растущей на гробницахъ,
И похоронныхъ вѣтокъ кипариса;
Въ огонь волшебный бросить: семь яицъ,
Окрашенныхъ въ крови могильной жабы,
Совиныхъ перьевъ, иберійскихъ травъ
И всѣхъ костей, отнятыхъ у голодной
Волчихи... Не гасить отнюдь огня,
Пока костей не обратитъ онъ въ уголь...
Домъ окропить аверискою водою...
Потомъ намазать ядомъ василиска
Фигуру восковую (имя-рекъ)
И, сердце у нея пронзивъ иглою,
Произносить такое заклинанье:
Богиня тьмы и тайны!..»

И такъ дальше.

(*Свертываетъ свитокъ*).

Желаешь ли ты, Силія, извѣдать,
Насколько мощны эти чарованья?

Силія. Локуста, дѣлай, что тебѣ угодно.

Я, какъ ребенокъ, стала суевѣрна,
Слаба и легкомысленна... Бывало,
Я вѣрила однимъ могучимъ чарамъ—
Очей лазурныхъ и привѣтныхъ усть:
Теперь любовь красу съ лица согнала,
Какъ ночь зарю съ потухнувшего неба.
Я исхудала тѣломъ и душою,
И поневолѣ вѣрю заклинаньямъ.

Локуста. Недугамъ тѣла пособить нетрудно:

Крупинки три моей жемчужной мази
Да капля эликспра — и румянецъ

Опять освѣтитъ блѣдныя ланиты...
Силія. Но чѣмъ недугъ душевный исцѣлить?

(Обрасываетъ мантию и встаетъ).

Локуста! Много страстныхъ поцѣлуетъ
Ремень моей котурны прожигало:
Нѣтъ класса и нѣтъ возраста, который
Не заплатилъ бы мнѣ сердечной дани—
Отъ консула до низкаго раба,
Отъ юноши стыдливаго до старца;
По я надъ ихъ отчаянной любовью,
Надъ ревностью, надъ ихъ враждой взаимной
Безжалостно смѣялась, какъ надъ боемъ
Шутовъ и карловъ на аренѣ цирка.
Настало время полюбить и мнѣ:
И мнѣ на страсть отвѣтили презрѣньемъ
И предпочли другую... О, Юнопа!
Чего бы ни дала я за возможность
Смѣнить титулъ и званіе матроны
На званіе гетеры, за возможность
Сносить презрѣнье и любить!.. Да нѣтъ:
Я только мстить могу и ненавидѣть... *(Помолчавъ)*
Локуста, ты условия не забыла?
Миліонъ сестерцій, если ты погубишь...
Сервилію доносомъ, или...

Локуста *(перебиваетъ)*. Зваю;
Однакожь ты не слишкомъ вѣрь рассказамъ.
Дѣйствительно, мнѣ нѣсколько извѣстны
Какъ польза, такъ и нѣкоторый вредъ
Врачебныхъ травъ; но остальное—слухи...

Силія *(улыбается)*. Я уважаю въ женщинѣ стыдливость
И скромность.

Локуста. Впрочемъ... надобно замѣтить,
Что чары, совершенныя Медеей,
Имѣли цѣль двоякую: во-первыхъ,
Возжечь любовь угасшую Язона,
А во-вторыхъ, испепелить мгновенно
Креона дочь.

Силія. Мнѣ помнится, Медея
Сожгла свою соперницу не чарой, —
Отравленной туникой?

Локуста. Можетъ-быть.
Вопросъ не въ томъ: Сервилія погибнетъ...
Должна погибнуть... такъ или иначе...

Но вотъ вопросъ: помогутъ ли намъ чары
Валерія привести къ твоимъ стопамъ?

Силія. Ты, стало-быть, сама не вѣришь чарамъ?
Локуста. Я вѣрю имъ... Но гдѣ же твой Валерій?
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стойки публично
Обвинены и судягся сенатомъ,
Валерій скрылся; цѣлыхъ двѣ недѣли
О немъ нѣтъ слуху... Неужели онъ,
Опора триба и поборникъ правды,
Бѣжалъ отъ страха и позорно кинулъ
Друзей, родныхъ, невѣсту молодую
И честь свою на произволь судьбы?
Да и куда бѣжать отъ правосудья?

Силія. Локуста! не обманывай меня:
Ты мнѣ сказать не хочешь, но Валерій...
Погибъ?

Локуста. Клянусь, я ничего не знаю!
Не можетъ быть, чтобъ онъ погибъ безвѣстно,
Въ какой-нибудь темницѣ потаенной:
Отъ Мессалины этого не скрыть,
А Мессалина и въ смиренной долѣ
Своихъ друзей отстаивала гласно;
Теперь же Мессалина... но ты знаешь.

Силія. Такъ гдѣ жъ Валерій, ежели онъ живъ?

Локуста (*пожимаетъ плечами*).
Быть-можетъ, тайный недругъ...

Силія. Замолчи!
Я выносить сомнѣнія не въ силахъ:
Расшвели утробу всей земли,
Не пощади ни чаръ ни заклинаній,
И покажи Валерія живого,
Иль тѣнь его!

Локуста. Теперь я не могу,
Но завтра приготовлю все, что нужно.
(За сценой слышенъ колокольчикъ).

Силія. Кто это? посѣтитель?

Локуста. Вѣроятно.

Силія. Я не хочу, чтобъ здѣсь меня застали.
(Набрасываетъ мантию и накрывается кукулемъ).

Локуста. Не бойся, я давно распорядилась:
Тебя проводить вѣрная рабыня
Въ другую дверь. *(Отворяетъ дверь въ атриумъ).*

Силія. До завтра?

Локуста. Да, до завтра *(Силія уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ II.

Локуста (*одна*)

Локуста. О, римлянки! въ ребячьемъ нашемъ сердцѣ
Любовь и месть смѣняются чредою,
Какъ день и ночь.

ЯВЛЕНИЕ III.

Локуста и Эгнатій (*приподнимаетъ уюль занавѣса*).

Эгнатій (*споломоса*). Ушла твоя Дидона?

Локуста (*тихо*). Ушла.

Эгнатій. А все ли у тебя готово?

Локуста. Не въ первый разъ... Однакоже идутъ.

(*Эгнатій опускаетъ занавѣсь*).

(*Дверь атриума открывается; одна изъ невольницъ Локусты вводитъ Сервилію, закутанную съ ногъ до головы въ темную имплювіату*³⁶). По знаку Локусты, невольница уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сервилія, Локуста.

Локуста. Сервилія, привѣтствую тебя!

Я думала, что ты не согласишься

Прійти ко мнѣ въ глухую ночь.

Сервилія. Напрасно:

Моя душа полна одной печали

И для иного чувства недоступна,—

Тѣмъ болѣе для страха за себя.

Локуста. Чѣмъ я могу служить тебѣ?

Сервилія. Локуста,

Мое несчастье знаетъ цѣлый Римъ:

Отецъ мой обвиненъ и оклеветанъ;

Женихъ мой... гдѣ онъ, праведные боги?..

Узнать ихъ участь и поднять завѣсу

Грядущаго—вотъ для чего пришла

Къ Локустѣ дочь несчастнаго Сорана:

Не откажи помочь своимъ искусствомъ,

Сними съ очей гнетущую повязку

И дай прозрѣть мнѣ въ будущность отца

И моего Валерія... Локуста,

Ты можешь ли грядущее провидѣть?

Лонуста. Грядущее намъ вѣтъ изъ-подъ крыль
Незримаго, неслышнаго Сатурна,
А кто изъ насъ полетѣть его извѣдалъ?
Но не хочу скрывать передъ тобою:
Я знаю средство... если согласишься...

Сервилія. Что бъ ни было, я напередъ согласна.

(Откидываетъ покрывало и снимаетъ съ шеи серебряный ковчегъ).

Вотъ здѣсь мои вѣнчальные уборы,
Алмазы, жемчугъ, геммы дорогія:
Прими ихъ за труды свои въ задатокъ.

(Отдаетъ ковчегъ Лонустѣ).

Я продала приданое свое
И выручила семьдесятъ талантовъ:
Они твои, Лонуста, если ты
Поможешь мнѣ и разгадаешь участь
Валерія и моего отца.

Лонуста. Но знаешь ли, Сервилія, что я
Должна покой могилы потревожить
И вызвать тѣнь волшебницы Саганы:
Передъ ея безплотными очами
Минувшее сливается съ грядущимъ
Въ одинъ недвижный, настоящій мигъ..
Ты въ силахъ ли снести безъ содроганья
Явленье тѣни?

Сервилія. Ежели весь Тартаръ
И смерть сама передо мной предстануть,
Я не содрогнусь.

Лонуста. Подожди меня:
Черезъ минуту я къ твоимъ услугамъ.

(Приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Сервилія одна.

О, боги! укрѣпите робкій духъ
И волю слабой женщины: не праздность,
Не дерзость, не пустое любопытство,
А чувство и любовь повелѣваютъ
Мнѣ преступить запретные предѣлы
И тѣнною рукою приподнять
Таинственный покровъ нетѣнной жизни.

(Занавѣсъ отодвигается и открываетъ лабиринтъ).

торію Локусты, поднятую на двѣ ступени выше пріемной. На полкахъ и на столахъ видны въ полумракѣ разныя сосуды и вазы, человѣческіе черепа и кости, скелеты животныхъ, металлическія полоски съ волшебными знаками и свитки папируса. На полу лежатъ мѣдный щитъ, руды лавровыхъ вѣтвей и ароматическихъ растений. Въ одномъ углу механическая прялка съ колесомъ; въ другомъ углу—восковая фигура Гекаты, выкрашенная бѣлою, черною и красною краскою; въ рукахъ у нея бичъ, лампада и мечъ, обвитый змѣею. Посрединѣ треножникъ съ пылающей жаровней. Локуста стоитъ съ волшебнымъ жезломъ подлѣ треножника).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Локуста, Сервилія.

Локуста (подходитъ къ Сервиліи).

Сервилія, хоть я убѣждена
Въ успѣхѣ чаръ (сегодня поволунье),
Но свой вопросъ я снова повторяю:
Согласна ль ты на вызовъ изъ Анда
Колдуньи?

Сервилія. Да!

Локуста. Ты этого желаешь:

Да будетъ такъ...

(Чертитъ жезломъ кругъ и вводитъ въ него Сервилію).

Теперь позволю тебя

Предостеречь...

За этою чертою (грозитъ Сервиліи)

Я не властна. Не выходи изъ круга!..

(Идетъ къ треножнику и начинаетъ бросать въ огонь волшебныя снадобья, произнося шопотомъ невнятные заклинанія. Надъ жаровней вспыхиваетъ синее пламя; въ воздухъ проносится жалобный звукъ).

Локуста (возвѣщаетъ голосъ). Геката, Геката!

Я слышу, я знаю—
Ты близко, ты близко:
Привѣтствуютъ всемъ
Тебя въ новолунье

Сторожкіе псы.
Геката, Геката!
Я въ пламя бросаю
Главу василиска
И мирру съ алоемъ
И старой колдуньи
Съдые власы.

(Надъ жаровней поднимается дымъ. Жалобный звукъ повторяется слышнѣе. Локуста беретъ мѣдный щитъ).

Символомъ созданья
И тайной природы
Тебя заклинаю,
Подземная сила:
Страшися, страшися
Таинственныхъ словъ!
Полна обаянья,
Я въ Тартара своды
Щитомъ ударяю:
Раскройся, могила!
Явися, явися.
Сагана, на зовъ!

(Ударяетъ въ щитъ. Комната озаряется красноватымъ свѣтомъ; въ дыму появляется призракъ старуки).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сервилія, Локуста, призракъ.

Призракъ *(глухо)*. Кто вызывалъ меня?

Сервилія *(твердымъ голосомъ)*.

Подземный призракъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, осмѣлилась нарушить
Могильный твой покой и умоляетъ
Ей на вопросъ сомнительный отвѣтить...
Отвѣтишь ли?

(Призракъ молчитъ).

Отвѣтишь ли?

(Локуста повелительно протягиваетъ жезлъ).

Призракъ.

Спроси.

Сервилія. Скажи мнѣ: гдѣ трибунъ Валерій Рустикъ,

Мой вѣрный другъ и дорогой женихъ?
Скажи еще: помилуетъ ли кесарь
И защититъ ли моего отца,
Неправо обвиненнаго въ измѣнѣ
Предателемъ и гнуснымъ лицомъ бромъ?
Призракъ. На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь.
(*Исчезаетъ. Занавѣсъ задерживается.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Сервилія одна.

Исчезла!.. Охъ, какъ страшенъ міръ загробный!
Коснись меня она костлявымъ пальцемъ.
Нль просто погрози мнѣ—я унала бь
Бездушнымъ трупомъ... Что она сказала?..
Юпитерь, дай мнѣ силы до конца!
Я чувствую, что разумъ мой мутится...

(*Подходитъ къ аналогію и склоняетъ голову на руки.*)

Да... вспомнила. Она мнѣ говорила:
«На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь»...
Кого же обвиняю я?..

Эгнатій (*выходитъ изъ-за занавѣса*).
Меня.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Сервилія, Эгнатій.

Сервилія (*быстро оборачивается*). Эгнатій!

Эгнатій. Я, Сервилія! Не бойся:

Я не врагомъ пришелъ къ тебѣ, а другомъ.

Сервилія. Какое лицемѣріе! Ты смѣешь.

Ты не стыдишься называться другомъ?

Эгнатій. Сервилія! во-первыхъ—успокойся:

Весь этотъ вызовъ призрака нарочно

Придуманъ мной, а для чего—узнаешь...

Позволь мнѣ возвратить твои игрушки.

(*Подаетъ ей ковчежець*).

Сервилія (*отступаетъ*). Я эти вещи отдала Локустѣ
И не хочу принять ихъ изъ руки
Предателя...

Эгнатій. На это оскорбленье
Отвѣчу я, Сервилія, тебѣ
Со временемъ. Покажѣсь объясню,
Кто этотъ призракъ грознаго Анда.

(Кладетъ ковчежецъ на аналогій).

Локуста мнѣ старинная знакомка...
Я зналъ, что ты къ ней явишься сегодня,
И вмѣстѣ съ нею приготовилъ шутку:
Невольница Локусты, Фортуната,
Сыграла роль волшебницы Сагапы...
Прости меня за это испытанье.

Сервилія. Скажи, Эгнатій, кто тебѣ далъ право
Такъ нагло издѣваться надъ несчастьемъ?
Оклеветать предъ Римомъ добродѣтель
И честь въ лицѣ сановника и старца,
Который былъ тебѣ вторымъ отцомъ,
Любить тебя, воспитывать, лелѣять,
Покрыть бѣдою голову сѣдую,
Убить печалью цѣлую семью—
Все это — тяжкій грѣхъ и преступленье;
Но издѣваться надъ несчастьемъ — низость!

Эгнатій. Весьма вѣлерьчивые упреки!
Я, впрочемъ, былъ давно на нихъ готовъ...
Не знаю—ты готова ли прослушать
Мое признанье... Я предупреждаю,
Что буду долго говорить съ тобою,
И что отъ этой будущей бесѣды
Зависитъ участь твоего отца...
Ты хочешь слушать?

Сервилія. Говори, Эгнатій...
Но не надѣйся хитрыми рѣчами
Прельстить меня: любовь моя къ отцу
И страсть моя къ Валерію, которой
Нѣтъ имени на языкѣ людей,
Замѣнять мнѣ и прозорливый разумъ,
И мужество, и волю... *(Садится).*

Эгнатій. Мы увидимъ...
Начну съ того, что назову себя:
Передъ тобой, Сервилія, Эгнатій,
Отпущенникъ сенатора Сорана.
Въ другихъ словахъ: передъ тобою рабъ,
Отпущенный на волю господиномъ.
Ты—римлянка, и съ молокомъ всосала

Извѣстныя понятія о рабствѣ;
 Но думала ль ты иногда о томъ,
 Какъ грозный Римъ рабовъ пріобрѣтаетъ?
 Я приведу тебѣ одинъ примѣръ:
 Вообрази, что хмельная когорта,
 Не слушаясь вождя, во время мира,
 Предательски-нежданно, темной ночью
 Напала на германское селенье,
 Зажгла его и грабить. Дикари,
 Опомнившись отъ ужаса и сна,
 Бросаются на грабящую шайку
 Съ дубинами и копьями... Напрасно!
 Ихъ слабое оружіе дробится
 О племы и желѣзныя кольчуги,
 И трупы ихъ валятся подъ мечами
 На головни пылающихъ жилищъ.
 Всѣ старики, старухи и младенцы,
 Какъ лишній грузъ, безъ жалости убиты,
 А молодыя жены и дѣвицы
 И отроки отведены въ неволю.

Сервилія. Зачѣмъ мнѣ знать объ ужасахъ войны!
 За праваго—поборниками боги,
 Неправые страдаютъ за неправду.

Эгнатій. Не смѣшивай войны и грабежа.
 Я для того о немъ упоминаю,
 Чтобъ перейти къ себѣ...

Какъ медвѣжонокъ,
 Похищенный ловцами изъ берлоги,
 Я грызъ свои веревки и кусался,
 Пока трехдневный голодъ не осилилъ
 Моей природы... Насъ пригнали въ Римъ
 И вывели на рынокъ, какъ животныхъ,
 Въ ошейникахъ; меня купилъ Соранъ,
 И вотъ я въ вашемъ домѣ поселился
 Невольникомъ и жалкимъ сиротою.

Сервилія. Не клевети! Ты въ домѣ нашемъ выросъ
 Не такъ, какъ рабъ: тебя родитель мой
 Не раздавилъ пятою, какъ змѣенка,
 А отогрѣлъ у сердца своего.

Эгнатій. Но это сердце было мнѣ чужое!
 Ужели снисходительность Сорана,
 Заботы о моемъ образованьи,
 Его вниманье, похвалы и ласки
 Могли мнѣ все бывшее замѣнить?

Среди любимыхъ умственныхъ занятій,
Среди трудовъ—сродниться съ языкомъ,
Съ законами, съ гражданской жизнью Рима.

Среди моихъ отчаянныхъ усилій
Проникнуть глубже въ тайники науки,
Моимъ очамъ неожиданно появлялась
Минувшаго ужасная картина:
Ночной пожаръ родимаго селенья,
Отецъ мой, съ разможенной головою.
И мать моя, съ затянутою петлей...
Сервилия! въ подобныя минуты
Я сознавалъ, старался сознавать.
Что долженъ быть Сорану благодарнымъ;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, какъ сильно
Въ лицѣ его всѣхъ римлянъ ненавижу!

Сервилия. Несправедливо мстить невиннымъ людямъ
За свой тяжелый жребій. Не участие,
Живой угорь заслуживаетъ тотъ,
Кто жалокъ былъ и сдѣлался къ другому
Безжалостнымъ.

Эгнатій. Позволь мнѣ продолжать.

Пройдя молчаньемъ глупые года,
Честимые поэтами за что-то
Весною жизни, приступаю прямо
Къ той неизбежно-роковой минутѣ,
Которая, позднее или раньше,
Перерождаетъ душу человѣка.
Я понялъ вдругъ, что въ жизни у меня
Есть цѣль, что я ея достигнуть долженъ,
Преодолевъ всѣ трудности пути,
И къ ней пошелъ... надежда засвѣтила
Мнѣ впереди звѣздой путеводной,
И жизнь моя осмыслилась...

Въ два года,

Примѣрнымъ хладнокровіемъ, трудами
Лишеньями, прилежнымъ изученьемъ
Изгибовъ человѣческаго сердца,
Услугами, рассчитанною лестью,
Я приобрѣлъ довѣренность Сорана,
Отпущень имъ на волю, получилъ
И званіе и тогу гражданина,
Введенъ былъ въ школу стоиковъ, сдружился
Со всеми представителями школы,
Проникъ всѣ тайны, понялъ всѣ интриги

Двора Перона, и увлекъ Тразею
И стонковъ въ борьбу съ временщикомъ...
Все для чего?—чтобы достигнуть цѣли!
А стойки—и первый твой отецъ—
Мнѣ были бы естественной препоной.

Сервиля. Не знаю я, чего ты достигаешь.
Но средства обнаруживаютъ ясно
Преступность цѣли.

Эгнатій. Выводъ не логиченъ:

Цѣль иногда оправдываетъ средства.
Но кончимъ... Участъ твоего отца
И стонковъ въ моихъ рукахъ и волѣ.
Ты поняла? Два слова Тигеллину—
И твой отецъ очражданъ

Сервиля. Поняла.

Но самого тебя не понимаю.

Эгнатій. Сейчасъ поймешь... Я испыталъ тебя:

Та женщина, которая безстрашно
Идетъ къ Логустѣ и глядитъ въ глаза
Ночному привидѣнью, навѣрно,
Не побойтся пошлыхъ предрасудковъ,
Пожертвуетъ минутнымъ увлеченьемъ,
Оцѣнить твердость разума и воли
И постоянство истиннаго чувства.
Сервиля! ты можешь, если хочешь,
Спасти отца—твоимъ единымъ словомъ,
Движеньемъ брови, легкою улыбкой!

Сервиля. Эгнатій, я готова... объяснися,
Скажи, чего ты требуешь?

Эгнатій *(надаётъ ей въ ноги)*. Любви!

Сервиля *(встаетъ, блѣдная, какъ мраморъ)*.

Будь проклятъ день, въ который ты родился!

Эгнатій *(простираетъ къ ней руки)*.

Сервиля!... Сервиля!.. два года,
Два вѣка мукъ, терзаній и борьбы,
Люблю тебя, ревную, умираю
Отъ ревности, отчаянья и страсти!
Отецъ твой и Тразеа—это жертвы
На алтарѣ любви моей къ тебѣ...
Ты для меня—единая богиня,
Которой я и вѣрю и молюся...
Взгляни: я слѣдъ ноги твоей цѣлую,
Челомъ во прахъ склоняюся и плачу!

(Рыдаетъ, прижавъ головой къ помосту).

Сервилия. Вотъ мой отвѣтъ, Эгнатій, и другого
Ты отъ меня не жди: патриціанка,
Невѣста благороднаго трибуна
И любящая женщина не можетъ
У ногъ своихъ безъ омерзѣнья видѣть
Предателя и подлаго раба!

Эгнатій (*встаетъ*). Такъ знай же, горделивая матрона:
Валерій твой палъ подъ рукою убійцы!

Сервилия. Ты лжешь, презрѣнный! Если бы Валерій
Погибъ, мое недремлющее сердце
Расторглось бы на части!

Эгнатій. Утѣшайся
Бессонницей и чуткостію сердца...

Однакоже довольно пустословить...
Прослушай мой послѣдній приговоръ:
Я поклялся, что ты отсюда выйдешь
Моей женой, и не нарушу клятвы.

Сервилия. Я прежде черепъ раздроблю о стѣны,
Чѣмъ до меня рука твоя коснется.

Эгнатій. Съ безумными рѣчей не стоить тратить...

Пойми, что ты во власти у меня,
И не питай надежды на спасенье:
Твой крикъ замретъ подъ сводами глухими,
А слухъ хозяйки дома и невольницъ
Мертвѣе камня. Люди не помогутъ,
А боги пьютъ свой нектаръ на Олимпѣ.

Сервилия. И громъ на богохульника готовятъ!

Эгнатій. Эгнатій въ ихъ безсильный громъ не вѣрять,
А вѣрять въ умъ и волю человѣка.

Сервилия! я твердо убѣжденъ,
Что ты меня со временемъ полюбишь;
Теперь ты къ этой мысли не привыкла,
Но дай пройти минутному волненью...

Сервилия. Чудовище!..

Эгнатій. Я призову Локусту.

Она тебя въ уборную проведить.
При свѣтѣ лампы, подъ звуки томной цитры,
Подъ сѣнью ароматною цвѣтовъ,
Ты просвѣтлѣешь мыслями и чувствомъ.
На нѣсколько мгновеній я оставлю
Тебя одну... Размысли хорошенько,
Одумайся, Сервилия! (*Уходитъ за занавѣсь*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сервилія тушитъ лампу и подбѣгаетъ къ дверямъ атріума.

О, боги!

Все заперто...

Послѣдняя надежда! *(Рыдаетъ)*.

Валерій мой! безцѣнный мой Валерій!

Прости навѣкъ... Еще одно мгновенье —

И смерть меня избавить отъ позора. *(Ломаетъ себѣ руки)*.

Но гдѣ же вы, всевидящіе боги?

Спасите! васъ несчастье умоляетъ:

Спасите отъ гибели...

Да нѣтъ! *(Отчаянно)*

Вы слѣпы, глухи!

(Дверь на мѣсто тихо отворяется; изъ нея выходитъ Неволея въ бѣлой одеждѣ, съ факеломъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сервилія и Неволея.

Неволея *(подходитъ къ Сервиліи)*. Не зови боговъ,

Сестра моя Сервилія!

Сервилія. Кто ты?

Неволея. Невольница Лобусты, Неволея,

Сестра твоя о Господѣ.

Сервилія. Сестра?

Откуда ты? зачѣмъ сюда пришла?

Неволея. Пришла спасти тебя, во имя Бога

И нашего Спасителя Христа.

Сервилія. Ты христіанка?

Неволея. Я оглашена

И омываю горькими слезами

Мои грѣхи... *(Указываетъ на дверь)*

За этой тайной дверью

Есть тайный ходъ подземный въ катакомбы:

Пойдемъ со мной! пойдемъ скорѣе... чу!

(За занавѣсомъ слышны скрипъ двери и шаги).

Сервилія. Веди меня!

Тебѣ, Богъ христіанскій,

Сервилія судьбу свою вручаетъ!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Капище Венеры. — По срединѣ задней стѣны восьмиколонное преддверье капища съ рѣшетчатыми створами. Направо арка въ смежный притворъ кумирни; налѣво, противъ арки, колоссальный истуканъ Венеры. У подножья статуи трехступенная эстрада и на ней съдалища кесаря и двухъ консуловъ; у нижней ступеньки эстрады курульбный стулъ претора и скамья трибуновъ; по бокамъ разставлены полукругомъ скамьи съ приступками для сенаторовъ. Эстрада и скамьи ограждены раздвижными перилами и крыты пурпуромъ. Въ лѣвомъ углу, за перилами, стоить для писцовъ. По срединѣ сцены жертвенникъ. За сценой слышенъ гулъ толпы (7).

ЯВЛЕНІЕ I.

Консулы Най Светоній и Луцій Телезинъ, сенаторы, преторъ, два трибуна и писцы *стоятъ у своихъ мѣстъ*, квесторъ *за съдалищемъ кесаря*, глашатай *за преторскимъ стуломъ*, Сабинъ Осторій *у скамьи трибуновъ*; *ликторы размѣщены съ двухъ сторонъ передъ перилами*; жрецъ.

Жрецъ (*подходитъ къ жертвеннику*)

Да будутъ мнѣ свидѣтелями боги!

Ни птицъ полетъ, ни внутренности жертвы

Не предвѣщаютъ ничего худого,

И трибуналь имѣеть приступить

Къ рѣшенью дѣлъ и всякимъ разсужденьямъ.

(Присутствующіе садятся, за исключеніемъ квестора, глашатая, Сабина Осторія и ликторовъ. Жрецъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ жреца.

Преторъ (*встаетъ*). Для славы и для счастья особы

Божественнаго кесаря Нерона,

И слѣдственно для счастья и славы

Богами охраняемаго Рима,

Нашъ трибуналь откроетъ засѣданье

Прочтеніемъ проекта нашихъ дѣйствій

Къ искорененью стоицизма.

(Развертываетъ свитокъ и читаетъ) «Primo:

За присужденьемъ къ вѣчному изгнанью

Сенаторовъ: Гельвидія, Монтава,

Паконія 38) и Сенція Торквата,
Собранье наше полагаетъ: вызвать
Тразею и Сорана, уличенныхъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима.
По вызовѣ жъ виновныхъ, не стѣсняясь
Неявкою очередныхъ трибуновъ,
А именно: Валерія, трибуна
Тринадцатаго триба, прочитаетъ
Сенаторамъ Тразеѣ и Сорану
Примѣрное рѣшенье трибунала.
Которое затѣмъ благоговѣйно
Препроводить на судъ и усмотрѣнье
Божественнаго кесаря Нерона».

К. Светоній. Ты пригласилъ виновныхъ, преторъ?
Преторъ.

Да.

К. Светоній. Явились?

Преторъ. Явились.

К. Светоній. Глашатай,

Исполни долгъ!

Глашатай (*подходитъ къ периламъ*).

Благоволятъ граждане

Сенаторы Тразеа и Соранъ

Предъ трибуналъ явиться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Тразеа и Соранъ *выходятъ изъ-подъ арки и остано-
вливаются передъ перилами.*

К. Светоній. Трибуналъ

Васъ пригласилъ, сенаторы-граждане,

Затѣмъ, чтобъ вамъ прочесть свое рѣшенье

И дать возможность строгость приговора

Смягчить сознаньемъ вашего проступка.

Л. Телезинъ. Чтѣ скажетъ въ оправданіе Тразеа?

Тразеа. Тразеа почитаетъ униженьемъ

Отвѣтствовать на ложь и клевету.

Л. Телезинъ. Ты трибуналу отвѣчать обязанъ.

Тразеа. Я отвѣчать обязанъ высшей силѣ

И кесарю, а кесарь знаетъ все:

Я самъ ему признался откровенно

Въ моихъ поступкахъ, въ правилахъ, въ понятьяхъ,

Въ моихъ рѣчахъ и даже въ помышленьяхъ.

До полученья отъ него отвѣта

Я буду глухъ и нѣмъ на всѣ вопросы.

- К. Светоній.** Божественный нашъ кесарь Неронъ-Август
Въ Кампаніи.
- Тразеа.** Но я ему писалъ.
- Л. Телезинъ.** Однакоже позволъ тебѣ замѣтить,
Что кесарь самъ назначилъ трибуналъ.
И мы, по предоставленной намъ власти,
Тебя осудимъ, если ты теперь же
Намъ не представишь ясныхъ доказательствъ
Невинности своей и правоты.
- Тразеа.** Я не могу и не хочу стѣснять
Законныхъ вашихъ дѣйствій: вы въ нихъ властны,
Какъ я въ своихъ... Но, если трибуналу
Отвѣтъ Тразеи нуженъ непремѣнно,
Вы можете на память записать,
Что я, Тразеа, всей моею душою,
Всѣмъ сердцемъ презираю Тигеллина,
Который ложно говорилъ устами
Усердныхъ обвинителей моихъ.
- К. Светоній.** Нашъ трибуналъ не изъ дѣтей составленъ:
Онъ различитъ, что истинно, что ложно.
- Тразеа.** Послушайте, сенаторы и судьи,
И консулы: ты, Луцій Телезинъ,
И ты, Светоній! Правый человекъ
Погибнуть можетъ: правда не погибнетъ!..
Вы слышите народный шумъ и крики?
То голоса молвы тысячеустой,
Которая потомству передастъ
И вашъ позоръ, и судъ лицепріятный,
И имена смиренныя страдальцевъ,
Несправедливо обвиненныхъ вами...
- Л. Телезинъ.** Довольно! Это гордое упорство
Сочтется, при рѣшеніи суда,
За новую улику.
- Тразеа.** Превосходно!
Я подожду правдиваго рѣшенья.
- К. Светоній** (*Сорану*). Соранъ, тебѣ грозитъ еще одно,
И важное, по смыслу, обвиненье:
Твой обвинитель—этотъ римскій всадникъ,
Сабинъ Осторій... Знаешь ли его?
- Соранъ.** Я видывалъ Осторія, во время
Азійскаго проконсульства, въ Пергамѣ:
Онъ помогалъ корыстному Акрату
Отнять обманомъ у пергамскихъ гражданъ
Картины ихъ и статуи.

С. Осторій.

А ты,

Ты поукрыль насильно этихъ гражданъ,
Которые Акрата оскорбили,
Хотя Акратъ—отпущенникъ Нерона...
Ты, римлянинъ, сенаторъ и проконсуль,
Гоняясь за любовью чужеземцевъ,
Поддерживалъ мятежническій духъ
Племень азійскихъ... Кто тебѣ былъ другомъ?
Рубеллій Плавтъ, который осужденъ
Сенатомъ за намѣну противъ Рима!

Сорань. Я дружбою Рубеллія гордился
Такъ точно, какъ горжуся справедливо
Любовію и дружбою Тразеи.

Тразеа. Благодарю... У нашихъ римлянъ есть
Пословица, что путнику въ дорогѣ
Веселый другъ нужнѣе колесницы;
Но я скажу: на жизненномъ пути
Надежный другъ всего необходимѣй.

С. Осторій. Отцы и судьи! собственнымъ сознаньемъ
Въ своихъ связяхъ съ преступными людьми
Соранъ мои укору подтверждаетъ:
Мнѣ кажется, другихъ уликъ не нужно...
Но вы еще не знаете, какъ гнусны
И какъ преступны умыслы Сорана:
Охотой ставъ подъ знамя стоицизма
И обвиненный наравнѣ съ другими,
Соранъ дерзнулъ прибѣгнуть къ заклинаньямъ
Подземныхъ силъ и призывать на помощь
Жильцовъ могилы.

Сорань. Это—клевета.

С. Осторій. Пусть преторъ поступаетъ по закону.

Преторъ. Благоволитъ прослушать трибуналь
Второй параграфъ нашего проекта. (*Читаетъ*)
«*Secundo*: Пригласить предъ трибуналь
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію».

Л. Телезинь. Приглашена?

Преторъ. Явилась.

Сорань. Я узнаю правдивый римскій судъ:
Онъ не щадитъ ни возраста ни пола.

Тразеа. Квириты судятъ беспомощныхъ женщинъ,
Должно-быть, по предчувствію, что скоро
Самихъ ихъ тѣ же женщины осудятъ.

Л. Телезинь. Нашъ трибуналь законами и волей

Божественнаго кесаря Нерона
Поставлець выше всякихъ порицавій,
И не тобѣ судить его... Глашатай!
Исполни долгъ!
Глашатай (*громко*). Благоволитъ гражданинка,
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервиля, предъ трибуналь явиться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Сервиля. *На ней ольняная туника изъ грубой ткани: покрывало совершенно скрываетъ ея станъ и лицо. Сервиля проходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*

Соранъ. О, бѣдное, о, бѣдное дитя!

Тразеа (*тихо*). Сервиля, друзья твои не дремлютъ...

К. Светоній. Мы, консулы и судьи, пригласили

Дочь римскаго сенатора Сорана,

Сервилю, затѣмъ, чтобы спросить:

Давно ль и какъ знакомъ съ ней римскій всадникъ

Сабинъ Осторій?

Сервиля (*тихо*). Я его не знаю.

С. Осторій. Неправда: ты меня встрѣчала часто

На форумѣ, на улицахъ и въ храмахъ.

Сервиля (*взглядываетъ на Осторія*). Быть-можетъ, ты со мною и встрѣчался.

Но я тебя ни разу не видала.

С. Осторій. Должно-быть, ты мое лицо забыла...

Припомни, какъ кормилица твоя

Ходила продавать наряды

Въ ту лавку?.. знаешь?..

Сервиля. Знаю, что мнѣ стыдно

И за тебя и за твои слова.

Л. Телезинъ. Здѣсь трибуналь: предъ ликомъ правосудья

Не существуетъ ложнаго ссыда.

С. Осторій. Позволь спросить: затѣмъ ты приказала

Продать свое приданое? (*Сервиля молчитъ*).

Зачѣмъ?

Сервиля. Ужели трибуналь не запрещаетъ

Такихъ вопросовъ?

С. Осторій. Ты на нихъ не хочешь,

А правильнѣй—боишься отвѣчать.

Я помогу тебѣ и самъ отвѣчу:

Ты продала приданое затѣмъ.

Чтобъ, выручивъ значительную сумму,
Снести ее волшебникамъ и магамъ. *(Указываетъ на Сорана)*

По наущенью своего отца,
Ты къ нимъ ходила, совершала чары
И вызывала съ ними изъ Аида
Боговъ подземныхъ... можетъ-быть, на гибель
Сената и народа!.. Признавайся:
Зачѣмъ ты имя кесаря не разъ
Во время заклинаній поминала?
А ты молчишь, обѣдишь?..

Я сказала.

(Сервилия складываетъ руки, становится на колѣни и плачетъ, закрывшись покрываломъ).

К. Светоній. Сервилия, ты можешь оправдаться? *(Молчаніе).*

Мы ждемъ отвѣта...

Сервилия *(встаетъ)*. Консулы и судьи!

Нѣтъ,—я боговъ подземныхъ не звала ⁽⁴⁹⁾
И гибели ничьей не замыслила.
Молилась я единственно о томъ,
Чтобъ кесарь нашъ, по благодти душевной,
Помилдовалъ любимаго отца.
Я къ магамъ не ходила, а ходила
Къ... гадальщицѣ, и точно отвесла
Ей всѣ мои вѣнчальные уборы.
Проси она души моеи и жизни—
Повѣрьте, я и ихъ бы отдала.
Ужель за эту женщину я буду,
Какъ за себя, отвѣтствовать закону?
Я прежде съ нею не была знакома:
Слыхала только объ ея искусствѣ,
Но тайнъ искусства этого не знала:
Сама же я о кесарѣ иначе.

Какъ о богахъ, нигдѣ не говорила,
Но если я виновна, осудите
Меня одну: несчастный мой родитель
Не вѣдалъ даже о моемъ простункѣ...

Соранъ. Сервилия, не трать сердечныхъ словъ!

Благоволите, консулы и судьи,
Прослушавъ дочь, прослушать и отца:
Вы дочь мою, Сервилию, призвали,
Какъ жалкую преступницу, къ отвѣту:
Но въ чемъ она преступна и виновна?

Она со мной въ Пергамѣ не была
И Плавта не знавала. Отношенья
Мои къ Тразеѣ и другимъ особамъ,
Которыя обвинены со мною,
Ей были вовсе чужды. Неужели
Вы можете вмѣнить ей въ преступленья
Дочернюю привязанность и нѣжность?
Прошу васъ—отдѣлать судьбу отца
Отъ участи невиннаго ребенка—
И жребій мой, каковъ бы ни былъ онъ,
Покажется мнѣ сладостнымъ.

Сервилія (*простираетъ къ нему руки*). Родитель!
Соранъ. Сервилія!

(*Они хотятъ броситься другъ къ другу въ объятія;
ликторы ихъ разлучаютъ*).

Л. Телезинъ. Соранъ, предъ трибуналомъ
Нѣтъ ни отца ни дочери, а есть
Сообщникъ и сообщница.

Преторъ. Не время ль
Позвать теперь свидѣтелей? По списку.
Важнѣе всѣхъ отпущенникъ Эгнатій...

К. Светоній. Явился онъ на вызовъ?

Преторъ. Да.

К. Светоній. Глашатай,

Исполни долгъ!

Глашатай (*громко*). Отпущенникъ Эгнатій!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Эгнатій *подходитъ къ жертвеннику*. Соранъ *накло-
няетъ голову*. Тразеа *презрительно смотритъ на Эгнатія*.

Л. Телезинъ. Эгнатій, ты обязанъ намъ поклясться
Юпитеромъ, что скажешь трибуналу
Всю истину.

Эгнатій (*кладетъ руку на жертвенникъ*). Клянуся!

Телезинъ. Подойди

И объясни, что знаешь, откровенно.

Эгнатій (*подходитъ къ эстрадѣ*). Свидѣтельство мое не
многословно

Я снова просмотрѣлъ ихъ протоколъ
И свѣрилъ съ черною: онъ исправленъ.

(*Подаетъ претору свитокъ*).

Хотя здѣсь говорятъ о префектѣ

Преторіанцевъ и о тѣхъ доносахъ,
Которые терзаютъ гражданъ, но...
Я самъ составилъ этотъ протоколъ
И знаю твердо стойковы: конечно,
Они не ждали легкихъ обвиненій
И будутъ рады, если ихъ осудятъ,
Какъ безпокойныхъ и зловредныхъ гражданъ,
Которымъ слѣдуетъ пресѣчь всё средства
Къ развитію химерныхъ ихъ идей.
Чѣмъ ни рѣшилъ бы трибуналь ихъ участь,
Рѣшеніе будетъ краше благосклонно:
Они со мною сами согласятся
И, вѣрно, мнѣ не будутъ прекословить.

Л. Телезинъ. Соранъ, ты слышишь?

(Соранъ не поднимаетъ головы).

Тразеа.

Именитый консулы!

*Онъ слышитъ... Ты не видишь, что презрѣнне
И скорбь уста Сорана заграждаютъ.*

(Указываетъ на Эгнатія)

Вгляните: этотъ низкій обвинитель,
Когда-то пльнный спрота-ребенокъ,
Безъ языка и образа людского,
Сораномъ поднятъ былъ изъ состраданья
И снятъ съ мостковъ на грязномъ рабскомъ рынкѣ.
Не годъ, не два, десятки лѣтъ Соранъ
Его растилъ, какъ дорогого сына,
Образовалъ и отпустилъ на волю,
И даже въ завѣщаньи отказалъ
Немалое богатство... Вотъ награда!

*(Между сенаторами поднимается ропотъ; на
нѣсколькихъ лицахъ выражается участіе).*

Вскормите звѣря дикаго, и тотъ
Вамъ будетъ преданъ...

Эгнатій.

Черестанъ, Тразеа!

Твои слова всё клонятся къ тому,
Чтобъ объяснить молчаніе Сорана
Презрѣніемъ... Зачѣмъ же ты молчишь?

Тразеа. Я не молчу.

Эгнатій.

Но замолчишь, Тразеа,

Когда я буду говорить о цѣли
Твоихъ собратій.

Тразеа.

Новаго не скажешь!

Все знаетъ кесарь; я ему писалъ.

Эгнатій. И ты такъ легковѣренъ?..

(За сценой шумъ и слышны голоса:)

Преторъ! преторъ!

Свидѣтелей къ тебѣ не допускаютъ!

Вели открыть рѣшетку!

Преторъ (дикторамъ). Отворите!

(Дикторы отворяютъ рѣшетку).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Ф. Аферъ, Посидесь, Мелла, Цестъ.

Сквозь отворенную рѣшетку видна часть форума, покрытая густою массою народа. Передняя толпа взбирается на ступени храмовой лѣстницы, сталкиваетъ стоящихъ на ней преторіанцевъ и тѣснится у дверей каниша. Въ первомъ ряду Аферъ, Цестъ, Мелла и Посидесь.

Преторъ (вошедшимъ). Кто вы такіе?

Ф. Аферъ. Римскіе граждане:

Цестъ, Аферъ, Посидесь и Мелла.

Преторъ. Что же?

Зачѣмъ вы всѣ явились въ трибуналъ?

Посидесь. Мы избраны Валеріевымъ трибомъ —

Просить тебя...

Преторъ. () чемъ?

Мелла. Позволь намъ, преторъ,

Прослушать, за отсутствіемъ трибуна,

Рѣшенье трибунала.

Преторъ (послѣ нѣсколькихъ словъ съ консулами). Позволяю.

(Дикторамъ тихо)

Но затворить рѣшетку.

Одинъ изъ ликторовъ (тихо). Невозможно!

Посидесь. Съ тѣмъ вмѣстѣ, преторъ, ты насъ допусти

Въ свидѣтели.

Преторъ. Чего же вы хотите?

Посидесь. Хотимъ тебя увѣрить, что невѣста

Трибуна нашего, Валерія, — права,

А вы... то-есть не всѣ вы... виноваты.

Преторъ. Вы объяснитесь...

Голосъ изъ толпы. Аферъ, говори!

Ф. Аферъ. Пресвѣтлѣй, правосудный трибуналъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, обвинена неправо.

*(Консулы и сенаторы начинают шептаться
Преторъ торопливо шшеетъ. Эгнатій подходитъ
къ нему и говоритъ на ухо. Изъ-подъ арки, одни
за друими, выходятъ вооруженные преторіанцы и
становятся вдоль стѣны капища).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и преторіанцы.

Аферъ *(продолжаетъ)*. Сервилія обманута Локустой,
Которая, заранѣй сговорившись
Съ предателемъ Эгнатіемъ, успѣла
Завлечь ее въ свой тартаръ общапьемъ
Открыть предъ нею будущность Сорана.
Вы можете порядкомъ допросить
Невольницу Локусты, Фортунату.

(Указываетъ на С. Осторія)

Вотъ эту-то старую всадницу былъ подкупилъ,
Черезъ Локусту, Силіон, вдовою
Сенатора Антистія; спросите
Ея невольницъ. А волшебнымъ чарамъ
Сервилія нимало не причастна,
И вообще мы клятвой утверждаемъ,
Что нѣтъ ея невиннѣй въ цѣломъ Римѣ,
И что она достойна быть супругой
Такого молодца и гражданина,
Какъ нашъ трибунъ Валерій! Кто не вѣритъ,
Тотъ не другъ намъ и трибу.

Я сказалъ.

(Оборачивается къ Сервиліи и кланяется).

Сервилія *(откидываетъ покрывало)*. Благодарю тебя, Фуль-
пиній Аферъ,

Не за себя, за твоего трибуна,
За память о душѣ его безцѣнной.

(Опускаетъ покрывало и плачетъ).

Соранъ *(Фульпинію Аферу)*. Отецъ за дочь тебя благо-
дарить.

Тразеа. А я за Римъ.

Посидесь. Скажи еще мнѣ, Аферъ,

Что у такихъ хорошихъ дочерей
Худыхъ отцовъ, навѣрно, не бываетъ.

Кого-нибудь... Положимъ, что... Эгнатій...

(Вписываетъ).

Теперь намъ остается подписать,
Такъ какъ трибуны римскаго народа
Согласны и не произносятъ...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Валерій *появляется въ преддверіи капища.*

Валерій.

Veto ⁴⁰)!

Нѣсколько голосовъ. Валерій!

*(Изъ груди Сервиліи вырывается страшный крикъ; она шатается и падаетъ на руки подо-
стывшаю Сорано).*

Эгнатій *(рветъ на себя волосы)*. Живъ?.. Смертельный
врагъ мой живъ!

А я, безумецъ, вѣрилъ въ силу воли!
Проклятье!

Валерій. Властью римскаго трибуна,
Я закрываю засѣданье.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и Тигеллинь.

Тигеллинь *(подходя къ Валерію)*. Что-о?!
Трибунъ? трибунъ при кесарѣ Перонгѣ?
Трибунъ и veto?

Преторъ. Мы не позволяемъ.

Валерій не являлся въ засѣданье
И потому теряется въ этомъ дѣлѣ
Права трибуна.

Валерій. Консулы и судьи!

Я вамъ привезъ отъ кесаря посланье.

*(Подаетъ свитокъ Л. Телезину, который пере-
даетъ его квестору).*

Тигеллинь. Отъ кесаря?

Эгнатій *(тихо)*. А!.. это Мессалина!

Преторъ. Я требую вниманія!

(Все встаютъ; глубокая тишина).

Квесторъ *(читаетъ)*.

«Отцы

Сенаторы! Трибунъ Валерій Рустикъ

Все это время былъ удержанъ мною

Для пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ:

Прошу считать, на прежнемъ основаньи,
Его моимъ очереднымъ трибуномъ.
Календы мая. Кесарь Перонъ-Августъ».
Валерій. При этомъ кесарь далъ мнѣ повелѣнье
Увѣдомить сенаторовъ и судей,
Что завтра утромъ онъ прибудеть въ Римъ.
Народъ. Да здравствуетъ божественнымъ нашъ кесарь!
Преторъ. Собранье наше кончено... Отцы
Сенаторы! мы можемъ удалиться.

(Присутствующіе сходятъ съ мѣстъ. Консул преторъ, нѣсколько сенаторовъ, квесторъ, и шатай, писцы и ликторы уходятъ одни друими. Валерія окружаетъ толпа. Глѣсны шлуютъ помы ея тот).

Эгнатій *(Тигеллину)*. Не выпускай Валерія изъ храма!
Вели убить!

(Тигеллинъ молча указываетъ на толпу, поже маетъ плечами и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ вышедшихъ.

Эгнатій *(глядитъ влѣдъ Тигеллину)*. Не хочешь?
Такъ я самъ
Пусть разорветъ толпа меня на части,
Я не одинъ погибну: все же легче! *(Садится на скамью)*
Валерій *(пожимаетъ руки нѣкоторымъ изъ окружа щихъ ея)*.

Теперь я вашъ, друзья мои!
(Подходитъ къ Тразеу, обнимаетъ и шлуетъ ея Тразеа!

(Ищетъ глазами Сорана и, увидѣвъ Сервилію вскрикиваетъ)

Сервилія!
Сервилія! ты здѣсь! *(Бросается къ Сервиліи)*

Сервилія *(слабымъ голосомъ)*. Валерій!.. ты.. не подхо ко мнѣ!

Я такъ слаба... не подходи ко мнѣ!

Валерій *(останавливается)*. Сервилія, да что съ тобой
Твой голосъ,

Твои глаза...

Сервилія. На нихъ—печать могилы.

Валерій. Сервилія! зачѣмъ меня пугать?

Сервилія (*Сорану*). Пусты, степы!.. Мнѣ легче... (*Вытря-
мляется. Валерію*)

Милый другъ!

Я чувствую, во мнѣ достанетъ силы
Все рассказать... Меня сейчасъ судили.

Валерій. Тебя? судили?

Сервилія. Да... за колдовство.

Я о тебѣ и о моемъ отцѣ
Пошла гадать... Нашлись злые люди,
И мнѣ въ вину поставили гаданье...
По гдѣ жъ ты былъ, мой дорогой Валерій?

Валерій. У кесаря. Условіемъ спасенья
Отца, Тразен, всѣхъ насъ было то,
Чтобъ я не смѣлъ показываться въ Римѣ
И вѣсти не давалъ вамъ о себѣ.
Быть-можетъ, это было испыгалье?

Сервилія. А я, Валерій, думала, что мы
Не встрѣтимся съ тобой на этомъ свѣтѣ.
Меня враги увѣрили... сказали:

«Валерій твой палъ подъ рукою убійцы!»
Я плакала, и плакала такъ долго,
Молилася, молилася такъ усердно,
Что наконецъ Господь меня утѣшилъ.

Валерій. Сервилія! ты очень нездорова...

Тебѣ покой и сонъ необходимы,
А здѣсь такое множество народа.

Соранъ. Дити мое! уйдемъ скорѣй отсюда:

Ты отдохнешь подъ кровлею родною.

Сервилія. Я отдохну, но подъ другою кровлей...

Валерій! обѣщай исполнить волю
И просьбу умирающей: клянися—
Не мстить моимъ заблудшимся врагамъ
Клянися не предаваться малодунью,
Отчаянью...

Валерій. Сервилія!..

Сервилія. Клянися!

Валерій. Клянусь тебѣ, Сервилія!

Сервилія. Послушай:

(*Беретъ ея за руку и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Эгнатій (*встаетъ со скамьи*). Она его сама ко мнѣ под-
водитъ...

Пойдемъ навстрѣчу молодой четѣ!

Сервилія (*останавливается*). Валерій!

(*Голосъ ея звучно раздается подъ сводами ка-*

*нища. Толпа тѣнится внимательнымъ кружкомъ.
Эгнатій становится за Валеріемъ).*

Я прозрѣла въ новый міръ,

Узнала силу чудной благодати
И поняла душою просвѣтленной,
Что наша человѣческая мудрость,
Поэзія, искусство и наука,
И наши боги — эти идеалы
Юдольныхъ добродѣтелей и истинъ —
Не болѣе, какъ тѣни отъ пылинокъ
Предъ вѣчнымъ солнцемъ правды и любви...
Я — христіанка!

*(Валерій вздрагиваетъ. Толпа съ ропотомъ от-
ступаетъ).*

Эгнатій *(радостно)*. А! моя звѣзда,
Ты не угасла!

Сервилія. Да, я христіанка,
Но имени Христова недостойна...
Простясь съ тобою мысленно навѣки,
Я, у святого алтаря Господня,
Произнесла обѣты — посвятить
Себя служенью Богу и отречься
Отъ радостей земныхъ и отъ любви.
Когда жъ тебя я снова увидала,
Изъ моего болѣзненнаго сердца
Рванулся вопль, такой ужасный вопль,
Что струны жизни разомъ порвались...
Теперь звучитъ послѣдняя струна,
И та слабѣетъ...

Милый мой Валерій!

Сервилія, поклонница кумировъ,
Тебя любила сердцемъ; христіанка
Тебя душой своей безплотной любить...
Увѣруй, обратися ко Христу —
И мы съ тобою въ небѣ сединимся!

(Голосъ ея слабѣетъ съ каждымъ словомъ).

Я знаю... ты увѣруешь... и скоро...
Найди того, котораго недавно
Ты защитилъ отъ ярости народа:
Онъ защититъ тебя отъ искушенья
И отъ духовной гибели спасетъ,
Какъ спасъ меня и многихъ грѣшныхъ братій...
Теперь земное кончено. Валерій,

Простись съ твоей Сервиліей... Отець...

*(Шатается. Валерій и Соранъ ее поддержи-
ваютъ).*

Дай руку... гдѣ ты... гдѣ ты, мой Валерій?

Валерій. Здѣсь, здѣсь, мой другъ! у сердца твоего!

Эгнатій. Съ ней обморокъ! Врача сюда скорѣе!

Сервилія *(шопотомъ)*. Прости меня, небесный Искупитель,
Какъ я прощаю... злѣйшаго врага...

Валерій. Сервилія!.. Сервилія!.. Я вѣрю,

Съ тобою вмѣстѣ вѣрю...

Соранъ. Не зови:

Сервилія насъ больше не услышитъ!

Валерій. Меня услышитъ! *(Выхватываетъ изъ-подъ тоги
ножь).*

Тразеа *(останавливаетъ руку Валерія).*

Клятвы не забудь.

Гдѣ духъ ся — туда не долетитъ

Душа самоубійцы.

(Валерій закрываетъ лицо руками и плачетъ).

Эгнатій *(подходитъ ближе и смотритъ на трупъ Сер-
виліи).*

Умерла...

Враговъ... меня простила, умирая... *(Раздираетъ на себѣ
одежду)*

О, горе мнѣ! Есть всемогущій Богъ,

Есть неумытный Судія на небѣ,

Защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ!

ПСКОВИТЯНКА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

Царевичъ Іоаннъ.

Борисъ Федоровичъ Годуновъ.

Малюта Скуратовъ.

Князь Аванасій Вяземскій.

Дьякъ Елизаръ Вылузгинъ.

Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Сокольничій.

Елисей Бомелій.

Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ, царскій намѣстникъ и степенный садникъ въ Псковѣ.

Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога (псковичъ).

Бояринъ Никита Матута (псковичъ).

Максимъ Иларіоновичъ, бывшій степенный посадникъ въ Псковѣ.

Иванъ Гахоновичъ

Григорій Хрусталовъ

Юрій Копыль

Иванъ Теншинъ

Яковъ Кротовъ

Михаилъ Андреевичъ Туча

Четвертка Терпигоревъ

Дмитръ Патракѣвичъ, сотскій.

Федосъ Гобоя

Иванко Торгоша

Клементій Сесториковъ

Иванко Подкурскій

Колтырь Раковъ

Василій Суконникъ

Яковъ Жельзовъ

Юшко Велебинъ, гонецъ.

Семень Ивановъ Бороусовъ, псковской гость.

Боярыня Вѣра Дмитріевна Шелога.

Боярышня Надежда Дмитріевна Насонова, ея сестра.

} псковскіе посадники.

} посадничьи сычовья.

} очередные псковскихъ концовъ.

Перфильевна, мамка.

Княжна Ольга Юрьевна Токмакова.

Боярышня Степанида Матуга

Княжна Дябренская

Боярышня Федосья Умыль-Бородина

Настька, сѣнная дѣвушка.

Власьевна

Ипатьевна

Пароеновна

} подруги Ольги.

} мамки.

Тысящій, судья, псковскіе бояре, опричники, рынды, московскіе сирѣльцы, псковская вольница, сѣнные дѣвушки, мальчишки, народъ. Въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ — Псковъ; въ пятомъ — берегъ рѣки Мѣдѣдни.

Первое дѣйствіе въ 1555, остальные въ 1570 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица:

Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога.

Вѣра Дмитріевна, его жена.

Надежда Насонова, сестра Вѣры.

Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ.

Матрена Перфильевна, мамка Надежды.

Псковъ. 1555 г.

Свѣтлица. На заднемъ планѣ—сѣнная дверь; направо два окна въ садъ: одно раскрыто, и въ него вбивается нѣсколько вѣтокъ черемухи. Направо полурасворенная дверь; подлѣ нея столъ, и на немъ ларець; передъ открытымъ окномъ пальцы и два стула съ высокими рѣзными спинками. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда сидитъ за пальяцами; Перфильевна стоитъ у стола и оттираетъ ларець. Надежда въ сарафанъ; волосы заплетены въ косу. Перфильевна въ тѣлоусть и киль...

Перфильевна. Вотъ, матушка-боярышня, такъ поднизь!..

Гляди-ка-ся, какъ жемчугъ-то подобранъ —

Роса на травкѣ... Этакую поднизь

Не-то, что королевичнѣ носить,

Хоть бы самой царицѣ—право слово!

(Подходитъ къ Надеждѣ).

Прикинемъ-ка къ волосикамъ твоимъ

Шелковымъ... (Примѣриваетъ поднизь)

Куда какъ разуборно!..

Сама-то ты жемчужина въ окатѣ,
Аль камешекъ лазоревый... во Псковѣ
Красавицъ нѣту супротивъ тебя,
Опричь твоей сестрицы.

Надежда. Полно, няня!

Хвали сестру, да не стыди меня:
Мы съ Вѣрушкой и сестры, да не ровни.

Перфильевна. Надеженька! да вы съ сестрой—двойчатки,
Двѣ ягодки на вѣточкѣ одной...

Намедни мы пошли съ сестрицей въ церковь—
Народу много, и пригожихъ много—
Гляжу, гляжу: все дѣвки молодья,
А краше Вѣры Дмитриевны нѣтъ!
Вотъ, думаю я спросту: хоть и стерто,
Да золото литое, хоть и цѣльно,
А серебро.

Надежда (*съ раздумьем*). Перфильевна! не знаешь,
О чемъ сестра тоскуетъ?

Перфильевна (*кладетъ поднизъ на пальцы и вздыхаетъ*).

Знасть грудь

Да подоплека... Муженекъ не ѣдетъ —
Вотъ и тоскуетъ... Порознь-то давненько,
А молодой женѣ безъ мужа скучно.

Надежда. Такая все печальная, такая
Понурая... Словечка не промолвить;
Сидитъ себѣ весь день надъ колыбелью
Да Оленьку цѣлуетъ...

Перфильевна. Эхъ, Надежда!

Какъ выйдешь замужъ, такъ сама узнаешь
Въ ту пору,—каково оно легко
И мужа-то любить и дѣтокъ паянчить.
Вотъ погоди: твой женишокъ, князь Юрій,
Съ бояриномъ вернется изъ похода —
Ужъ,—плачь не плачь,—а косу расплету.

Надежда (*наклоняется надъ пальцами*).

Заплачется, коль суженый невзраченъ.

Перфильевна. Князь Юрій-то! Да что ты, Богъ съ тобою!

Не грѣхъ тебѣ?.. Да этакого князя
Всѣ дѣвушки съ руками оторвутъ...
Бывало, онъ по улицѣ поѣдетъ —
Конь, что твой звѣрь: и фыркаетъ, и пляшетъ,
И на дыбки, а онъ-то, разокольникъ,
Сидитъ себѣ на немъ и въ усь не дуетъ:
Знай, шапочку соболью бправляетъ

Да встряхиваетъ кудрями, а самъ
На теремъ нашъ все смотритъ, все-то смотритъ...
А ты: невзраченъ! *(Бьетъ объ полы руками)*
Дура же, я дура!

И невдомекъ, что ты меня морочишь:
Давно ль сама хвалила жениха?

Надежда *(улыбается)*. И пошутила.

Перфильевна. Видно, пошутила!

А плакала зачѣмъ, какъ онъ уѣхалъ?..
Ну, что стыдиться! Плакать не зазорно
По суженомъ...

(Качаетъ головой и смѣется).

Забить мнѣ—не забыть,
Какъ онъ въ Великихъ-Лукахъ-то со мною
Столкнулся—и давай мнѣ напѣвать
Про дѣвичью красу, свою зазубу...
Изъ Лукъ-то мы когда съ тобой?

Надежда. Великимъ

Постомъ.

Перфильевна. Ну вотъ, на пятой-то недѣлѣ
Ровнехонько былъ годъ... Аль на четвертой?

Не помню... а распутица стояла:
Такая склизъ, что Боже упаси!
Плетуся я проулкомъ отъ вечерень
Да подъ ноги гляжу, а князь-отъ Юрій
Павстрѣчу мнѣ: «Перфильевна, здорово!»
Я кланяюсь, а онъ мнѣ говорить:
«Скажи своей боярышнѣ, родная,
Что вся душа моя по ней изныла,
И Божій день, моль, безъ нея не въ день
(А самъ кису мнѣ въ руки суетъ, суетъ).
Смотри жъ, скажи, Перфильевна!»—«Скажу, моль,
Родимый мой, скажу»

Надежда. И не сказала!

Перфильевна. Какъ не сказала?.. Да Господь съ тобою!
Да ты тогда...

Надежда. И слушать не хочу.

Молчи, молчи!

(Зажимаетъ Перфильевнѣ ротъ и смѣется. За сценой слышенъ дѣтскій крикъ).

Ахъ! Оленька проснулась.

Вѣдь это мы съ тобою разбудили.

Вѣра *(за сценой)*. Шш-шш-шш,
Баю-бай-бай-бай,
Баю-бай-бай-бай.

Перфильевна *(шопотомъ)*. Припрятать поднизь, да сходить
на погребъ.

*(Запираетъ поднизь въ ларець и уходитъ въ сѣн-
ную дверь).*

ЯВЛЕНИЕ II.

Надежда, потомъ **Вѣра**.

Вѣра *(за сценой напѣваетъ вполголоса)*.

Баю-баюшки-баю.
Баю Оленьку мою!

Что на зорькѣ на зорѣ,
О весенней о порѣ,
Птички Божіи поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

Соловейка, соловей!
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ.
Баю-баюшки-баю.
Баю Оленьку мою!

По кусточкамъ попорхать,
Слѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть.

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

*(Входитъ съ свѣтлицу. На ней цвѣтная шубка
и каптуръ).*

Надежда *(оборачивается)*. Что, Оленька подъ пѣсенку твою
Заснула?

Вѣра. Да. *(Садится на стулъ)*.

А ты чему смѣялась?

Надежда. Съ Перфильевной: она хвалила князя,
А я его бранила.

Вѣра. Жениха-го?

Надежда. Вѣдь я шутила.

Вѣра *(улыбается)*. А любишь не на шутку?

Нашла себѣ я мужа помоложе,
Да надъ тобой, сѣдымъ, и насмѣялась!
Ищи и ты хозяйку другую,
Получише да почише, а съ меня
Снимаи и стыдъ и голову...»

Надежда. Ахъ, Вѣра!

Какъ у тебя языкъ-то повернулся
На эту рѣчь грѣховную? Татаринъ —
И тотъ своей хозяйки не зарѣжетъ,
А твой Иванъ Семеновичъ — крещеный!
Ну... пригрозить, посердиться, потужить,
Да и простить...

Вѣра. Не надо мнѣ прощенья
И милостей! Я мужу не жена
И никогда женой ему не буду:
Люблю другого, и любви этой
Мужъ и ножомъ не вырѣжетъ изъ сердца.

(Обнимаетъ Надежду)

Охъ, не кори! И ты бы полюбила,
Когда бъ ему въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковос слово...
И ты бы грѣхъ на душу приняла!

Надежда. Да кто жъ такой?

Вѣра. Не спрашивай, Надежда!

Не вымолвить, а то языкъ отсохнетъ!

Я и въ молитвахъ шопотомъ боюся

Проговорить желанное словечко:

Назвать его по имени... *(Хватаетъ Надежду за ру*

Послушай!

Грѣхъ говорить, а промолчать не въ силу.

Хоть казнися, да выслушай...

Надежда *(припадаетъ головой къ плечу Вѣры)*. Не бои

Я... не стыжусь... Я... вышла изъ подростковь.

Вѣра. Такъ слушай же! Шла замужъ я неволей...

Привыкла послѣ... Мой Иванъ Семеновичъ

Пренравный, а души во мнѣ не чаялъ

И баловалъ, какъ малаго ребенка:

Въ глаза глядитъ и мысли-то, кажися,

Всѣ выгладить да высмотреть насквозь...

Сегодня что ни есть мнѣ приглянулось,

А завтра—ужъ несутъ на дворъ купцы...

Дарить, дарить, да самъ еще боится —

Въ угоду ли? Колечко не колечко,

Запастье не запастье... Такъ мы жили

Съ нимъ до весны... Весною слышно стало:
На нѣмцевъ рать ебирають. Мой хозяйинъ
Буды тужиль, что надо намъ разстаться,
Да какъ тутъ быть?—пошелъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась,
Дала обѣдъ къ печерскимъ чудотворцамъ
Сходить, какъ только радостную вѣстку
Услышу... Вотъ и прискакалъ гонецъ:
«Сломали нѣмцевъ—Богъ послалъ побѣду».
Недѣли съ три прошло — другой гонецъ:
«Царь будетъ въ Псковъ, и наши съ нимъ вернутся...»
Пріѣхалъ царь, вернулись и наши,
А мужа нѣтъ: остался на сторожѣ
Подъ Кольванью — словно ненадолго,
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы...
Жду, жду—не ѣдетъ... Думаю: навѣрно,
Господу меня за то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ и не сдержала...
Взяла съ собою дѣвушекъ, пошла
Угодникамъ Господнимъ поклониться...
Ты не была въ монастырѣ?

Надежда. Въ Печерскомъ?
Нѣтъ, не была...

Вѣра. Туда дорога лѣсомъ...
А лѣсъ густой; березы да осины
Переплелися, спугались вѣтвями,
Какъ волоса, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнемъ раскинулся—разросся —
Продору нѣтъ. Идемъ мы по опушкѣ,
Вдругъ Степанида мнѣ и говоритъ:
«Боярыня, гляди-ка: подосинникъ.
Пойдемъ искать грибовъ».

Надежда. Ты и пошла?

Вѣра. Я и пошла... Давно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ—что коверъ шелковый подъ ногами...
А впереди деревья гуще, гуще,
Темнѣй, темнѣе: такъ къ себѣ и манять...
Иду... кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь...
Тутъ боровикъ, волвянка, подорѣшникъ,
Тутъ земляника... Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнется...

Вотъ слышится мнѣ, будто бы кукушка
 Кукуетъ гдѣ-то, только далеко...
 Дай, думаю, послушаю поближе:
 Надолго ли Господь грѣхамъ потерпитъ?
 Аукнула и побѣжала дальше.
 За мной: «ау! ау!», а я ныряю
 Промежъ кустовъ, не хуже куропатки...
 Вотъ и иду... кустарникъ чаще, чаще, —
 Все жимолость, да цѣпкая такая:
 То тамъ, то здѣсь лѣтникъ сучкомъ прихватить...
 На ту бѣду моя кукушка смолкла;
 Куда итти — не знаю, да и полно...
 Остановилась, духъ перевела,
 Подумала: «заблудишься, пожалуй!»,
 Пошла назадъ тихонько, а сама
 По сторонамъ гляжу, ищу дороги...
 Кажися, здѣсь? Пройшла шаговъ съ десятокъ —
 Итъ, здѣсь не шла; свернула полѣвѣе —
 Опять не то; взяла направо — топъ.
 По щиколку ушла нога въ болото.
 Я крикнула — никто не отвѣчаетъ;
 Еще, еще — опять отвѣту нѣтъ...
 Я не сробѣла, крикнула погромче,
 Прислушалась: чу! кто-то отозвался...
 Я на голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать,
 Все цѣпикомъ, по хворосту, по кочкамъ,
 Изорвала лѣтникъ, кантуръ сронила,
 Валежникомъ все ноги исколола,
 Все руки испарала — задаромъ:
 Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ!
 Трущоба, глушь! А сучья, словно руки,
 Такъ вотъ тебя за полы и хватаютъ...
 Страхъ обуялъ: я побѣжала шибче,
 Куда глаза глядѣли, безъ пути,
 Безъ памяти бѣжала и кричала,
 Пока языкъ и ноги не отнялись;
 Спотынулася о что-то и упала —
 Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ...

Надежда. Какъ ты жива осталась?.. Жутко, Вѣра!..
 И слушать — страхъ!..

Вѣра. Не страшень страхъ, Надежа,
 А страшень грѣхъ... Вотъ какъ любовь-змѣя
 Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
 Да высосетъ всю кровь изъ ретивого,

Да какъ не то, что о грѣхѣ молиться—

А, кажется, молилась бы грѣху,—

Такъ тутъ вотъ жутко... что твой лѣсъ потемный!

(Шомолчавъ)

Ну... Чтò со мною было—я не знаю...

Какъ сквозь просонокъ слышала: кричали,

Трубили въ рогъ... Очнулася я поздно,

Ужъ въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...

Гляжу: коверъ подостланъ подо мною,

А въ головахъ камчатная подушка,

И нарчевой попоной я накрыта...

Кругомъ собаки лаютъ, кони ржугъ,

Народъ гуторить...

Надежда. Чтò жъ это такое?

Бояре, что ль, охотилися?

Вѣра. *Онь...*

Приодняла я голову—подходить...

Впотьмахъ лица не видно, только очи

Какъ уголья въ жаровнѣ... Говорить:

«Долговько спалось, гостья дорогая!

А намъ бы вотъ довѣдаться: какъ гостья

Велить себя по имени назвать,

Какъ величать по отчеству?» Самъ—въ поясъ.

Я ни гугу: языкъ не шевелится...

А вижу-то, что изъ бояръ бояринъ,

По рѣчи слышно: голосъ такъ и льется,

Чтò за осанка, чтò за ростъ и плечи!..

Онь мнѣ опять: «Мужевая жена,

Аль красная дѣвица—обзовися:

Мы до дому проводимъ». Я молчу.

Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:

«Князь Вяземскій! Послать сюда дѣвчонку!»

И вышелъ вонъ... Втолкнули Степаницу...

А тамъ, ужъ какъ свезли меня домой,

Какъ на постель раздѣли—положили—

Не помню.

Надежда. Вѣра!. Знаешь ли ты?

Вѣра. Чтò?

Надежда. И я бы также полюбила...

Вѣра. *Надя,*

Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?

Душа изъ тѣла рвется... Ты послушай!

(Слышенъ отдаленный звукъ трубъ).

Надежда *(въ смущеннѣ прислушивается)*. Чтò это? трубы?

Вѣра. Пусть себѣ ихъ трубятъ!

Дослушай лучше пѣсенку мою.

Проснулася я ночью на постели:

Щемить мнѣ сердце,—сладко таково;

По тѣлу дрожь, какъ искры присѣкаетъ;

Коса трещить, вертится изголовье;

Въ глазахъ круги огнёвые пошли...

Вскочила я, окошко распахнула,

Дышу-дышу всей грудью... а въ саду

Роса дымится и укропомъ пахнетъ,

И подъ ухомъ въ травѣ куетъ кузнечикъ...

Ну, что, Надежда, что бы ты сказала,

Какъ если бѣ онъ да шастъ изъ-за угла,

Да пошептомъ промолвилъ: «Эхъ, молодка!

Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?

Аль бѣлою рукой не поманишь?

Пустила бы въ свѣтелку...»

Я шагнулась

И о косякъ ударила плечомъ,

А самоѣ трясеть, какъ въ лихоманкѣ...

Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»

А говорю: «вѣзай же, что ль, скорѣе!»

Ужъ, видно, Богъ попуталъ за грѣхи!..

*(Трубы слышатъ. Надежда глядитъ въ окна
Вѣра опускаетъ голову на руки и плачетъ. Молчаніе).*

Вѣра (встаетъ). Да что тутъ! вырвалъ сердце мнѣ изъ груди,

Какъ изъ гнѣзда безкрылую касатку,

Ударилъ оземь, да и прочь пошелъ.

(Ходитъ по свѣтлицѣ).

Жену завелъ—Настасьей зовутъ,

Романовной по батькѣ прозываютъ...

Ужъ я бѣ ее, лебедку, угостила,

Да не достанешь: руки коротки!

(Труба раздается у самыхъ воротъ).

Надежда (отскакиваетъ въ испугъ отъ окна). Ахъ, Господъ помилуй! Вѣра, Вѣра!

Они, они!.. Иванъ Семенычъ съ княземъ!

Вѣра (вскрикиваетъ). Мужъ!

Надежда. Убѣги, голубушка-сестрица!..

Я не пушу ихъ! *(Бросается къ спящей двери).*

Вѣра (*ломаетъ себѣ руки*). Матушка, не выдай!
Дай унести мнѣ Оленьку: убьютъ!

(*Бѣжитъ въ дверь нальво*).

Надежда (*прислушивается къ стѣнной двери*). Скорѣй, скорѣй!.. ворота отворили!..

Скорѣй! идутъ по лѣстницѣ!..

Вѣра (*обтѣкаетъ съ Оленькой на рукахъ*). Пусти!

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Вѣсная дверь растворяется; на порогахъ показываются бояринъ Шелога и князь Токмаковъ, оба въ кольчугахъ и шлемахъ*).

Шелога. Здорово! Дорогихъ гостей не ждали?

(*Снимаетъ шлемъ и молится*).

Вѣра (*бросается въ безпамятство между ними и Токмаковымъ*). Пусти, пусти!

Шелога (*заступаетъ ей дорогу, смѣясь*). Аль мужа не признала?

Знать, съ нѣмцами и самъ я нѣмцемъ сталъ.

Здорово, Вѣра! дай поцѣловаться!

(*Хочетъ ее обнять*).

Какися, годъ промаялись!..

Вѣра (*отскакиваетъ отъ него*). Не тронь,
Не тронь ребенка.

Шелога (*крестится*). Наше мѣсто свято!
Ребенка?.. Какъ ребенка?.. (*Дѣлаетъ шагъ впередъ*).

Вѣра (*отбѣгаетъ къ окну*). Отойди!
Въ окошко кинусь!..

Шелога. Господи, помилуй!..
Неужто я на смертный грѣхъ вернулся!..

(*Возвышаетъ голосъ*).

Жена!.. а чей папенокъ этотъ?..

Надежда (*падаетъ на колѣни*). Мой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Псковъ, 1570 годъ.

Садъ князя Юрія Токмакова. Яблони, груши, кусты смородины, малины и крыжовника. Вдоль сада пробѣга широкая дорожка. Направо видны боярскія хоромы; надъѣво щелистый заборъ въ соседній садъ. На первомъ планѣ, справа, густое дерево черемухи, подъ нимъ столъ и двѣ скамьи; слева разростокъ бузины. На заднемъ планѣ, изъ-за деревьевъ виденъ Кремль и часть Пскова. Сумерки. Боярышни и сѣвныя дѣвушки играютъ въ горѣлки, мамки сидятъ за столомъ, перебираютъ ягоду и шепчутся.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга горитъ. За ней нѣсколько паръ; въ первой парѣ княжна Дябренская и боярышня Умыль-Бородина; во второй боярышня Матута и Настька.

Ольга. Горю! (Умыль-Бородина и княжна Дябренская бѣгутъ)
Умыль-Бородина. Лови!

(Ольга бѣжитъ за нею; Умыль-Бородина увертывается).

Проворнѣй—не поймаешь!
(Сбѣгается съ княжной Дябренской).

Ольга (сметается и грозитъ Умыль-Бородиной).

Ну, погоди, Ѳедосья, попадешься!

(Возвращается на мѣсто).

Горю! (Стеша Матута и Настька бѣгутъ).

Настька (пробѣгаетъ мимо Ольги). Сторншы!

(Бросается и ловитъ).

Не ты ли подожгла!

Стеша Матута (улыбается). Куда ужъ намъ!.. Сосѣди ближе..

Ольга (хватаетъ ее за руку).

Стеша

Стеша Матута (откидываетъ голову). Ну, Ольга?

Ольга (вполголоса).

Ну!.. Да ты меня не нукай.

А говори по сердцу все, какъ есть.

Стеша Матута (также вполголоса). Такъ что жъ?.. Скажу..

Ты думаешь, боюся? (Громко)

Параша! Ѳеня!

(Княжна Дябренская и Умыль-Бородина подходятъ).

Будетъ намъ въ горѣлки:

Устала... ноги—точно какъ колодки.

Кн. Дябренская. И у меня.

Умыль-Бородина. А что жь мы будемъ дѣлать?

Стеша Матуга. Такъ что-нибудь...

Настька. Боярышни, давайте—

Кто ягоду крупнѣе наберетъ?

Умыль-Бородина. Давайте... Кто затынетъ «По малину»?

Стеша Матуга. А хоть бы я... Ну, разсыпайся, жемчугъ!..

Подруженьки, ау!

(Нырятся въ кусты; остальные разсыпаются по саду съ крикомъ) — Ау! ау!

ЯВЛЕНІЕ II.

Ипатьевна. Вотъ молодость-то рѣзвая, что зябликъ;

Все прыгъ да скокъ, все съ вѣтки да на вѣтку—

Не посидитъ на мѣстѣ и часочку...

Парѣеновна. Ипатьевна, когда жь и порѣзвиться,

Коль не въ подросткахъ?.. Что, твоей-то сколько?

Ипатьевна. Да что? никакъ пятнадцатый годокъ,

Парѣеновна!

Парѣеновна. Пу, мати, перестарокъ!

Сложить ихъ четырехъ-то, врядь дотянуть

До Власьевны...

Власьевна. Да! ты гляди на нихъ!

Изъ молодыхъ, да раннія... поди-ка-сь!

Одна моя такая егоза,

Что гдѣ это такая уродилась!..

Ни въ багюшку ни въ матушку... знать, въ вѣтеръ

Аль въ полымя пожарное...

Ипатьевна. Такъ что жь ты?

Вѣстимо: надо по коню уздечку...

Парѣеновна. По дѣвкѣ — парня...

Власьевна. На-тка, подступися,

Заговори-ка съ ней о сватовствѣ... *(Махаетъ рукой)*

И ворогу того не пожелаю!

Парѣеновна *(качаетъ головой)*.

Ахъ, мать моя! да какъ же это?

Власьевна. Такъ же:

Росла такая сызмалу. Досужа,

Привѣтлива, отходчива; а воли

Съ нея никто — и батька — не снимай!

Ипатьевна. Инья такъ покорливы: изъ воли

Родительской не смѣютъ выходить,

И на обычай дѣвичій стыдливы...

Вотъ хоть бы мы съ Перфильевой — извѣстно,
Своимъ добромъ не слѣдъ бы и хвалиться, —
А къ слову молвить: выносили пташекъ.

Власьева. Ну, матушка, у вашихъ соколѣнъ
И пути золотыя, а у Стеши
Пеньковыя...

Пареевнa. Пеньковыя! Порыться
У васъ въ пенькѣ, по кладовымъ-то вашимъ,
Такъ, чай, зобницу жемчугу нароешь,
А, говорятъ, рублями — прудъ пруди:
Всѣ закрома насыпаны до верху.

Власьева. Какъ вамъ не знать сосѣдскаго добра!

Ипатьевна. Ужъ полно, полно, Власьева-голубка,
Ужъ не грѣши на старости!.. Богатъ,
Куды богатъ бояринъ твой, Цикита
Семеновичъ!..

Пареевнa. Богатъ и тароватъ,
Хоша и вдовъ, а холостого лучше...

Ипатьевна. И молодець, — одинъ на цѣлый Псковъ.
Посватала бъ ему я и невѣсту —
Ужъ былъ бы благодаренъ! Отдадутъ,
Затѣмъ: женихъ сподручный имъ...

Власьева. Не сватай,
И безъ тебя найдутся: свахъ во Псковѣ,
Что въ огородѣ кочней...

Пареевнa. Знать, что правду
Просвирня наша мнѣ вчера сказала.
Не погнѣвися, матушка Матрена
Перфильевна, на глупый спросъ, и ты
Не погнѣвися, Власьева!

(Перфильевна не отвѣчаетъ).

Власьева. А мнѣ что?
Звони — языкъ не колоколь, не треснетъ.

(Вдали запѣваютъ тѣню).

Голосъ Стеши Матуы. По малину я ходила, молода, —
Прилучилась молодешенькѣ бѣда.
По малину, по малину, по смородину...

Нѣсколько голосовъ подхватываютъ:

По малину, по малину, по смородину...

Пареевнa. Вотъ ты молчокъ, Перфильевна, и слова
Мнѣ на ушко ни разу не шепнула,
Да былъ и правда — все одно, что масло:
Хоть въ рѣку вылей — выплыветъ наверхъ.

Перфильевна. Да что ты, мать?

Власьева. Къ чему ты прибираешь?

Пареевна. Къ тому и прибираю: «Быть княжнѣ
Боярыней...» а вы отъ насъ таитесь:

Нашли простыхъ!

Перфильевна. Что жъ? мало ли княженъ!

Пареевна. Да лихъ не всѣ намѣстничія дочки!..

Твоей княжнѣ, Перфильевна!

Перфильевна (*кланяется*). Спасибо

На чести-почести! Не ждали — не гадали,

Анъ радость и въ ворота къ намъ!..

Пареевна. Смекаешь,

Ипатьевна?

Ипатьевна (*качаетъ головою*). Ну, что и говорить?
(*Голоса ближе*).

Стеша (*за кустами*).

Ужъ какъ росъ въ лѣсу да кустикъ молодой —

Я запуталась въ немъ русою косой.

По малину, по малину, по смородину...

(*Голоса двушекъ*)

По малину, по малину, по смородину...

Перфильевна. Ну, разыгрались ласточки, распѣлись:

Знать, будетъ ведро...

Ипатьевна. Дай имъ Богъ на радость!

А ты-то что разгукалась совою?

Что и взаправду учала таиться?

Диви бѣ чужія... Слава Богу, сватья,

Да и кума въ придатокъ.

Власьева. Эка зависть!

Хоть не носить чужого сарафана,

Такъ дай рукой поглажу по камкѣ.

Перфильевна. Послушайте-ка, рѣдныя, негоже

Хвалить пирогъ, поколѣ тѣсто мѣсишь.

Взойдетъ опара — дѣло въ полудѣлѣ,

И какова-то выдастся начинка;

Вотъ испечемъ да подадимъ на столъ,

Тогда хвалите, милостные гости,

И сами мы хвалиться станемъ... такъ-то-сь!

А что теиерь?.. какое сватовство?..

Вонъ вѣсти-то изъ Новгорода... Лучше

И не слыхать бы...

Пареевна. А какія вѣсти?..

Перфильевна. Прослышала я мелькомъ, да не вѣрю:

Оиить-таки просвирня говорила..

Власьева. Ужь эта — жерновъ: положи известки —

Все за муку измелеть... Пустомеля!

Перфильева. Нѣтъ, Власьева! Просвирия чисто мелеть

А тутъ, гляди, посыпать не сумѣть...

Такія страсти... Самъ вѣдь князь — отъ Юрій

Мнѣ сказывалъ — ужь, стало, Божья правда.

Ипатьева. Да не томи, Перфильева!

Пареева. И впрямь!

Перфильева. Охъ, матушки, вѣдь царь Иванъ Васильичъ

На Повгородъ прогнѣваться изволилъ,

Пришелъ со всей опричиною...

Пареева, Ипатьева и Власьева. Чтѣ ты?!

Перфильева. Казнить по всѣмъ концамъ и по посадамъ

И стараго и малаго — кто вицень,

А кто и не виновенъ — безъ разбора,

Безъ жалости, безъ милости казнить.

Пригналъ оттуда къ князю сибирский вершникъ:

«Стонъ-стономъ, князь, по городу стоять;

На Волховѣ, пониже моста съ версту,

Набило тѣль — такая-то плотина,

Что полою водою не размоетъ...»

Три тысячи, никакъ — онъ говорилъ —

На площади казнѣно было за день,

А чтѣ ужь тамъ, по пригородамъ, селамъ,

Монастырямъ... Охъ, Господи, помилуй

Насъ грѣшныхъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Стеша Матута *выходитъ на дорожку; за ней Ольга, дружки боярышни и дѣвушки.*

Перфильева (*указывая на нихъ*). Дѣти... доскажу.

Стеша Матута (*сбираетъ ягоды по дорожкѣ и поетъ*).

Кто-то на помощь мнѣ, дѣвицѣ, придетъ?

Кто-то косынку отъ вѣтокъ отовѣтъ?

По малину, по малину, по смородину...

Боярышни и дѣвушки. По малину, по малину, по смородину...

(*Всѣ собираются въ кучку; въ платкахъ у нихъ ягоды*).

Стеша Матута (*затѣваетъ*). Не видалъ, не чаялъ суженыя сѣдой:

Увидалъ — распуталъ косынку милой.

По малину, по малину, по смородину!..

Всѣ вмѣстѣ. По малину, по малину, по смородину!..

(Подходятъ къ мамкамъ).

Княжна Дябрѣнская *(Ипатьевна)*. Смотри-ка, мама, что я набрала!

Видала ты крупнѣе?

Федосья Умыль-Бородина. Эко диво,

Что крупную малину отыскала!

Ты мнѣ найди смородину такую!

(Развертываетъ платокъ).

Не ягода—бурмицкое зерно.

Стеша Матуга. А мнѣ сегодня, просто, незадача:

Впередь шла Насътка—все обобрала,

Что повиднѣй..

Перфильевна. Ужъ эта воръ-дѣвчонка:

И ягоду наперечетъ всю знаетъ!

Насътка. Я, мамушка, все съ краешка...

Перфильевна.

Толкуй ты!

Стеша Матуга. Что жъ мы стоимъ? Садитесь разбирать.

(Княжна Дябрѣнская и Умыль-Бородина садятся на скамью; Насътка и свинная дѣвчонки перебираютъ ягоды стоя).

Ольга *(тихо Стешѣ Матугѣ)*. Ну, что же, Стеша?

Стеша Матуга *(тихо)*.

Отойди подальше.

(Ольга отходитъ. Стеша Матуга садится на скамью. Вслухъ)

Охъ, дѣвушки! прямая вы касатки:

Летали—щебетали безъ умолку,

А сѣли—смокли. Затяните пѣсню,

Иль Власьевну попросимъ: скажетъ сказку.

Княжна Дябрѣнская и Умыль-Бородина. Голубка Власьевна, пожалуйста, дѣя насъ...

Пожалуйста!.. одну!..

Власьевна.

Да отвяжитесь.

Какія сказки! Всѣ перезабыла..

Стеша Матуга. Нѣтъ, помнитъ. помнитъ. Мнѣ еще недавно

Разсказывала на ночь...

Власьевна.

Охъ, юла!

Разслышала ты много!.. Приставала:

«Скажи, скажи!», а стала говорить—

Гляжу—на первой присказкѣ заснула...

Какъ ключъ ко дну.. И вся тебѣ тутъ сказка.

Стеша Матуга *(смѣется)*. Такъ доскажи:—теперь я не засну...

Начни вотъ эту: про царевну Ладу.
Умыль-Бородина. Ахъ, Расскажи намъ, мама, про царевну
Княжна Дябреньская. Да Расскажи же, Власьевна!
Ипатьевна. Ну, полнѣ!

Повесели боярышень...
Власьевна. Постоите:
Я, можетъ, вспомню «про царевну»...

(Опирается головой на руки. Молчаніе. Стеша и Матута отходитъ къ кустамъ нальво).

Стеша Матута *(рветъ бузину, вполголоса)*. Ольга!
Ольга *(выходитъ изъ-за куста. Шопотомъ)*. Я здѣсь!
Ну, что?..

Стеша Матута *(также)*. Покончимъ сразу, Ольга!
Ты любишь?..

Ольга. Да.
Стеша Матута *(задыхаясь)*. Сосѣда?

Ольга *(качаетъ головой)*. Не сосѣда.

Стеша Матута *(хватаетъ ее за руку)*. Какъ, не его, не дьявола?
Четвертку?

Ольга. Клянусь тебѣ Заступницею, Стеша!...
Люблю я... *(Шепчетъ)*.

Умыль-Бородина. Что же, мама?

Власьевна. Погоди же!
Вѣдь сказка не дорога: тамъ спотынешься,
Да и опять пошелъ; а тутъ иное —
И о словечко не могли заппуться...

Стеша Матута. Охъ, Ольга! если бъ ты да разумѣла,
Какой мнѣ камень сдвинула ты съ сердца,
Сама со мной заплакала бъ навзрыдь
Отъ радости... *(Припадаетъ къ Ольгѣ на грудь и плачетъ)*
А я — твоя рабыня:

Возьми меня, вели разнять ножами —
И слова не промолвлю...

Власьевна. Такъ и быть,
Скажу вамъ сказку, только чуръ — ужь слушать
Да не мѣшай.

Умыль-Бородина и княжна Дябреньская. Какъ можно!..
не будемъ.

*(Ольга и Стеша Матута цѣлуются, подходятъ
рука въ руку, къ скамьѣ и садятся. Въ са-
темнѣетъ).*

Власьевна *(откашливается)*. Сказка про хоробраго витя
Горыню, про лютого змѣя Тугарина и про царевну Ладу.

«Починается сказка
Приговоромъ да присказкой,
Тихимъ пошептомъ, частымъ причитомъ;
Починается сказка—

Что отъ синяго моря Хвалынскаго,
Отъ семи рѣкъ восточныхъ,
Отъ семи звѣздъ закатныхъ,
Отъ семи горъ великихъ полуночныхъ.

Ой, на морѣ-морѣ

Погасаютъ зори,

За поморскою Камень-горой поднебесною,
За янтарнымъ узорочнымъ теремомъ!
На небѣ темно, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ мѣсяць;
На небѣ солнце, въ теремѣ ночь непроглядная...

Зачурованъ тотъ теремъ споконъ въковъ —

И положенъ зарокъ на немъ изстари

На три сотни головъ богатырскихъ,

А молодыхъ людей на три тысячи.

Гдѣ онъ сталь, та земля не извѣдана,

Тутъ дорога къ нему заповѣдана,

И залегъ ту дорогу Тугаринъ Змѣй.

Пастъ у Змѣя, что печь раскаленная,

Лапы—словно дубы треххватные,

Крылья мѣдныя, когти булатные,

Хвостъ на семьдесятъ саженъ волочится...

Русскій духъ слышитъ Змѣй ровно за семь версть.

Убиваетъ людей ровно за версту,

Убиваетъ, собака, не чѣмъ другимъ,

Какъ разбойничьимъ, громкимъ посвистомъ:

Зашипитъ онъ—деревья шатаются,

А какъ свиснетъ...»

*(За сосѣднимъ заборомъ раздается рязкій свистъ;
двушки вскрикиваютъ):*

Ай!

Княжна Дябренская *(въ испугѣ)*. Что это, мамушка?

*(За заборомъ веселый хохотъ и опять свистъ,
еще сильнѣе).*

Перфильевна. Ахъ, окаанный! Господи прости,

Перепугалъ не на животь, а на смерть.

Ипатьевна. Да кто это, Перфильевна?

Перфильевна. А кто же,

Какъ не постылый сорванецъ Четвертка!

(Обращается къ забору)

Подслушалъ, видно... Подожди: ужо-тка
Скажу я князю: будетъ на орѣхи,
Хоть ты и сынъ посадничій.. Вѣдь вишь ты,
Какой пострѣлъ!

Парееновна. Перфильевна, уйти бы
Покажѣсть что?...

Перфильевна. Вѣстимо, что уйти:
Съ нимъ до грѣха недолго... *(Съ нимъ въ двушкамъ)*
Убирайте

Все со стола. Боярышни, пойдѣте!

*(Боярышни и двушки торопливо собираютъ и
уходятъ съ мамками).*

Умыль-Бородина *(робко)*. А что же сказка?

Стеша Матута. Власевна доскажетъ
Вамъ въ терему... Пойдѣте поскорѣе!

*(Всѣ выходятъ въ калитку; Стеша Матута ро-
няетъ на полдорогъ платокъ и останавливается).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стеша Матута и Четвертка Терпигоревъ за заборомъ.

Стеша Матута *(подходитъ къ забору)*. Четвертка, ты?

Четвертка. Все я же, Степанида

Никитична! *(Показываетъ голову изъ-за забора).*

Позволишь перелѣзть?

Стеша Матута. Вогъ я тебѣ позволю!.. Здѣсь Михайла
Андреичъ?

Четвертка. Туча?.. У меня на лавкѣ

Сидитъ, повѣся голову...

Стеша Матута. Скажи.

Чтобы сюда пришелъ и дожидался.

Четвертка. А я-то что жъ, Терпигоревъ?

Стеша Матута. А ты

Проваливай!

Четвертка. Благодаримъ покорно.

Стеша Матута. Смотри жъ, Семень Михайлычъ, тише...
(Хочетъ уйти).

Четвертка. Стеша!

(Стеша Матута останавливается).

Зашлю я сватовъ?

Стеша Матута. Засылай, пожалуй,—

Не ты первой, у тятеньки ворота

Какъ впусять, такъ и выпусять.

Четвертка. Послушай:

Твой рѣднѣй самъ жениться норовить?

Стеша Матуга. Не знаю.

Четвертка. Эхъ, не любить насъ, не скажутъ!..

Ну, Стеша, Богъ съ тобою! Дай хоть ручку!..

(Стеша Матуга молча подходит къ забору и подаетъ руку; Четвертка беретъ ее за руку, притягиваетъ къ себѣ и цѣлуетъ).

Стеша Матуга. Пусти, Семень Михайлычъ!

*(Четвертка цѣлуетъ ее еще разъ). Неотвязный
(Вырываетъ руку и убѣгаетъ).*

Прощай!

Четвертка *(тихо)*. Прощай! Господь Христосъ съ тобою!

ЯВЛЕНИЕ V.

Сцена сначала пуста. Михайла Туча перелѣзаетъ черезъ заборъ и становится за бузиновые кусты; на немъ терликъ и высокая шапка. Четвертка за заборомъ. Изъ-за Крѣмля выплываетъ мѣсяць.

Четвертка *(поетъ вполголоса)*. Раскукуйся ты, кукушечка,

Во темномъ лѣсу, въ дубовушкѣ,
Посчитай ты добру молодцу
Его годы безталанные:
Долго ль будетъ такъ-то маяться —
На красну дѣвку поглядывать,
Горючи слезы глотаючи,
Про бездолице гадаючи?..

Что, Миша, ладно ль схоронился?

Михайла Туча.

Ладно.

Четвертка. А ладно — стой! Не нѣмца вѣдь сторожишь.

(Поетъ громче)

Охъ! не тяжко мнѣ бездолице,
А тяжка мнѣ кось да перекошь
Со моимъ гнѣвливымъ батюшкой,
Со моею гнѣвливой матушкой!..

Охъ!..

Михайла Туча *(шопотомъ)*. Сс! Нишкни!..

Четвертка *(такъ же)*.

Ты, Миша, посмѣлѣе,

А я уйду...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Ольга, закутанная въ фату, выходитъ въ садъ и быстро идетъ по дорожкѣ; Настяна прокрадывается въ калитку полкомъ и прячется въ малинникъ.

Михайла Туча (выходитъ изъ-за куста навстрѣчу Ольгѣ и приднимаетъ шапку). Княжна, ты не тревожься

И не пугайся. Повелишь — уйду.

Пришелъ сюда въ первой да и въ послѣдній...

Велишь уйти?.. (Ольга вся дрожитъ и не отвѣчаетъ).

Велишь?..

Ольга (еле слышно). Не уходи...

Мнѣ страшно... Какъ я ночью въ садъ попала —

Однимъ-одна... украдкой?.. Охъ, мнѣ страшно!

Застыла кровь и разумъ помутился...

Михайла Туча. Я за тебя не властенъ отвѣчать,

А за себя по совѣсти отвѣчу:

Пришелъ проститься... Полно мнѣ истомой,

Какъ угольемъ горячимъ, душу жечь!..

Коль доли нѣтъ, возьму свою недолго

И убѣгу за тридевять земель...

Скажи мнѣ только слово на прощанье:

Вѣдь за меня отецъ тебя не выдастъ?

Ольга. Не выдастъ: я просватана другому.

Михайла Туча (презрительно улыбается).

Матутъ?

Ольга. Да... Матутъ.

Михайла Туча. Экой свадьбы

Псковъ-осударь всей сходкой не попуститъ.

Твой батюшка не знаетъ, кто Матуга.

Онъ—перевѣтчикъ, прихвостень московскій,

Кривая отрасль отъ прямого корня,

А псковичи не жалуютъ такихъ.

Нѣтъ! если Богъ грѣхамъ моимъ потерпитъ,

Не побоюсь Матугы...

Ольга. Ахъ, Михайла

Андреевичъ! не знаешь ты отца:

Скорѣ вспять Великую отдвинешь,

Чѣмъ батюшкино княжеское слово...

Михайла Туча. Богъ милостивъ!.. Жалѣла бъ ты меня,

А тамъ — на все Его святая воля!

Ольга. Да какъ же мнѣ тебя еще жалѣть?

(Подходитъ къ Тучѣ ближе).

Ты видишь самъ: потайно и обманомъ
Пришла сюда, хоть мелькомъ поглядѣть,
Хоть слова два съ тобою перемолвить...
Чего жь тебѣ, безсовѣстный?

Михайла Туча. Мнѣ надо
Тебя, княжна, да надо не потайно —
Предъ Богомъ и предъ добрыми людьми.
И быть тому!.. И бѣдень и безродень,
А никому тебя не уступлю.
Прислушай, что я накрѣпко задумалъ:
Пойду, къ Успенью, подъ Сибирскій-Камень,
Съ Четверткой и съ псковскими удалцами,
Добуду тамъ мѣховъ и серебра,
Вернусь къ веснѣ—и князю поклонюся
Моимъ добромъ и головой сиротской:
Волѣнь казнить и жаловать волѣнь,
А я на помощь Божию надѣюсь...
Благослови, княжна, меня на путь!

Ольга (*складываетъ руки*). Желанный мой! Задумалъ ты
мнѣ горе!..

Зачѣмъ пойдешь въ такую даль и стужу?
Ужь сколько нашихъ полегло подъ Камнемъ,
А много ли вернулося оттуда?
Добыть добра ты хочешь, да отецъ
И самъ богатъ, и не добра, а зятя,
По сердцу и обычаю, онъ ищетъ.
Попуталъ Богъ! Матута подольстился —
Онъ слово далъ и заручилъ меня,
И обѣ помы ударили... Зачѣмъ же
Убѣдень ты? Зачѣмъ меня покинешь —
На слезы да на смертную кручину?

Михайла Туча. Нѣтъ, Ольга Юрьевна! смущать негоже.
Я порѣшилъ—и слово это крѣпко.

Ольга. Ты порѣшилъ! Ты порѣшилъ, Михайла
Андреевичъ, сгубить меня совѣмъ!

(*Закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

Михайла Туча (*беретъ ее за руку*). Не плачь, слезами горю
не поможешь!..

Не плачь же, Ольга: ты пытаешь душу,
А съ лютой пытки мало ли что скажешь!

Ольга (*поднимаетъ голову*). А сжели отцу я кинусь въ ноги,
Скажу ему, что мнѣ постылъ Матута,
Что я пойду скорѣе въ монастырь,
Чѣмъ подъ вѣнецъ?

Михайла Туча. Отець твой посмѣется

Надъ прихотью дѣвичьей—да и полно.

Ольга. А ежели преложить гнѣвъ на милость

И отказной поклонъ пошлетъ Матутѣ, —

Останешься?

Михайла Туча. Не искушай, княжна!

Ольга. А ежели во всемъ ему покаюсь,

Какъ, не спросясь его отцовской воли.

Я молодца другого полюбила

За сиротство, пригожество и удалъ,

Какъ безъ него и воля мнѣ—неволя,

И красный теремъ—что досчатый гробъ...

(Беретъ Михайлу Тучу за руки).

И ежели помилуетъ родимый,

Не прогнѣвится на мое безсчастье —

Останешься, мой миленькій?

Туча *(рыдаетъ)*. Останусь!

Ольга *(весело)*. Такъ жди же! Я въ Печерскій отпрошуся...

Тебѣ дамъ знать и...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Настьна *(выскакиваетъ изъ куста)*. Матушка-княжна!

(Ольга вскрикиваетъ).

Скорѣ спрячься: тятенька идетъ...

Сюда съ Матутой... спрячься—не пужайся:

Я въ дѣль—я въ отвѣтъ!... *(Шлептитъ кустами)*

Разойдитесь!..

Михайла Туча *(тлуетъ Ольгу руки)*. Прости, княжна!

Ольга *(обнимаетъ его)*. Прощай, мой милый!

(Исчезаетъ въ кустахъ. Михайла Туча безъ шума перелезаетъ черезъ заборъ. На дорожку показываются князь Юрій и бояринъ Матута; оба въ кафтаняхъ, но безъ шапокъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Князь Юрій, бояринъ Матута, Ольга и Настьна въ кустахъ.

Князь Юрій *(обтираетъ лицо платкомъ)*. Такъ-то...

Вотъ здѣсь не то, что въ теремѣ—прохладно,

Да и свободнѣй рѣчь вести, бояринъ.

Бояринъ Матута. Постой-ка, князь! свободнѣе ли, полно?

Входили мы, — почудилось мнѣ, что ли?—

Какъ будто кто-то крикнулъ... *(Оглядывается кругомъ).*
И кусты...

Вонъ тамъ... *(Указываетъ рукой)*

Гляди-ка, словно шевелятся.

Князь Юрій. Чтò жъ, поглядимъ... Не кошка ли залѣзла?
(Идетъ къ кустамъ. Настька шавелитъ вѣтвями).

Бояринъ Матуга. Двурукая!.. Ты видишь?

Князь Юрій *(подходитъ къ кусту, громко)*. Кто тутъ?

Настька *(раздвигаетъ вѣтви и падаетъ въ ноги князю)*. Я!

Князь осударь! помилуй: виновата!

Князь Юрій. А!.. это Настька... Чтò ты, пострѣленокъ?

Зачѣмъ ушла изъ дѣвичьей?

Настька *(на колыняхъ)*. Помилуй!

По ягодку... ядреная такая...

Попутало... у мамки отпросилась,

Сказала: такъ...

Князь Юрій. Грѣхъ, Настька, воровать!

Какъ будто мамка ягодой обидить...

Настька. Всего еще пять ягодъ сорвала... *(Показываетъ ягоды и кланяется въ ноги).*

Помилуй!.. *(Плачетъ).*

Князь Юрій. Ну, пошла домой, дѣвчонка!

Да берегись,—не попадись мнѣ въ шалняхъ.

Настька. Не буду, осударь мой князь, не буду!

Князь Юрій. Пошла домой! *(Настька вскакиваетъ и убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Настьки.

Бояринъ Матуга. Я что-то плохо вѣрю...

Дѣвчонка ужъ на возрастъ: не станетъ

За ягодой шататься по ночамъ...

Смотри: одна ль была въ саду, и нѣтъ ли

Еще кого!

Князь Юрій. Штъ, не грѣши, бояринъ:

Вотъ тридцать лѣтъ худого не случилось

По цѣлой дворцъ: люди у меня

Подъ страхомъ Божьимъ ходять: да и Настька—

Бойка-бойка, а чтò еще она?

Пискленокъ...

Бояринъ Матуга. Ну, на лѣба грѣхъ не смотреть.

Не худо бы по кустикамъ пошарить

На всякъ случай...

Князь Юрій. Э, перестань, Никита Семеновичъ! Мы время только тратимъ По пустякамъ...

Бояринъ Матуга. Какъ знаешь!.. Все бы лучше!.. Покойнѣе... Хоть говори потише...

Князь Юрій. Нануганъ же ты кѣмъ-то.

Бояринъ Матуга. Обожжешься На молоко, такъ, знаешь—станешь дуть И на воду... Такое нонѣ время.

Князь Юрій. Не время, а безвременье, бояринъ! Да!.. дожили до бури, до невзгоды... (*Вздыхаетъ*).

Бояринъ Матуга (*тихо*). А что, князь Юрій! не къ ночи сказать...

Что, если царь изъ Новгорода прямо Свернетъ на Псковъ... да гнѣвный-то? да грозный?

Князь Юрій. Что жъ? Мы—челомъ... Гроза—Господня воля!

Бояринъ Матуга. Да мы-то такъ... А волища-то наша?

Поди-ка, ломомъ нешто уломася!

Въ посадникахъ-то разума нисколько,

А сыновья посадничьи—тѣ хуже:

Всѣ въ лѣсъ глядятъ! Вонъ хоть Михайла Туча

Съ своимъ дружкомъ Четверткой... Попадися

Подъ лапу имъ, такъ закричишь спасибо!

Нѣтъ, плохо намъ, и Пскову-то не лучше...

Князь Юрій. Все знаю, все... Тяжелая обуза

Легла на плечи: Господу угодно

На старости послать мнѣ испытанье—

И голову подъ Божій гнѣвъ кладу,

А не дремлю: давно послалъ провѣдать

Я въ Новгородъ—какъ тамъ у нихъ и что?

Да вотъ все жду отвѣта...

Бояринъ Матуга. Не дождешься:

Извѣстно—задержали.

Князь Юрій. Статься можетъ...

Опять—все то жъ: на все Господня воля!

Мы, впрочемъ, завтра больше потолкуемъ,

Какъ съ миромъ быть... Теперь свос покончимъ.

Бояринъ Матуга. Покончимъ, князь. Ужъ мнѣ и невтерпежъ:

Пора кончать. Какъ хочешь, все голубкѣ

Не боязно и грѣзу перенести

Въ гнѣздѣ сокольемъ, подъ крыломъ угрѣвнымъ

Князь Юрій. Святая правда! Я ужъ и старенежъ

И сталь меня недугъ одолѣвать...

А ты въ порѣ—и съ Олею споешься,
Что зимній вѣтеръ съ вешнею мягелю...
Да, знаешь. Я передъ тобою виненъ —
Не все сказалъ...

Бояринъ Матуга. А не сказалъ, такъ скажешь.

Князь Юрій. Скажу тебѣ великую я тайну...

Ты думаешь: мнѣ Ольга—дочь родная?

Бояринъ Матуга (*изумленъ*). А кто же?

Князь Юрій. Кто?.. Какъ и назвать—не знаю...

Слыхалъ ты про боярина Шелугу?

Бояринъ Матуга. Женатъ былъ на своячинѣ твоей?

Князь Юрій. На Вѣрѣ на Насоновой...

Бояринъ Матуга. Слыхали.

Князь Юрій. Ну, Ольга—дочь вотъ самой этой Вѣры.

Бояринъ Матуга. Такъ вотъ что!

Князь Юрій. Вотъ что... А отца... не знаемъ..

Бояринъ Матуга. Э!.. такъ-то?.. (*Ольга слабо вскрикиваетъ*).

Чу! ты слышалъ?..

Князь Юрій. Что такое?

Бояринъ Матуга (*встаетъ*). Въ устахъ налѣво кто-то
крикнулъ.

Князь Юрій. Полно!

Кому кричать?.. Какой же ты чудной!

Ну, воробей спросонокъ встрепенулся...

Бояринъ Матуга. Нѣтъ, князь, стой!..

(*Въ Кремль ударъ колокола*).

А это что еще?

(*Еще ударъ, третій, четвертый*).

Князь Юрій. Набаты! набаты! (*Колоколъ не перестаетъ
гудѣть*).

На сходку созываютъ!

(*За дальнимъ заборомъ частые шаги и юлоса;
надъ Кремлемъ встлхиваетъ зарево*).

Бояринъ Матуга. На сходку, точно... Вонъ костры зажгли...

Князь, я съ тобой... аль въ теремѣ дожждаться,

Пока ты сходишь?..

Князь Юрій. Постыдись, Никита!

Тутъ, можетъ, Псковъ останвать придется,

А ты—на печь. со страху, словно баба!

Идемъ проворнѣй... (*Крестится*)

Господи, помилуй! (*Оба поспѣшно
уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Торговая площадь въ исковекомъ Кремлѣ. На заднемъ планѣ Довмонтова стѣна, съ храмомъ св. Аванасія посерединѣ и съ двумя сходами; по угламъ Гремяцкая и Кутная башни. Направо храмы Живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глѣба; за ними новая стѣна съ Бурковской и Снѣтового башнями; Святые и Петровскія ворота; налѣво Княжній дворъ, Владыченъ дворъ и Красный дворъ; старая стѣна съ выходомъ и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердыми. Посреди сцены вѣчевое мѣсто съ нѣсколькими ступеньками, крытое алымъ сукномъ. На площади разложены костры. На Троицкой колокольнѣ гудитъ колоколъ. Во всѣ ворота поспѣшно входятъ на площадь толпы народа. Мѣсячная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юшко Велебинъ, *гонецъ, стоитъ у нижней ступеньки вѣча. Около него кружокъ исковичей: Иванко Торгоша; Ѳедось Гобоя, мясникъ; Клементій Сесториковъ, кузнецъ; Иванко Поднурскій; Исакъ Шестникъ; Демешна, мыльщикъ; Ѳедорко-Царскій сынъ; Колтырь Раковъ; Василиій Луковица, суконникъ; Кирей Шеметовъ; Яковъ Желъзовъ. Народъ постепенно прибываетъ. Смутный говоръ.*

Иванко Торгоша (*Велебину*). Оглохъ ты, Юшко? али за-
гнчился

И отвѣчать не хочешь? (*Велебинъ молчитъ*).

Кирей Шеметовъ (*Торгошѣ*). Экій олухъ!

Ну, что присталь-то? Знаемо—гонецъ

Къ степенному посаднику и скажетъ...

А ты-то что?

Иванко Торгоша. Охъ, ты, Кирей Шеметовъ!

Ѳедось Гобоя. Слышь, Торгоша, не балуй языкомъ

Съ похмелья-то... (*Бьетъ его по плечу*).

Иванко Торгоша (*вскрикиваетъ*). Охъ!.. (*Оборачивается*)

Онъ и есть—Гобоя! (*Третъ себя плечо*).

Да какъ же?.. Вирамь мясницкая рука!..

Да какъ же, дѣдка? Сходку созвонили,

А вѣсти нѣтъ—по что и про кого?..

Ѳедось Гобоя. А ты дождаться набольшихъ не хочешь?

Иванко Торгоша. А что ихъ ждатель?

Голоса въ толпѣ.

Ребята! сотскій, сотскій!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Дмитро Патракѣвичъ, *сотскій, пробирается къ вѣчевому мѣсту.*

Дмитро Патракѣвичъ (*приподнимаетъ шапку*).

Здорово, людъ честной!

(*Народъ также приподнимаетъ шапки*).

Нѣсколько голосовъ. Тебѣ во здравьѣ!

Дмитро Патракѣвичъ. Чтѣ, есть со всѣхъ концовъ по сотнѣ?

Голоса. Надоть быть.

Ѳедось Гоболя. Побольше будетъ, Дмитро Патракѣвичъ!

Дмитро Патракѣвичъ. Очередныхъ подняи?

Голоса. Тута всѣ.

(*Народъ продолжаетъ сходиться; колоколъ не умолкаетъ; въ толпѣ шумъ и крики*).

Дмитро Патракѣвичъ (*во весь голосъ*). По пошлннѣ, честные господа,

По старинѣ мѣрской и по порядку!

Голоса. Повольте слушать сотскаго!

Повольте!

Очередной... Повольте, осудари!

Не поперечьте!

Голосъ. Тише, чтобъ васъ тамъ..

(*Народъ утишаетъ и собирается въ кучки. Молчаніе*).

Дмитро Патракѣвичъ. Пока бояръ и тысяцкаго нѣтъ,

Очередныхъ бы перекликнуть?

Голоса. Ладно!

Дмитро Патракѣвичъ. Очередной Торговаго конца?

Исакъ Шестникъ (*выходитъ изъ толпы*). Исакъ Шестникъ.

Дмитро Патракѣвичъ. Опоцкаго?

Иванко Подкурскій (*выходитъ впередъ*). Иванко

Подкурскій... (*Ударяетъ себя въ грудь*)

Я!

Дмитро Патракѣвичъ. Болдвинскаго?

Мыльникъ Демешко (*выходитъ впередъ*). Мыльникъ

Демѣшко...

Дмитро Патракѣвичъ. Городецкаго?

Гоболя (*изъ толпы*). Гоболя!

(*Въ толпѣ смѣются*).

Голоса. Ѳедось Гоболя! дѣдка-домосѣдка!

Воловій крестный! медосось-Ѳедось!

Гоболя (*громко*). Тѣфу, зубоскалы! Распахнули глотки!..

Дмитро Патракѣвичъ. По пошлинѣ повольте, осудари!
Голоса. По пошлинѣ! по-тиху! шш! по-тиху!

(Толпа снова смолкаетъ).

Дмитро Патракѣвичъ. Кто съ Острой-Лавицы конца?
Клементій Сесториковъ *(выходитъ изъ толпы)*. Клементій
Ивановъ сынъ Сесториковъ, кузнецъ.

Дмитро Патракѣвичъ. А кто конецъ Богоявленскій пра-
вить?

(Никто не выходитъ).

Дмитро Патракѣвичъ *(помолчавъ)*. Очередной справщикъ
Богоявлять?..

Голоса. Очередной!

Да кто очередной?

Желѣзовъ Яковъ...

Полно врать! вдругорядъ:

Намедни былъ, и нонѣ за него же!

Да пѣту: нонѣ, братцы, Колтырь Раковъ...

И то вѣдь онъ...

Давай его сюда!

Куда уползъ?

Хватай его за клешни,

Ракушку!

(Въ толпѣ хохотъ).

Дмитро Патракѣвичъ. Осудари-псковичи!

Присудите: быть сходкѣ, аль не надо?..

Идутъ бояре съ тысяцкимъ, съ судьёю,

И со дьякомъ царевымъ, и съ подьячимъ...

И князь-намѣстникъ выйти соизволилъ.

Народъ. Быть сходкѣ! быть! На всей на псковской волѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Изъ Княжескихъ воротъ входятъ на площадь: Князь Юрій Токмаковъ, тысяцкій Никита Насоновъ; бояре: И. Теншинъ, Я. Кротовъ, кн. С. Дябренскій, Г. Умыль-Бородинъ, Н. Матута, Андрей Коза, царскій дьякъ; Ортюша, подьячій; Сидоръ Оданья, судья; московскіе стрельцы. Вслѣдъ за ними посадники: Иванъ Гахоновичъ, Григорій Силычъ Хрустоловъ, Юрій Копыль, Михайла Помазовъ. Псковскіе ратные люди и новыя толпы народа входятъ изъ Святыхъ воротъ.

Князь Токмаковъ *(идетъ къ мѣсту; толпа передъ нимъ разступается)*.

Кто созволилъ?

Голоса. Гонецъ Велебинъ Юшко.

Юшко Велебинъ *(выступаетъ вперёдъ и кланяется)*.

Я, осударь, пригнанъ со сѣшной вѣстью:

Вели держать ко Пскову рѣчь.

Князь Тонмаковъ.

Держи.

Юшко Велебинъ *(всходитъ на мѣсто, снимаетъ шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны)*.

Поклонъ и слово Новгорода:

«Братья

Молодшая, всѣ мужи псковичи!

Вамъ кланялся-де Новгородъ-Великій,

Чтобъ помогли вы супротивъ Москвы,

И вы-де брату вашему старшему

Не дали помочь ниже никакую,

И цѣлованье крестное забыли:

Ино на то вся ваша власть и воля,

И помощи вамъ Троица Святая!

А братъ-де вашъ старшой открасовался

И наказалъ вамъ долго жить, да править

По немъ поминки...»

(Кланяется и надѣваетъ шапку. Въ толпѣ поднимается шумъ).

Голоса.

Новгородъ Великій!

Родимый нашъ!

Ужели и взаправду

Конецъ ему!

Придетъ конецъ и Пскову!

И подѣломъ: сидѣли, склавши руки!

Чужой бѣдѣ порадовались!

Тише!

Пуцай гонецъ все скажетъ... Говори

Всю правду, Юшко!

Али всей не скажетъ?

Ужъ разомъ слушать!

Казниться, такъ вдосталь.

Молчите жъ!

Юшко Вебелинъ *(опять снимаетъ шапку и кланяется на три стороны)*.

Осударь Великій Псковы!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гѣ же. Михайла Туча, Четвертна Терпигоревъ, Богданъ Новыринъ, Василій Борбошинъ и псковская вольница входятъ въ Смерды ворота и пробиваются сквозь толпу къ вѣчевому мѣсту. Опять шумъ. Колоколъ смолкаетъ.

Голоса. Ну, привалили!

Вольница!

Буяны!

Ори пошибче—знать, глаза-то пропиль:

Вишь, сыновья посадничьи!

Да что жъ я?..

Я только!..

Юшко Велебинъ (*громче*). Осударь Великій Псковъ!

(*Говоръ утихаетъ*).

Пусть Богъ меня не милуетъ на страшномъ

Судилищѣ Христовомъ, коль пролгуся

Въ единомъ словѣ: что за вѣрно слышаль,

А что и самъ сбвзовъ слезы доглядѣлъ!..

(*Мертвая тишина*).

Попрежъ всего, подъ Новгородъ-Великій

Пришея съ Москвы передній полкъ, изгономъ:

Боярс, и князья, и воеводы,

Съ дворянами, съ боярскими дѣтьми

И всякимъ ратнымъ людомъ—туча тучей...

Которые поставили заставы

Вкругъ города, а кто въ монастыри —

Казну печатать, иноковъ и старцевъ

Вязать, да въ станъ съ собою, на правежъ,

До царскаго пріѣзда... Да собрали

Со всѣхъ церквей новгородскихъ причеть,

За приставовъ раздали по десятку,

И то жъ, до государева пріѣзда,

Велѣли ставить на правежъ и битъ

До искупа, всякъ Божій день, безщадно...

А правили по двадцати рублевъ...

Новгородскихъ съ каждаго...

Голоса.

Злодѣи!

Опричина кромѣшная!

Юшко Велебинъ.

Пождите:

Цвѣточки только—ягодки-то будутъ...

Дѣтей боярскихъ отрядили въ городъ —

Ловить гостей, приказныхъ именитыхъ,
И всѣхъ—въ желѣза, дома и имѣнье —
Все запечатать, а дѣтей и женъ
Влюсти подъ сражей твердо...

Ведось Гобоя. Юшко, врешь ты!

Аль дѣти-то, миаденцы-то повинны
Въ чомъ ни нѣсть?

Юшко Велебинъ. А вру—казни Господь!

Постой—еще!.. Прошло Богоявление —
Прошла и поголовная бѣда:
Самъ государь прѣхаль... Разобрали—
Кто правый, кто виновный?..

Ну... не можно

Сказать: была ль доподлинно измѣна,
Аль наказаль Господь новгородцевъ
За ихъ грѣхи... А только былъ разгромъ
И городу, и всѣмъ его нятинамъ,
И выселкамъ, за двѣсти верстъ, и больше...
Про это слышалъ...

А глазами видѣлъ

Такую кару грозную и казнь —
Не приведи Господь и лиходью...
Охъ! больно грозенъ царь Иванъ Васильичъ...
Коль ирогнѣвать, такъ что твои громъ небесный!..
А гуть ему лихое подшешули —
Разгнѣвался на Пимена-владыку,
Не подошелъ и ко кресту святому:
«Ты, говорилъ, не Крестъ Животворящій
Въ десницѣ держишь, а на насъ оружье;
Ты наше сердце царское замыслилъ
Злотворною измѣной уязвить:
Богохранимыи Повгородъ Великій,
Державы нашей вотчину, ты хочешь.
Со всѣмъ единомысленнымъ синклитомъ,
Предать Литвѣ, Жигмонту королю!..
Отселѣ наречешься ты не пастырь,
Не сопредостольникъ всесоборной церкви
Премудрости Господней Софїи,
А хищный волкъ, измѣнникъ и губитель,
И досадитель нашей багряницѣ
И нашему престольному вѣнцу!»
Какъ вымолвилъ—такъ Повгородъ—и полно!..
Вотъ цѣлый мѣсяць съ Волховского моста
Въ кипучей омутъ мученыхъ бросаютъ:

Сначала стянутъ локти бечевою
И ноги свяжутъ, а потомъ пытаются
Составомъ этимъ огненнымъ, *поджаромъ*,
Да такъ въ огнѣ и мечуть съ моста въ воду...
А кто всплыветъ наверхъ, того зацѣпять
Баграми и рогатиной приколять,
Аль топоромъ снесутъ ему макушку...
Младенцевъ вяжутъ къ матерямъ веревкой—
И тоже въ воду.

Князь Токмаковъ (*поднимаетъ руки къ небу*). Господи,
мой Боже!

Не можетъ быть, чтобъ царь Иванъ Васильичъ
Казнилъ такъ крѣпко!

Юшко Велебинъ. Царь на Городицѣ
Всѣмъ станомъ сталъ, а это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

Федось Гоболя. Да что же:
Когда жъ конецъ-то будетъ?

Нирей Шеметовъ. Нѣтъ управы
И нѣтъ суда на этихъ окаянныхъ.

Голоса. Вѣстимо, нѣтъ!

А мы-то, псковичи,
Положимъ также голову на плаху?
Подшепчуть что—тю-тю! не погнѣвися!
Нѣтъ!.. какъ же такъ?

Аль стѣны развалились?
Аль у воротъ заржавѣли замки?
Не выдавай, ребята, Псковъ-Великій!
А щить—такъ щить!

И вправду, что мы дремлемъ?

Звоните вѣче!

У святого Спаса!

У Троицы!

За осударя-Псковъ!

За пошлину мірскую и за вѣче!

Рубись, ребята!

Съ улицы, аль съ дома?

Рубися съ дома!

Сельскіе съ сохи.

Звоните вѣче!

Любо!

Вѣче! вѣче!

(*За сценой звукъ колокола.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же. *Въ Петровскія ворота възвѣсаетъ взмысленная тройка. Изъ телѣжки выскакиваетъ псковскій гость Семень Ивановъ Бороусовъ. Онъ запыхался и еле переводитъ духъ.*

Кирей Шеметовъ. Никакъ еще намъ вѣсти?
Юшко Велебинъ. Не къ добру!
Голоса. Съ вѣстями гость!
Раздайся!

Пропустите!
Семень Бороусовъ *(прерывающимся голосомъ)*. Бѣда!.. бѣда
намъ, мужи-псковичи!

На Псковъ идутъ!..
(Пробивается къ вѣчу и нѣсколько времени не можетъ выговорить слова).

Иванко Торгоша. Еще какіе гости?
Литва?
(Семень Бороусовъ машетъ рукою).

Кирей Шеметовъ. Шальные нѣмцы?
Семень Бороусовъ *(переводитъ духъ)*. Самъ идетъ!..
Татары изъ полку передового
Пригнали ужъ въ Невадичи... наслу
Уѣхаль...

Иванко Торгоша *(кричитъ)*. Ой, голубчики, пропали!..
Юшко Велебинъ *(сбѣгаетъ съ вѣча)*. Прости-прощай, го-
ловушка!
Голоса. Пропали!..

Прощали мы!..
Идетъ!..
Идетъ изгономъ!..

Охъ, батюшки, ворота завалите!
Посады жечь!
Добро-то гдѣ намъ спрятать?
Дѣтей-то малыхъ съ женами куда?
Звоните вѣче!..

(Общая суматоха; снова раздаются удары колокола).

Никита Матуга *(тихо князю Юрію Токмакову)*. Вотъ те-
перь за дѣло!

Струхнули скоро... Вразуми безумцевъ..
(Князь Токмаковъ входитъ на вѣчевое мѣсто).
Потише, люди вольные, потише

Тысяцкій (*кричитъ*). Степенный нашъ посадникъ держитъ слово!

Сотскій (*бѣгаетъ въ толпу*). Позвольте, осударь-псковичи! Самъ князь-намѣстникъ говорить желаетъ.

(Въчеловое мѣсто обступаютъ посадники, бояре, царскій дьякъ, подьячій, судья и московскіе стрѣльцы. Въ первыйя рядахъ Михайла Туча, Четвертка Терпиловезъ и Осодосъ Губоля. Тишина).

Князь Юрій Токмаковъ (*снимаетъ шапку, крестится на соборы и кланяется народу*).

Отцы и братья, мужи-псковичи,
Великая держава государя,
И отчина и дѣдина его —
Всѣ люди добровольные!

Къ вамъ слово!

Народъ. Изволь повѣдать, осударь намѣстникъ!

Князь Юрій Токмаковъ. Богъ жаловаль и Троица святая,
Живоначальная!.. Здоровіемъ царя

И государя нашего, и князя

Великаго всея Руси, управу

Я взялъ на всей на вашей псковской волѣ...

А новѣ любовь, а въ не любовь—порѣшите!

Иванъ Гахоновичъ. Князь-осударь! Стоить твоимъ здоровьемъ

Великій Псковъ...

Григорій Хрустоловъ. И ласкою твоею...

Юрій Копыль. И правдою твоею неумытной...

Иванъ Теншинъ. И хитростію ратной...

Яковъ Кротовъ. И житіемъ монашескимъ...

Князь Дябренскій.

И... всѣмъ...

Нинита Матута. А наипаче милостію царевой!

Четвертка (*тихо*). Ну, погоди ты, старый—наипаче!

Князь Юрій Токмаковъ. Посадники, бояре и князья!

Челомъ вамъ бью за милостное слово,

А пусть меня Великій-Псковъ разсудить—

Отъ старшаго и мѣньшаго!.. по правдѣ,

По всей завѣтной псковской старинѣ...

Народъ. Князь-осударь! Намъ за тобою любо!

Съ тобою мы, князь Юрій, не боимся!

Всѣ за тебя—и старь и малъ!

Князь Юрій Токмаковъ (*кланяется*). А любо,

Такъ слушайте!

Народъ. Все слышимъ, осударь!

Князь Юрій Токмановъ. Великій-Псковъ! Кого вы испугались?

Законнаго державца и владыки!..
Отца родного испугались дѣти!..
Что государь идетъ псковской святыни,
Живоначальной Троицы и Спасу,
Со страхомъ и молитвой поклониться,
Такъ вы тотчасъ за шестоперъ и бердышъ,
Что ворога встрѣчаете...

А можетъ,
Насъ государь пожалуетъ и льготой;
Вѣдь мы—не ваша братья, новгородцы;
Съ Литвой и съ Мистромъ перевѣтъ не держимъ;
Обильное и всѣ подъѣзды правимъ;
Посошной ратью завсегда готовы!
А буде нуженъ человекъ охочій—
Да только кликни царь и государь—
Весь Псковъ всѣмъ на конь!..

Такъ ли, осудари?

Голоса. Оно все такъ...

Вѣстимо: молодцы

У насъ охочи...

Что и не срубиться?

Навыкнуть дѣлу надо молодымъ-то...

Князь Юрій Токмановъ. Вотъ видите!.. За что же государю
Прогнѣваться на отчину свою?

А не за что!.. Нѣтъ, царь Иванъ Васильичъ,
Какъ съѣлъ на мѣсто царское свое,
Печаловался Псковомъ, да и поны
Жалѣветъ Псковъ...

Четвертка Терпигоревъ. Жалѣлъ и волкъ кобылу—
Оставилъ хвостъ да гриву!

Ведось Гобоя. Такъ-то такъ!

А Новгородъ-то какъ же? Нешто вправду
Владыка Пименъ перевѣтъ держалъ
Съ Литвою, али съ нѣмцами?

Иванко Торгоша. Пожалуй.

И Псковъ-то будетъ безъ вины виновень!

Кирей Шеметовъ. А Богъ ихъ вѣсть! Лихому человекъ,
Наушнику бѣда чужая—прибыль!..

Никита Матута. Позвольте князь-намѣстника дослушать
Ему и сердце царское открыто.

Такъ намъ ужъ онъ накажетъ, что добро.

Князь Юрій Токмановъ. Спасибо за присловіе, бояринъ!..

А я не больно падохъ до наказовъ:
Прошу совѣта осударя Пскова,
Какъ намъ служить царю и государю?
Голоса. По рѣчи—князь!

Да онъ же нашъ посажникъ
Да и степенный!

Что же, осударь,
Что намъ почать?

Какъ быть и какъ намъ съ бытомъ
Псковскимъ отъ злыхъ кромѣшниковъ отбѣться?
Князь Юрій Токмаковъ. Скажу я вамъ и --- съ мѣста не
сойти---

Скажу на благо осударю Пскову...
Пеките хлѣбы, хмельный медъ сытите,
Варите брагу... Каждый у воротъ
Накрой свой столъ съ гостиннымъ хлѣбомъ-солью:
Всѣмъ выходить, отъ мала до велика,
Во стрѣтенье царю и государю
И бить челомъ о милости его...
И простоятъ вовѣки Псковъ-Великій
Своимъ смиреньемъ, жалованьемъ царскимъ
И милостью Господнею...

Никита Матута. Аминь!

*(Князь Юрій надѣваетъ шапку и садится на
верхней ступени овчьево мѣста. Нѣсколько мно-
вой тишина).*

Четвертна Терпигоревъ *(выступая впередъ)*. И я скажу:
Аминь! Аминь! Разсыщся!

Не надо Пскову оборотней царскихъ!
Своимъ-то вбить осиновый колъ въ спину
Такъ только въ пору...

Князю не перечу:

Онъ любить осударя, Псковъ-Великій,
И слово молвить—оторветъ отъ сердца...
А ты-то что, Матута? Ты отколѣ,
Что, словно попъ, обѣдню повершаешь?..
Мы пришлецовъ-то этакихъ видали
И провожали съ честью за рубежъ
Татарской плетью, къ сватамъ ихъ, татарамъ.
Да не робѣй, по совѣсти, по чести,
Скажи ты намъ...

Никита Матута *(отыкаетъ надъ собою усиліе и перебиваетъ
Четвертку)*. Что?.. Я-то оробѣю
Передъ тобой, нахаломъ первоусымъ?

Постой! Тебя, любезнаго дружка,
Какъ разъ скрутятъ... Москва-то недалёко!

Четвертка. Подальше, чѣмъ кулакъ мой отъ иного...

Спасибо, смиренъ, ссоры не люблю,

А то бы...

(Грозитъ кулакомъ)

Даль разъ, такъ было бь мокро...

Өедось Гобоя *(беретъ его за руку)*. Четвертка, стыдно!

(Четвертка наклоняетъ голову. Въ толпѣ шумъ и крики).

Өедось Гобоя *(Михайль Тучь)*. Чтò же ты, Михайла

Андреевичъ? Посадничій ты сынъ,

А словомъ не порадуешь...

Михайла Туча. Гобоя!

Я жду старшого нашего, чтò скажетъ—

Тому и быть...

(Оборачивается къ Михайловскимъ воротамъ)

Да вотъ онъ самъ бредеть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и посадникъ Максимъ Иларіоновичъ *входитъ на площадь, отираясь на клюку. Народъ разступается. Князь Юрій Токмаковъ встаетъ съ вѣчевой ступени, снимаетъ шапку и вводитъ Максима Иларіоновича на мѣсто. Народу:*

Порадуйтеся! Родительской молитвой
Помиловаль Спасъ Милостивый Псковъ—
Послалъ намъ умъ и разумъ стародавній.

(Сходитъ съ вѣча и становится у нижней ступени).

Четвертка Терпигоревъ *(подходитъ къ вѣчу, снимаетъ шапку и кланяется въ поясъ)*.

Максимъ Иларіонычъ! Пскову плохо...

Ты слышалъ: царь на Новгородъ былъ гнѣвень

И разгромилъ его, съ сердцовъ, до тла,

А нонѣ къ намъ идетъ—на Псковъ-Великій...

Такъ, чтò ты намъ присудишь—то и будетъ...

(Кланяется и надѣваетъ шапку).

Максимъ Иларіоновичъ *(крестится и кланяется. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ)*.

Не чаялъ я, отцы мой и братья,

Чтò мнѣ еще придется молвить слово

Съ Великимъ-Псковомъ, осударемъ нашимъ,

А Богъ привелъ подь старость... не взыщите,
Коль въ чемъ и какъ, непомнящей, промолвлюсь.
Федось Гоболя. Ты говори, а мы ужъ подберемъ...

Слова— что жемчугъ: если закатились
Въ какую шелку—лучше половицу,
Аль двѣ поднять, чѣмъ потерять добро.

Максимъ Иларіоновичъ. Прослышала я про нашу про
Чевзгоду...

Знать, Богъ велѣлъ... а супротивъ велѣнья

Господняго никто не возмоги!..

Вотъ мнѣ теперь девятый ужъ десятокъ...

Видалъ я волю—красною дѣвицей,

Видалъ ее—безпомощной старухой,

И самъ отнесъ покойницу въ могилу...

Ну!.. было время, и не въ нашу версту,

И потягаться было бы кому

Съ Москвой... Да нѣтъ! Умиѣ были дѣды.

Аль Псковъ-отъ былъ имъ словно подороже:

Покора будто слыхомъ не слыхали!

Обиды будто видомъ не видали!

Какія слезы къ горлу подступили—

Такъ отогнали къ сердцу пивомъ-медомъ...

И веселились... Что жъ не веселитесь

По-дѣдовски?..

Великій князь Василей

И колоколь корсунскій спять велѣлъ,

И вѣче рушилъ... Какъ у насъ тогда

Не выпали зѣнцы со слезами—

И Богу вѣсть!.. А все же веселились,

А все же Псковъ-Великій сберегли—

Любили Псковъ побольше внуковъ дѣды...

А я сказалъ...

Кто хочетъ мнѣ перечить,

Тотъ, видно, молодъ и Москвы не знаетъ...

Не то свое—чужое на счету:

Все вывѣрить, да вывѣситъ, да сметить,

Да и-возьметъ,—поди ты съ ней—судися,

Въ великій день, передъ судомъ Христовымъ!

И то сказать: въ мое-то время были

Цари въ Москвѣ, да только-что царями

Въ Москвѣ звались, а новѣ царь московскій

На всѣ страны и на народы—царь.

Тяжка рука, да и душа—потемки

У Грознаго... Проститесь со Псковомъ.

Хорошій будетъ пригородъ московскій—
И слава Богу!

(Сходитъ съ вѣча).

Четвертка. Правда, слава Богу
За все... хоть даже за такія рѣчи:
Какъ сказаны, такъ ихъ и заморозить...
А я такъ рѣчь пную поведу
И буду вливать нашихъ поименно...
Желѣзовъ Яковъ!

Желѣзовъ *(поднимается изъ-за дальняго костра).*

Тутъ онъ.

(Идетъ на голосъ Четвертки Тертигоревъ).

Четвертка. А Василій

Суконникъ?

Василій Суконникъ *(выходитъ изъ толпы).* Тутъ же!

Четвертка. Колтырь Раковъ?

Колтырь Раковъ *(въ толпѣ).* Тутъ!

Четвертка. Всѣ тутъ... а здѣсь, со мною, остальные...

(Михайль Тучъ)

Чего ты ждешь?.. Добромъ не сговоришь!

Матука князя Юрія поставилъ

На вѣчѣ, а тебя-то, братъ Михайла,

Кому же ставить, коль не мнѣ, Четверткѣ?

Богданъ Ковыринъ и Василій Борбошинъ.

И мы поможемъ...

Четвертка. Ну, кричи, Богданъ!

И ты, Борбошинъ!

Богданъ Ковыринъ. Мужи псковичи!

Посадниковъ послушали, а кровныхъ,

А сыновей посадничьихъ не надо?

Василій Борбошинъ. Зачѣмъ ихъ?.. Ну ихъ къ яду! Пусть
ихъ гибнуть

За міръ и вѣче—міру что за дѣло?..

Пуцай...

(Нароюь начинается шумѣть).

Голоса. А что жъ мы, братцы, оплошали—

Своихъ забыли?

Гдѣ же сыновья

Посадничьи?

Зови Михайлу Тучу.

Пусть скажетъ слово...

Тучу! Тучу! Тучу!

(Туча подходитъ къ вѣчевому мѣсту).

Михайлу Тучу!..

Вышель!.. Не горланьте!

Пусть говоритъ намъ съ мѣста!

Тучу! Тучу!

Михайла Туча (*съ вѣчевого мѣста, крестится и кланяется народу*).

Псковъ-осударь!

Посадничьему сыну

И вѣчнику молодшему не слѣдь

И слово молвить поперекъ старшому,

А стольному намѣстнику и князю,

Аль выборнымъ посадникамъ степеннымъ

Перечить—стыдъ и грѣхъ неопускной...

Коль нѣтъ на то Господняго велѣнья...

Да Божьей воли намъ не исповѣдать:

Въ уста младенцевъ Онъ влагаеть правду

И слабую десницу укрѣпляетъ

На силу силъ, престоловъ и господствій!..

Позвольте молвить, мужи-псковичи

И люди добровольные, всю правду,

Какъ положилъ мнѣ на душу Господь!..

Вы, отчина крестопріимной Ольги,

Любимый столь поборниковъ Руси,

Домъ Троицы святой Живоначальной,

Вы, осударь Великій-Псковъ! Радѣйте

И о себѣ всѣмъ міромъ промышляйте

По пошлнѣ!..

Аль были мы повинны

Въ чемъ ни на есть передъ великимъ княземъ

И государемъ? Были, такъ скажите!..

Голоса. Да въ чемъ повинны?..

Словно бы ни въ чемъ!..

Михайла Туча. Аль мы Литвы дурной не сторожили?

Богданъ Ковыринъ. Литвы-то?

Михайла Туча. Аль жалѣли шестоперовъ

На нѣмцевъ?

Федось Гоболя. Какъ-ста не жалѣтъ?.. А чѣмъ же

Свиней чудскихъ лобанить?

Василій Борбошинъ. Ха-ха-ха!

Мясникъ свое!

Михайла Туча. Скажите, осударь,

За коимъ прахомъ лечь намъ головую?

За правду-то? за наше-то добро?

За кровь-то нашу и за нашу службу?

За цѣлованье крестное?

Отбейте

Ворота всё у нашего Кремля,
Мечи и копыя наши притупите,
Въ церквахъ съ иконъ оклады обдерите,
Кромѣшникамъ на хмельный смѣхъ и радость...
Пусть, кто слуга для Пскова-осударя —
Я дослужилъ... Не парскій гнѣвъ обиденъ,
Обиденъ подшибъ гнуснаго холопа.
Не царь, а псарь не жалуется. Учнете
Ловить воронъ да галокъ соколами,
Тогда меня вспомянете...

А я

Прошаюсь съ вѣчемъ и иду подь Камень...
Кто носить сердце подь крестомъ купельнымъ,
Пойдетъ со мной, чтобъ око не видало
Позора и безчестія псковского...
Аль я одинъ, аль нѣтъ грозы за Тучей
Надъ подкупной татарщиной московской! (*Молчаніе*).
Голоса. Есть, батюшка, есть, батюшка Михайла
Андреевичъ!

Нашлися?

Загрозили?

Помилуй Богъ!

Өедось Гоболя. Охъ, дурни!.. громъ не грянетъ,
Мужикъ не перекрестится..

Бояринъ Матуга. Ну, громъ
Изъ тучи!..

Четвертка. Знать, изъ ней, а не изъ кучи
Съ матутинскаго задворка!

Иванко Торгоша. Ребята!

И вправду, нешто Пскову нѣтъ радѣльцевъ?

Голоса. Да что тутъ! Слышь — за Псковъ и старину
Вались къ одной!

Катай-валяй за Тучей!

За Тучею Михайлой!

Михайла Туча (*сходитъ съ мѣста*). А за мною,
Такъ на поле — встрѣчать гостей московскихъ.

Голоса. Дружнѣе! Гой, навстрѣчу москвичамъ!
Валися, людъ честной, дружнѣй валися!

(*Голла дѣлится надвое. Смятеніе*).

Бояринъ Матуга (*князю Юрію*). Князь, князь! вѣли стрѣль-
цамъ палить въ буяновъ,

Не выпускай ихъ изъ Кремля!

Михайла Туча (*снимаетъ рукавицу*). Матута!

Мы свидимся съ тобою! Повѣщаю
Тебя заранѣй... Вотъ-те и гонцы!

(*Бросаетъ рукавицу съ лица Матутѣ*).

Бояринь Матута (*хватаясь за щеку*).

Князь, не пускай; вели палить!

Михайла Туча.

Князь Юрій

Ивановичъ! съ тобою псковичи —

Охочій людъ — прощаются...

Князь Юрій Токмаковъ (*опомнившись*). Куда?

Михайла Туча. Господь сведеть... Не поминай насъ лихомъ!

Великій-Псковъ оставилъ государю

Святыню храмовъ, вѣче вѣковое,

Дома и землю, семьи и могилы...

А волю сложить къ царскому подножью —

Гдѣ Богъ укажетъ — съ буйной головою.

(*Снимаетъ шапку и кланяется*).

Князь Юрій Токмаковъ. Да стойте жъ, полоумные!

Михайла Туча.

Стояли,

Пока стоялъ Великій-Псковъ, а поиѣ

Приплосьъ итти, куда глаза глядятъ...

Четвертка.

И лучше:

Пройдемся — разгуляемся.

Василій Борбошинъ.

И пѣсню

Споемъ на путь-дорогу!..

Четвертка (*бьетъ его по плечу*). Вотъ такъ правда!

Гдѣ Колтырь Раковъ?

Голоса.

Запѣвала! Раковъ!

Проснулся!.. Эй!..

Князь Юрій Токмаковъ. Постоите! образумьтесь!..

Куды вы рветесь и кому грозите,

Безумцы!.. Чтò вы кличете на Псковъ?

Правдивый гнѣвъ законнаго владыки!..

Иванъ Васильичъ Грозный вѣдь не шутить.

Четвертка. А пусть не шутить; шутка — не обида,

А отъ нешутки отпоемся пѣсней...

Ну, Колтырь Раковъ, гдѣ ты?

Колтырь Раковъ (*выходитъ изъ толпы съ бадалайкой*).

Здѣсь... Ау!..

Четвертка. Прощальную!

Михайла Туча.

Со Псковомъ-осударемъ...

(*Машетъ шапкой. Полъ-толпы бѣжитъ къ нему съ криками*).

Голоса. Прощальную со Псковомъ-осударемъ!..

Колтырь Раковъ (*ударяетъ по балалайкѣ*).

Осудари псковичи!

Собирайтесь на дворы!

Зазубрились мечи,

Притушились топоры...

То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

Нѣскольکو голосовъ (*подхватываютъ*). То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

(*Толпа уходитъ въ Смердыя ворота. М. Туца, Четвертка Тертигоревъ и К. Раковъ впереди*).

Голосъ Колтыря Ракова (*вдали*).

Али не зачѣмъ точить

Ни мечей ни топоровъ,

Али негдѣ намъ сложить

И головушскъ за Псковъ?

То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

Голоса (*вдали*). То-то лели, то-то лели, то-то лешеньки мои!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Теремъ князя Юрія Ивановича Токмакова. Столовая. Вглуби четыре окна съ венецейскими стеклами. Кругомъ стѣны лавки съ полавочниками. Направо дверь и налѣво дверь. Передъ окнами большой столъ съ скамьями. Направо кривой столъ и лавки, налѣво княжеское мѣсто съ навѣсомъ. Въ переднемъ углу кюль съ лампадкою; столы накрыты.

За окнами шумъ и говоръ. По городу звонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Перфильевна *оправляетъ скатерть на кривомъ столѣ.*

Голоса мальчишекъ за окнами. По бабкамъ!..

Стой!..

Конъ за конъ!..

Жогы!..

Апъ ничка!..

Перфильевна (*прислушивается*).

Ахъ, матушки!.. Никакъ они?.. И вправду...

(*Торопливо подходитъ къ окну*).

Ну, такъ и есть!.. (*Стучитъ въ окно*)

Ахъ, ты, безстыжій глазъ,

Глаза твои безстыжіе, Матюшка:

Какіе дни, а ты все за свое —

Опять за бабки!.. Вишь ты, пострѣленокъ?

Ты говори ему, а онъ тебѣ...

Голосъ мальчишки. Корга!

Перфильевна. И дразнишься? Вотъ черти-то потянутъ Тебѣ языкъ!

Голоса мальчишекъ. Тебя-то, кочерга,
Въ три гибели согнуть, да и заставить
Лизать горячій противень!..

Перфильевна (*грозитъ кулакомъ*). Ужо васъ!

Скажу: поднимутъ на воротъ рубашки.

Мальчишки (*поютъ съ присвистомъ*).

Фить-фить-фить!

Видно, для старушекъ —

Фить-фить-фить —

Мало колотушекъ!

Бей долбней ихъ въ лобъ,

Чтобы бѣсъ ихъ сгребъ!

Перфильевна. Вы такъ-то?.. Ну, постоитъ жъ, жиденята!..

(За окнами хохотъ. Перфильевна сталкивается въ дверяхъ съ Ольгою и Стешей Матутой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Перфильевна, Ольга и Стеша Матута, обѣ въ лѣтникахъ и по-
вязкахъ съ покрывалами.

Стеша Матута (*беретъ Перфильевну за плечи*).

Постой, постой, не торопись, молодка:

Такъ съ ногъ собьешь!..

Перфильевна (*задыхаясь*). Голубушка моя,

Боярышня! Мальчишки разсердили.

Тутъ смерть, они—поди ты—разыгрались...

Стеша Матута. Такъ ты ихъ—знаешь?..

Перфильевна.

Нешто убѣжали?

А то я ихъ...

Стеша Матута. Бѣги, бѣги скорѣе! (*Смѣется*).

(Перфильевна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга и Стеша.

Стеша. Спровадима!

Ольга. Ахъ, Стеша!.. Какъ Господь

Тебѣ на шутки силу посылаетъ!

Стеша. А что же? Плакать?.. Буду умирать —
Смѣяться буду.

Ольга (*обнимаетъ ее*). Стешенька, я знаю,
Что для меня, голубушка, смѣешься:
Мою кручину шуткою отводишь...
А мнѣ ужъ нѣту краснаго веселья...

(Утираетъ рукавомъ слезы)

Притужно мнѣ...

Стеша. Да перестань же, Оля!

Ольга. Что перестать?.. Да какъ я перестану!
Вѣдь я теперь безродная... Не знаю
И отчества... Не знаю, кто отецъ,
И живъ ли онъ... А Богъ послалъ по-душу —
Не знаю, какъ и въ церкви помянуть...
И матери своей не цѣловала,
Благословенье родной не приняла
Съ святымъ крестомъ...

А тутъ другое горе:

Росла-росла... Приемнаго отца,
Какъ батюшку родного, облюбила,
Да сызмалу отцомъ и величала,
И на могилку къ тетускѣ ходила,
Какъ къ матери...

А рядышкомъ другая,
Забытая могилка зеленѣла... (*Падаетъ на колѣни*).
Заступница святая! Покарай
Грѣхъ окаянный!..

Стеша (*обнимаетъ ее*). Ольга! Ольга! Оля!

Ольга. Дочь матери могилы не узнала!..

*(Припадаетъ къ ней и рыдаетъ. Стеша отвер-
тывается и - глядитъ въ окно. Слышенъ звукъ
колокола. Ольга приподнимается и бросается къ
окну вмѣстѣ со Стешей).*

Голоса на улицѣ. Ударили въ Застѣвныѣ!

Скачутъ! скачутъ!

Въ Святыхъ воротахъ тронули хоругви!
Что понамарь-то машеть съ колокольни?
Передовые!

Ровно бы татаре...

Они и есть: вишь—мѣховыя шапки,
И лошади, что звѣри, такъ и пышутъ..

Женскій голосъ. Татаре?.. Съ плеткой?.. Мати пресвятая!..

Ольга (*заламываетъ руки*). Охъ, если бѣ мнѣ связали руки-
ноги

Да прикрутили къ конскому хвосту —

Не видѣла бѣ, не слышала бѣ...

Стеша. Чего?

Ольга. Московскаго прихода...

Знаешь, Стеша,

Кого я жду, по комъ душа заняла!

Стеша. Какъ мнѣ не знать!

Ольга. Не знаешь?.. (*Потупляетъ голову*).
По Ивалѣ!..

(*Стеши хватается ея за руку*).

Ольга. По немъ! по немъ!

(*Рветъ распробъ лютника; нѣсколько пуговокъ
отлетаетъ*).

Вотъ къ сердцу подкатило!..

Такъ вотъ и жметъ... Что жерновъ... Давить, давить...

И свѣтъ не милъ, поколѣ не взгляну...

Я на него... Про своего Михайлу,

Про бѣднаго, не вспомнила!..

(*Плачетъ. Стеша потупляетъ голову*).

Голоса на улицѣ.

Встрѣчаютъ!

Стягъ за Псковой!..

Никакъ что Юрги!

Знамо —

Не кто, какъ оны!

Ольга (*крестится*). Готова!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Юрій и Никита Матуга; оба въ боярскихъ кафтаныхъ;
въ рукахъ высокія шапки.

Князь Юрій. Здравствуй, Оля!..

Ты что здѣсь?.. Съ гостей?.. Лучше бы ушли

Пока въ свѣтелку... Послѣ и сойдете,

Во всемъ приборѣ, съ чаркой и съ подносомъ,

Да и съ поклономъ надобнымъ хозяйскимъ

Навстрѣчу гостюжданному... коль будетъ.

(*Указываетъ на окно*).

Голоса на улицѣ. Маячатъ!..

(*Ольга и Стеша уходятъ*).

Слышь: еще маячатъ - стягъ!..

Который?

Знать, что отъ «большого полку»...
Спасъ на херуговъ!

Вѣстимо: отъ большого...
Готовы ли столы-то?

Видишь ты, шельма,
Какой ты хлѣбъ выносишь?
Женскій голосъ. А вчерашній:
Сама пекла...

Сама!
Женскій голосъ. А нешто ты?..
Печешь ты!

Никита Матута. Князь, прости меня: два слова...
Великій часъ.

Князь Юрій. Да говори, Никита
Семеновичъ, затѣмъ вѣдь и пришли.

(Оба молчатъ, понурясь).
Голоса на улицѣ. Еще два стига, справа, да и слѣва—
А по какой дорогѣ?

По Дубовкѣ—
Тотъ, правый-то. А лѣвый-то?
По Вревкѣ.

Анъ по Изборской.
Экіе вы дурни!

Не видите: съ Невадичей...
Никита Матута (указываетъ рукой на окно).
Ты слышишь,

Ты слышишь, князь, какъ Псковъ заговорилъ?..
Заговорю и я.

Князь Юрій. Да только прежде
Меня послушай: если я рѣшился
Домъ пресвятыя Троицы оставить,
Оставить Псковъ для моего бы дома,
Хоть бы на мигъ, такъ, вѣрно, ужъ недаромъ...
Съ тобой, бояринъ, я покончу разомъ:
Скажу всю правду, если не бѣжишь...
Не зналъ тебя—задумалъ породниться,
Узналъ—раздумалъ...

Никита Матута. Чтò ты, князь, съ похмелья,
Или со страху царскаго?

Князь Юрій. Молчи!
Съ тобою насъ Господь и царь разсудятъ,
Какъ разсудила и мірекая сходка...

А я тебѣ—передъ судомъ великимъ—
Поклонъ прощальный...

(Низко кланяется и указываетъ на образа)

Вотъ тебѣ и Богъ...

Никита Матута *(перебиваетъ его)*.

А вотъ порогъ, не правда ли?

Князь Юрій. Безъ Бога

Ни до порога...

Никита Матута. Ладно! И не скажешь:

Какъ и за что?..

Князь Юрій. За то, что не псковичъ ты,

Что не слуга ни Пскову-осударю

Ни государю нашему, Ивану

Васильичу.

Никита Матута. А кто же?

Князь Юрій. Перевѣтчикъ!

Никита Матута. Спасибо, князь, за честь и за почетъ,

За проводы гостинные!.. *(Кланяется)*.

Князь Юрій. Никита!

Я старъ и хилъ... рука отяжелѣла:

На ворога поднимется ли, нѣтъ ли,

А на тебя...

Никита Матута. А! ты еще глумишься! *(Вытягиваетъ руку)*

Глядь на вистень! на всякаго быть поднятъ,

И гирей билъ во всякаго—подавно...

Во псковскаго намѣстника...

(На улицу конскій топотъ и шкв татарскихъ наездниковъ).

Мои!.. *(Указываетъ на окно)*

Прихлынули! *(Смѣется и грозитъ кулакомъ)*

Попомни же, князь Юрій,

Каковъ я былъ... Каковъ я есть—увидишь—

И не забудешь!.. *(Уходитъ въ дверь направо)*.

Князь Юрій *(бросается за нимъ)*. Ахъ, ты, пѣсъ паршивый!..

Отребье!.. Я-те!

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ столовой палатѣ князя Токмакова никого; на улицѣ говоръ и звонъ, не умолкавшіе ни на мигъ, слышны ближе и ближе.

Голоса.

Царь и государь,

Твои рабы ложатся головами

Ко твоему ко царскому подножью:

Твоя на насъ парева власть и воля.

Вели казниты! (*Звукъ трубъ и роговъ*).

Аль жалуй насъ и милуй. (*Еще ближе голоса*).

Нѣсколько голосовъ. Мы, государь, невинны-неповинны

И супротивъ тебя не поднимались!

(*Звукъ трубъ и роговъ становится явственнѣе, слышенъ мѣрный топотъ кожной дружины*).

Толпа (*у порога токмаковского дома*). Царь-государь! помилуй насъ! помилуй!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Двери справа распахиваются. Князь Юрій держитъ шапку обѣими руками, кланяется въ поясъ и входитъ, не оборачиваясь къ зрителямъ за нимъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ (*въ кольчугу и шлемъ, останавливается на порогъ*).

Войти, аль нѣтъ?

Князь Юрій. Какъ, государь, поволитъ!

Царь Іоаннъ (*помолчавъ*). Войти, коль есть и Божье милосердье

И милость Божья на дому...

Князь Юрій (*еще разъ кланяется въ поясъ*). А гдѣ же, Коль не въ твоей державѣ, Божья милость?

Гдѣ милосердье Божье, коль не здѣсь—

Въ дому слуги царева и радѣльца

И въ отчинѣ царицы?

Царь Іоаннъ. Да не въ псковской.

Князь Юрій. Передъ Христомъ—во псковской!

Царь Іоаннъ. Инъ—войти!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Царь Іоаннъ, князь Токмаковъ, Малюта Григорьевичъ Скуратовъ, князь Аванасій Вяземскій, бояринъ Матута. *Въ дверяхъ видны рынды и опричники.*

Царь Іоаннъ (*оборачивается и машетъ рукой*).

Вы не входите... (*Малютъ*)

Да скажи, Малюта,

Ванюшѣ и Борису, что... того...

(*Малюта уходитъ; двери запираются*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Царь Іоаннь, князь Токмаковъ, князь Вяземскій и Матуа.

Царь Іоаннь. Ну, здравіа желаемъ вамъ, князь Юрій!

Присѣсть позволите?..

(Князь Токмаковъ и Матуа торопливо подходятъ къ царю Іоанну и берутъ его подъ руки — князь Юрій справа, Матуа слева, и усаживаютъ на княжеское мѣсто).

Спасибо... отдохну...

Умаялся...

(Снимаетъ шлемъ и отдаетъ князю Вяземскому)
Возьми-ка, Аеанасій!

(Князь Вяземскій беретъ шлемъ и отходитъ къ двери).

Спасибо, право, мужи-псковичи!

Царя псковскимъ намѣстникомъ сажаютъ
Честь-честью—подъ-руки!.. Ей-ей, спасибо!..

И какъ еще сажаютъ-то?—вдвоемъ,

Какъ подобаеть намъ по-христіански:

Направо—ангелъ, а налѣво—дьяволъ...

Молчать, а шепчуть, усть не отверзая,

Всякъ про свое... *(Помолчавъ)*

Да я-то, скудоумный,

Я, худородный, грѣшный рабъ Господній,

Васъ разберу... Коль Богъ на то поволить.

(Матуа блѣднѣетъ, прокрадывается къ князю Вяземскому и цѣлуетъ у него полу кафтана.

Князь Вяземскій торопливо машетъ ему рукой.

Князь Токмаковъ покорно наклоняетъ голову).

Усталъ теперь... Пора бы чарку выпить

Да закусить... чѣмъ ни на есть во Псковѣ...

Что, у тебя, князь Юрій, есть хозяйка?

Князь Токмаковъ *(голосъ у него дрожитъ)*. Нѣтъ, осударь,
давно похоронилъ...

Осиротѣлъ... лѣтъ, надо-быть, двѣнадцать...

Да такъ и маюсь...

Царь Іоаннь. Стало, бабъ-то нѣтъ?

Князь Токмаковъ. Есть дочка...

Царь Іоаннь.

И подросточекъ?

Князь Токмаковъ.

Да надо-тъ

Вести къ вѣнцу...

Царь Іоаннъ (*глядитъ бороду*). Велика поднести.

Князь Токмаковъ (*подходитъ къ боковой двери, открываетъ ее и шепчетъ*).

Перфильевна!.. Давай скорѣе Олю,
Въ приборѣ и съ подносомъ... Ну, и тѣхъ...
Кто тамъ у васъ, въ свѣтѣль то?—съ закуской!

Перфильевна (*шепотомъ за дверями*).

Готовы, князь мой, батюшка, голубчикъ,
Кормилецъ мой... Закуска только...

Князь Токмаковъ (*хочетъ махнуть рукой, но удерживается. Шепотомъ*).

Полно!..

(*Обрачивается къ царю Іоанну и кланяется*).

Ужъ не взыщи, великій осударь,—
Чѣмъ Богъ послалъ.

Царь Іоаннъ. Эхъ, князь, на переѣутьѣ
И просфорѣ желѣзной будетъ радъ
Калика перехожій...

Князь Токмаковъ (*опять подходитъ къ двери. Шепотомъ*).
Поднесите!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же, Ольга съ подносомъ, на немъ медовая стопа и чарки.
Стеша Матута съ подносомъ, на немъ разныя закуски. Сзади
Ольги—Перфильевна, Настыка и нѣсколько спящихъ двуручекъ.
Ольга, потупивъ глаза, подходитъ съ подносомъ къ царю Іоанну
и становится передъ нимъ на колыни.

Князь Токмаковъ (*кланяется въ землю*).

Царь-осударь! (*Протививаетъ руки*)
Челомъ бью.

Царь Іоаннъ. Осударь!..
Все—осударь мы, и осударь нашъ Псковъ,—
И Новгородъ... Да кто же противъ Бога
И Новгорода-Великаго? (*Хочетъ*)

Цари!

Цари Иваны—дѣдушка и внучекъ...
Во Псковѣ мы не царствуемъ, а въ гости
Пріѣхали!..

(*Повертываетъ голову къ входной двери. Князю
Вяземскому и Матутѣ*)

Ну, милостивы гости!

Садитесь: хозяинъ подавъ меду!

(Князь Вяземскій и Матуа садятся).

Садитесь за столъ-то: хоть кривой,

А все же княженецкїй...

(Встаетъ съ княжескаго мѣста и поднимаетъ Олю).

Позабылъ!

Прости, княжна! языкъ-то разболтался,

Какъ вашъ же *вѣтчикъ*... Глянъ-ка на меня...

(Ольга вздрагиваетъ и потупляетъ голову еще ниже).

Стыдливая!.. Прошу не погнѣвиться

На насъ, княжна!.. Твой батюшка позволилъ,

Чтобъ ты мнѣ чарку меда поднесла,

А какъ тебя по имени назвать, —

И не сказала!.. Пускай же, въ наказанье, —

Самъ прежде выпьетъ да потомъ и скажетъ,

Какъ звать тебя? *(Ольга медлитъ).*

Ну, поднеси же!.. Развѣ

Во Псковѣ медъ полни горче?

Ольга *(вся дрожитъ)*.

Ольга...

Юаннъ. Такъ, Оленька, возьми-ка — поднеси,

Да и налей сама.

(Ольга взглядываетъ искоса на князя Токмакова, онъ ей киваетъ головой. Ольга наливаетъ и подноситъ чарку).

Князь Токмаковъ *(пьетъ)*. Тебѣ во здравье,

Царь-осудары!

Царь Юаннъ *(помолчавъ, Олю)*. Ну, поднеси и мнѣ.

Да не съ поклономъ только — съ поцѣлуемъ...

(Ольга быстро поднимаетъ голову и взглядываетъ въ первый разъ на Юанна; онъ впивается въ нее глазами и почти вскрикиваетъ).

Что?.. Что такое!.. *(Проводитъ рукой по лбу)*

Мати Пресвятая!..

Не навожденъ ли?..

(Оправляется и насильственно хохочетъ).

Ты, княжна, не хочешь?..

Не хочешь ты со мной поцѣловаться?..

(Въ это время Матуа толкаетъ локтемъ князя Вяземскаго).

Со мною-то?..

Матута (*Вяземскому, шопотомъ*). Смекаешь ты?
Князь Вяземскій (*шопотомъ*). Нишкни!

Ольга (*любовно глядитъ на царя Иоанна*).

Царь-осударь! Съ тобою цѣловаться
Твоей рабъ побѣдной недостойно;
А повелишь — живая лягу въ гробъ,
Лишь ты бѣ со мной простился поцѣлуемъ.

Царь Иоаннъ (*повеселѣвъ*). Спасибо!.. Вотъ мой перстенецъ
завѣтный

Со малато съ мизинчика: носи
Его на память о рабѣ Иванѣ...

*(Голосъ у него слегка дрогнулъ. Онъ снимаетъ
перстень и кладетъ его на блюдо).*

За перстенецъ ужь, вѣрно, поцѣлуешь?..

*(Цѣлуетъ Ольгу, потомъ беретъ съ подноса
чарку меда).*

А медъ-то слаще будегь... *(Шьетъ)*.

Право, слаще!

Пожалуй, что теперь и закусить
Не худо бы...

Стеша Матута (*подходитъ ближе къ царю Иоанну съ под
носомъ*).

Чѣмъ Богъ послалъ, во Псковѣ...

Царь Иоаннъ (*улыбается и, не глядя на Стешу, беретъ съ
подноса кусокъ пирога*).

Чего жь еще?.. Пирогъ псковской!

Стеша Матута (*кланяется въ поясъ*). Съ грибами...

Царь Иоаннъ (*строго взглядываетъ на Стешу*).

Ась?.. Съ чѣмъ?..

Стеша (*не смущается и кланяется еще разъ*).

Съ грибами, осударь! Съ грибами:

У насъ, во Псковѣ, лѣта-то грибовны...

Вонъ издалека гости наѣзжаютъ,

Такъ ровно бы и хвалить...

Царь Иоаннъ (*не спускаетъ со Стеши глазъ*). Ты бойка!..
А чьихъ ты?

Стеша (*кланяется третій разъ*). Дочь боярина Матуты.

Царь Иоаннъ. А какъ зовутъ?

Стеша.

Крестили Степанидой.

Царь Иоаннъ (*улыбается*). Бойка ты и... приглядна! Знать,
во Псковѣ

Грибы-то на красавицахъ растутъ?.. *(Вздыхаетъ)*

Не то, что въ нашей слободѣ... Слыхала?

Стеша. Какъ не слыхать?.. Неволекъ зовуть.

Царь Іоаннь. Неволей ли, аль волею, да только

Ты заѣзжай къ намъ, по дорогѣ, въ гости...

Стеша. Вели свезти.

Князь Вяземскій *(толкаетъ локтемъ Матуту и говоритъ шопотомъ)*.

Смекаешь ты?

Матута *(блѣдный и взволнованный, довольно громко)*.

Нишкни!

Царь Іоаннь *(улыхалъ и оборачивается къ нимъ)*.

Вы что тамъ?

(Князь Вяземскій и Матута дрожатъ весьма тѣломъ).

...Я про васъ и позабылъ.

Да ладно!.. Вы ступайте-ка!..

(Князь Вяземскій и Матута уходятъ, но не вполнѣ притворяютъ дверь и подслушиваютъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ князя Вяземскаго и Матуты.

Царь Іоаннь *(Ольга)*. Клякна!

А ты въ Москву пожалуешь?

(Ольга во все время разговора царя Іоанна стоитъ, понуривъ голову, и не отвѣчаетъ на вопросъ).

Не бойся,

У насъ въ Москвѣ высокій теремокъ...

А ты въ своемъ, пока тамъ что, подумай...

Пора хозяйкѣ отдохнуть...

(Дѣлаетъ знакъ рукой Ольга и Стеша. Они кланяются и уходятъ съ Перфильевной и стѣнными дѣвушками).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царь Іоаннь и князь Юрій Токмаковъ.

Царь Іоаннь. Князь Юрій!

Изъ головы вонъ... все хотѣлъ спросить

Я давеча... *(Садится на мѣсто)*.

Хотѣлъ спросить: на комъ ты

Женатъ былъ?

Князь Юрій. На Насоновой, великій

Царь-осударь!

Царь Іоаннь. На Вѣрѣ?..

Князь Юрій. На Надеждѣ,

Царь-осударь!..

А Вѣра-то была

За тутошнимъ бояриномъ Шелогой.

Царь Іоаннь. Да...

Гдѣ жъ теперь онъ?..

Князь Юрій.

Нѣмцы уходили.

Царь-осударь, подѣ Невелемъ...

А Вѣра,

Съ тоски бы, что ли, словно какъ рехнулась

И померла...

Царь Іоаннь. Такъ Ольга-то твоя

Племянница покойницѣ, выходить?

Князь Юрій. Царь-осударь! Передѣ тобой не скрою:

Побольше, чѣмъ племянница...

Царь Іоаннь.

Да какъ же?..

Князь Юрій. Да такъ, что Вѣра родила безъ мужа,

И отъ кого — не знаемъ, осударь.

А грѣхъ ея покойница-хозяйка

Своею честью дѣвичьей прикрыла,

Хоть и была тогда моею невѣстой!..

Да — лихъ — Иванъ Семенычъ-то Шелого

Повѣрилъ-было, только усомнился!..

Ну, и пошелъ, съ великой со печали,

Подѣ Невель... тамъ и голову сложилъ...

Царь Іоаннь (*взволнованъ*). А Вѣра?..

Князь Юрій (*вздыхаетъ*). Вотъ покинула намъ Олю

Съ Перфильевною, мамкой...

Царь Іоаннь (*встаетъ и крестится на иконы*). Помяни,

О, Господи! во царствіи небесномъ

Рабу Твою!

(*Подходитъ къ восточной двери и говоритъ громко*)

Малюта! (*Громче*) Гей, Григорычъ!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Малюта Скуратовъ на порогѣ.

Малюта. Чтѣ повелишь, владыка?

Царь Іоаннь (*торжественно*). Да престануть

Убийства!.. Много крови... Пригните

Мечи о камень: Псковъ хранить Господь!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Царская ставка. Задняя пола откинута; видна лѣсистая мѣстность и крутой берегъ рѣки Мѣдѣдни. Ночь. Свѣтитъ мѣсяць. Ставка устлана коврами. Спереди, налѣво, медвѣжья шкура поверхъ ковра; на ней крытый золотой парчою столъ съ двумя шестирогими подсвѣчниками; на столѣ мѣховая шапка, кованный въ серебро ножъ, стопа, чарка, чернильница и нѣсколько свитковъ; направо походный аналогій и на немъ зажженная лампадка, складень, развернутый требникъ, просфора и обожженная свѣчка. Ставка подперта столпникомъ; на немъ броня и оружіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царь Іоаннъ *стоитъ посреди ставки, скрестивъ руки и опустивъ голову. Царевичъ Іоаннъ за столомъ; въ рукахъ перо; передъ нимъ свитокъ. Подлѣ аналогія дьякъ Елизаръ Вылузгинъ; у стола Борисъ Федоровичъ Годуновъ. Мимо приподнятой полы ставки ходитъ сторожевой опричникъ. На Іоаннѣ опасень съ мѣховой оторочкой; на прочихъ цвѣтныя полукафтаныя.*

Царь Іоаннъ. Да, Боря, тяжело!..

Обѣлилъ я Псковъ,

Да... что-то вотъ...

Опять взяло раздумье...

На благо ли его я обѣлилъ

И обопричнилъ! Что ты, Боря, скажешь?

Борисъ Годуновъ. Скажу я въ ладъ: что, государь, укажешь?..

Царь Іоаннъ. Что указать?.. Вѣдь вольница псковская

Новгородской вольницѣ сродни...

Попомни ты, князей-то дѣлъ управилъ,

А, въ ладъ ему, какъ самъ ты говоришь,

Лихихъ бояръ, досмыслясь, внукъ убавилъ,

А съ малыми, съ молодшими людьми

Управиться?..

Борисъ Годуновъ. Царь-государь, не время!

Царь Іоаннъ. Что, Боря?..

Царевичъ Іоаннъ. Отче!.. ты на насъ не сбѣгуй:

Съ Борисомъ мы недавно говорили—

Прижать-прижать, да надо обождать.

Царь Іоаннъ (*смѣется*). Ребята вы!.. Туда жъ хитрятъ
со мною.

Хотятъ задобрить, чтобъ не клалъ опалы...

Да на кого? На людъ-то православный—

Краугольный камень нашей власти

И наше всевозлюбленное чадо!
Въ умѣ ли вы?.. Къ тому ли рѣчь я вель?
Нѣтъ, Ваня, вотъ тебѣ завѣтъ отцовскій:
Поволить Богъ меня къ себѣ воззвати,
И будешь ты царемъ всея Руси:
Храни тебя Заступница—обидѣтъ
Единого отъ малыхъ сихъ... Попомни:
То только царство крѣпко и велико,
Гдѣ вѣдаетъ народъ, что у него
Одинъ владыка, какъ въ единомъ стадѣ
Единый пастырь.. Если же подпаскамъ
Пастухъ дастъ волю—погибай все стадо!..
Не то что волки, сами будутъ рѣзать
Да сваливать вину свою на псовъ..
Нѣтъ! такъ бы мнѣ управиться хотѣлось,
Русь оковать закономъ, что броней.
Да дастъ ли Богъ мнѣ разума и силы?..
Недуженъ я... (*Вылузгину*)
Эй, Елизаръ, найди-ка,
Вонъ, въ требникѣ...

(*Вылузгинъ беретъ требникъ*).

Какая, бишь, страница?..

(*Вылузгинъ смотритъ на Иоанна*).

Сто... сорокъ... пятая...

(*Вылузгинъ перелистываетъ требникъ*).

Нашель?..

Вылузгинъ (*читаетъ*).

Молитва...

Царь Иоаннъ (*перевѣиваетъ его*). Молитва... да!.. надъ грѣш-
нымъ человѣкомъ

Очародѣяннымъ: «Всесильный Боже!..»

Вылузгинъ (*читаетъ*). «Всесильный и человѣколюбивый
Господи, Иисусе Христе Боже нашъ!.. Предвѣчнаго...»

Царь Иоаннъ. Постой!.. пониже: пятая строка.

Вылузгинъ (*читаетъ*). «Яко да злодѣянiя бѣсовская испразд-
ниши, и ученикомъ своимъ власть давай, еже наступити на
змія и скорпию, и на всю силу вражію».

Царь Иоаннъ. Аминь!.. (*Протягиваетъ правую руку и вы-
ступаетъ впередъ*).

На силу вражью!..

(*Хватается руками за грудь*).

Что-то тошно!..

Какъ словно рѣчь подхлынула подъ сердце

И вверхъ ползеть, и за горло хватается. (*Царевичу*)

Пустяка, Ваня!..

*(Царевичъ встаетъ, Иоаннъ садится на мѣсто).
Хочется поговорить...*

Послушайте...

(Царевичъ и Борисъ Годуновъ подходятъ къ столу).

Недаромъ я просилъ

Прочеть молитву: точно очарованъ

Я смолоду... да, видно, зачурованъ...

Вылузгинъ. «Мать Пресвятая!..»

Царь Иоаннъ *(махнетъ рукой)*. Полно, Елизарій,

Молчи и дай сказать нѣмому слово!

Вылузгинъ *(оторопѣвъ)*. Я, осударь...

Царь Иоаннъ.

Ну, ладно, помолчи!..

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и дворецкій Л. Андреевичъ Салтыковъ.

Салтыковъ *(выглядываетъ изъ-за откинутой полы ставки и манитъ Вылузгина шопотомъ)*. Чтѣ?.. можно?..

(Вылузгинъ отмахивается).

Царь Иоаннъ *(замѣтивъ, оборачивается)*. Кто тамъ?..

Салтыковъ *(входитъ и кланяется въ поясъ)*. Осударь, по-
волишь:

Сокольничій Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ

Пришелъ съ докладомъ.

Царь Иоаннъ.

Чтѣ ему? Зови!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Царь Иоаннъ *(говоритъ, не поворачивая головы)*.

Нашель гнѣздо?

Бобрищевъ-Пушкинъ. Нашель, царь-осударь,

Да какъ прикажешь?.. Соколъ больно въ мытѣхъ...

Царь Иоаннъ. Ну, перелдать, а князю Токмакову

Велѣть сказать, что выслать бы съ надежнымъ

И съ спѣшнымъ къ нашей милости гонцомъ.

Бобрищевъ-Пушкинъ *(почесываетъ затылокъ)*.

Ивашко Пушкинъ, ловчій, похвалялся,

Что царское величество твое

Потѣшитъ звѣремъ...

Царь Иоаннъ *(оборачивается)*. Тура подсмотрѣли?

Бобрищевъ-Пушкинъ. Ёль, осударь, въ стогу полѣсномъ сѣно,
Тутъ недалечко, у самой Мѣдѣни,
На задворкахъ, у сельскаго дьячка...

Царь Іоаннъ. Ступай!.. Скажу потомъ... А казначею
Вели: дьячку дать полтретя рубля
За дѣсмотръ...

(Пушкинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Пушкина.

Царь Іоаннъ. Наказать бы, Елизарій,
Чтобъ въ ставку, кромѣ Вяземскаго князя,
Да нашего Григорыча Малюты,
Живой души впускать не смѣли.

(Вылузинъ хочетъ уйти).

Стой же!

Ложися спать: понадобится—кликну.

(Вылузинъ уходитъ. Пола опустается).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Вылузина.

Царь Іоаннъ. Ну, вотъ одни... Ну, вотъ одинъ я съ вами,
Любезные сыны, порфирородный
И воспріемный!

Ужъ кого я больше

Люблю—не знаю.

Борисъ Годуновъ *(прижимаетъ руки къ сердцу).* Смилуйся,
владыка!

Царевичъ Іоаннъ *(бросается къ отцу и цѣлуетъ ему руку).*

Владыка-отче! не клади опалы
На своего несмысленнаго сына,
А первый разъ я, отче, домекнулся
Теперь, что ты—отецъ и государь!

Царь Іоаннъ *(обнимаетъ его и говоритъ Годунову).*

И ты ко мнѣ!

(Годуновъ падаетъ на колѣни).

Царь Іоаннъ *(поднимаетъ его).* Ко мнѣ, ко мнѣ, голубчикъ!

(Цѣлуетъ его въ лобъ).

Борисъ, помини!.. Коль Иванъ Васильичъ

Не снялъ доселѣ буйной головы
Съ широкихъ плечъ Малютинова зятя,
А цѣловаль ту голову, такъ—значить—
Той головѣ не царскимъ поцѣлуемъ,
А Божіимъ нарядомъ красоваться...
Ну, дѣти, вы послушайте теперь... *(Помолчаевъ)*
Тогда—еще былъ живъ покойный Дмитрій,
А ты еще и не родился, Ваня,
Какъ боленъ былъ я при смерти... Такъ крѣпко
Сломилъ меня недугъ, что я не чаялъ
Въ живыхъ остаться и молился только,
Чтобъ васъ, сиротъ, и русскую державу,
Свой домъ отъ вѣка избранный, святая
Заступница покровомъ осѣнила!..
Никѣмъ-кого у моего одра:

Лежу одинъ—недвижимъ и безгласенъ...
Послѣдній вздохъ мнѣ сердце поднимаетъ...

А за дверьми моей опочивальни
Всѣ слуги и всѣ близкіе мои
Заранѣе ужъ ризы наши дѣлятъ,
И мечутъ жребій объ одеждѣ нашей,
И брата Володимера соборнѣ
Зовутъ на царство, а младенца Митю
Известъ хотятъ, какъ извели голубку
Мою Настасью, мать твою родную!..
Взглянулъ я скорбно на Господній образъ,
На Спаса ликъ нерукотворный: силюсь
Крестъ сотворить десною,—нѣту силы
Поднять десною... И горько я заплакалъ!

(Царевичъ утираетъ слезу).

И внялъ Господь мольбѣ моей безгласной
О сиротствѣ невиннаго младенца—
Не допустилъ, чтобъ лиходѣйный ножъ
Изъ тѣла душу ангельскую вынулъ!
Въ груди моей внезапно смерти льдину
Пробила слезъ горячая струя,
И снова кровь по жиламъ побѣжала,
И отошли замерзнувшія мышцы...
Я всталъ съ одра—на радость и веселье
Моимъ друзьямъ, моимъ слугамъ любезнымъ
Князьямъ-боярамъ... было же имъ любо!..

Борисъ Годуновъ. А кто тутъ были, государь?

Царь Іоаннь.

Да всѣ:

Курлетевы и Шуйскіе, Алешка

Адашевъ, со милымъ своимъ дружкоймъ
Попомъ Сильвестромъ... Какъ припомню только,
Что сотворили эти 'доброхоты
Съ державой нашей—сердце содрогнется.
А, кажется, кому бы и радѣть,
Коли не имъ, измѣнникамъ?

Царевичъ Іоаннь. Я слышалъ,
Что жаловалъ Адашева ты много,
Не по заслугамъ?

Царь Іоаннь. По какимъ заслугамъ!
Не вѣдаю, какимъ ужь обычаемъ
Онъ изъ батожниковъ во дворъ нашъ царскій,
Когда мы были молоды, явился.
Я взялъ его отъ гноища, поставилъ
Съ вельможами моими на ряду...
Какихъ честей, какихъ богатствъ ни принималъ
Онъ отъ меня, да не одинъ онъ только —
Весь родъ его! Какое же смиренье
Я отъ него, лихой собаки, видѣлъ!
Сочли меня съ Сильвестромъ — недоумкомъ
И стали власть снимать съ меня безстыдно
Не только въ думѣ нашей царской -- въ домѣ,
Кормили, одѣвали, обували
И клали спать, когда и какъ хотѣли...
Ну, наконецъ меня взяла тоска!

Борисъ Годуновъ. Царь-государь, твое долготерпѣнье
Намъ вѣдомо...

Царь Іоаннь. Тогда я не стерпѣлъ!
Хоть мы порфиру золотую носимъ,
Но также тлѣнны, также человекѣки
И немощью людской облечены...
Сыскалъ вины измѣнника Алешки
И всѣхъ его совѣтниковъ лукавыхъ,
И милостивый гнѣвъ свой учинилъ:
Не положилъ на нихъ я смертной казни,
А разослалъ по дальнимъ городамъ.
Потомъ нашлись другіе доброхоты:
Вонъ Курбскій князь сбѣжалъ, какъ воръ, въ Литву
Да лается оттуда на меня,
Что я бояръ всеродно погублю!
Лихъ лжетъ онъ, вѣроломецъ и предатель:
Кладу опалу на рабовъ ослушныхъ,
А казнь вездѣ измѣнникамъ бываетъ...
Да и казненныхъ милую по смерти:

Въ монастыри, по грѣшнымъ ихъ душамъ,
Я сколько поминаній разсылаю;
Своей рукой синодики пишу
И вкладами въ домъ Божій не скуплюся
За нихъ, моихъ злодѣевъ и враговъ...
Пускай насъ Богъ на свѣтъ томъ разсудить.

*(Пола ставки приподнимается; входитъ князь
Вяземскій въ кольчугъ и снимаетъ шлемъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и князь Вяземскій.

Іоаннъ. Гдѣ побываль, голубчикъ?

Князь Вяземскій. Подъ Печерскимъ.

Іоаннъ. Не вздумаль ли, за грубость, ты обидѣть
Николау-старца?

Князь Вяземскій. Нѣту, осударь,

А по пути настигъ купца съ товаромъ,
Да не своимъ, захваченнымъ. Такъ, кстати,

Ужъ и его съ собою захватилъ...

Іоаннъ. Ну, разыскать... товаръ отдать хозяямъ!

А вора, до расправы съ нимъ, въ колоды.

Князь Вяземскій. Онъ говорить, что везъ къ тебѣ съ по-
клономъ...

Товаръ хорошъ, и воръ-то мнѣ знакомый...

Іоаннъ. Да что ты мнѣ загадки задаешь!

Какой тамъ воръ!

Князь Вяземскій. Бояринъ изъ Пскова,
Матута.

Іоаннъ. Что жъ ему за треба?

Князь Вяземскій. Треба

Такая, что... И какъ сказать—не знаю.

Шли въ монастырь псковскія богомолки...

Одна-то больно пригожа: такъ онъ

Наѣхаль съ дворней и умчалъ голубку.

Іоаннъ *(низмуриваетъ брови)*. А кто она?

Князь Вяземскій *(помолчавъ)*. Дочь князя Токмакова.

Іоаннъ *(вскакивая съ мѣста)*. Холопы!.. И ты дерзнулъ съ
такою рѣчью

Предстать предъ око своего владыки?

Малюту мнѣ!

Князь Вяземскій *(падаетъ на колѣни)*. Помилуй, осударь!

Іоаннъ (*грозно*). Долой съ очей! (*Годунову*)

Борись, вести скорѣе

Сюда, ко мнѣ, Матуту!.. Гдѣ мой посохъ?

(*Вяземскій и Годуновъ быстро уходятъ. Іоаннъ беретъ въ улу ставки посохъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Іоаннъ и царевичъ.

Царевичъ (*тихимъ голосомъ*). Владыка-отче!

Іоаннъ (*въ сильномъ волненіи*). Не проси, Иванъ!

На псовъ жалѣть не подобаешь палки...

Разбойники!.. Я снялъ вину со Пскова,

Молился у угодниковъ печерскихъ,

Не наказалъ монаха грубой рѣчи,

А эти воры смѣли увезти

Дочь моего намѣстника и князя!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Малюта, Годуновъ, князь Вяземскій, Матута и нѣсколько
опричниковъ.

Матута (*при влодѣ въ ставку, падаетъ на колѣни и бьетъ
челомъ о землю*). Помилуй!

Іоаннъ. Я помилую тебя! (*Малютѣ*)

Григорьичъ! Тотчасъ молодцовъ въ желѣза

И въ Псковъ вести у стремени, а дочь

Князь Юрія сажайте прямо на возъ

И отвезите бережно къ отцу:

Обидчиковъ, за то безчестье, князю

Я соизволю выдать головою,

Со всѣми ихъ помѣстьями и скарбомъ.

А прежде ихъ... (*Поднимаетъ посохъ*).

Матута (*складываетъ руки*). Царь, осударь великій!

Казни своей рукою недостойныхъ,

Но повели сказать подъ пыткой слово.

Іоаннъ (*опускаетъ посохъ и опирается на него*). Солги еще!

Матута. Ни, осударь; ни йоты.

Дочь Токмакова въ монастырь ходила —

Не пресвятой Заступницѣ молиться,

А видѣться съ посадничимъ сыномъ

Михайлой Тучей: это онъ изъ Пскова,

Передъ твоимъ прїѣздомъ государскимъ,

Увелъ съ собою вольницу псковскую.

Онъ, да еще Четвертка, тоже сынъ
Посадничій — ослушники твои,
Смутители... Такъ дочь-то Токмакова
Мы увезли, чтобъ ты велѣлъ о ворѣ,
Михайлъ Тучѣ, опросить ее.

Малюта. Такъ, государь! я посылалъ ужь сыскныхъ.
Развѣдали, что вольница псковская
Взаправду бродить по лѣсамъ печерскимъ.
Іоаннь. Инъ ладно... Уводи съ собою этихъ,
А ту ко мнѣ... Да одного оставьте
Меня на малый часъ.

(Малюта, Вяземскій, Манута, опричники уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Іоаннь, царевичъ и Борисъ Годуновъ.

Іоаннь. Я говорилъ,
Что торопливо порѣшилъ со Псковомъ—
И вышло такъ...
Никакъ ее везуть? *(Царевичу)*
Ступай въ шатеръ къ Борису...
Я узнаю
Всю подноготную...

(Царевичъ и Годуновъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ Х.

Іоаннь, Ольга *откидываетъ полу ставки и останавливается.*

Іоаннь *(идетъ ей навстрѣчу)*. Здорово, Ольга
Ивановна... бишь, Юрьевна! Здорово!

*(Ольга заламываетъ руки, кланяется Іоанну въ
ноги и рыдаетъ).*

Іоаннь *(приподнимаетъ ее)*.

Привстань, привстань! Поди-ка вотъ сюда,
Присядь, да отдохни. *(Ведетъ и сажаетъ на мѣсто).*

Не ждалъ—не чаялъ

Тебя увидѣть объ ночную пору,
Да гдѣ еще?—въ моей походной ставкѣ.
Какъ довели тебя?

(Ольга рыдаетъ и не можетъ сказать ни слова).

Не плачь, касатка!

Я не медвѣдь, не людоедъ косматый,
А твой хозяинъ, гостя дорогая,
Да, правду молвить кстати, и должникъ:

Ты чарку мнѣ съ поклономъ подносила—
Я принималъ; теперь чередъ за мною:
Мнѣ подносить, а принимать тебѣ.

(Наливаетъ изъ стопы чарку и подноситъ съ поклономъ Ольгу).

Пригубь изъ нашей чарки, не гнушайся...
Отвѣдай: медъ и у меня недурень...

(Ольга встаетъ, прихлебываетъ и со слезами целуетъ у Иоанна руку).

Иоаннъ *(ставитъ чарку на столъ и опять усаживаетъ Ольгу).*

Ну вотъ, теперь немножко отдохнула...

Разсказывай, какъ увезли тебя?

Ольга *(складываетъ руки).* Царь-государь, спаси меня,
помилуй!

Я сирота...

Иоаннъ. А кто же князь-то Юрій
Ивановичъ?

Ольга. Онъ мнѣ отецъ пріемный.

Я ни отца ни матери не знала...

Не откажи въ помогѣ безпомощной!

Оборони отъ недруга лихого!..

Иоаннъ. А кто твой недругъ?

Ольга. Самый онъ, Матуга.

Ему меня просватали сначала,

Да я потомъ упала въ ноги князю

И упросила, слезно умолила—

Не загубить моей дѣвичьей воли

За старымъ, ненавистнымъ я постылымъ...

За то и злится... Нынче наскочалъ

Съ холопьями у монастырской рощи...

Схватили, завязали ротъ платкомъ

И на сѣдло втащили... Дѣвку Настю

...Съ ногъ сбили плетью... Тутъ ужъ я не помню.

Иоаннъ. Зачѣмъ же ты ходила въ монастырь?

Ольга. У князя отпросилась помолиться.

Иоаннъ. Объ суженомъ?

Ольга. Не скрою, государь.

Есть суженный.

Иоаннъ. Когда же будетъ свадьба?

Ольга. Какъ Богъ велитъ.

Иоаннъ. А за кого выходишь?

Ольга. За сына за посадничьяго.

Иоаннъ. Тучу?

Ольга (*удивленная*). Такъ, государь.

Юаннь.

Вѣдь свадьбѣ не бывать!..

За то, что ты всего мнѣ не сказала,

Я увезу тебя въ Москву съ собою...

Скажи: кого у роши дожидалась?

Ольга (*падаетъ на колѣни*). Прости: его...

Юаннь.

И не проси прощенья!

Пошлю сказать князь Юрью, что въ Москву

Везу тебя, а воли нашей царской

Ослушника, посадничьяго сына,

Велю поймать и привезти въ желѣзахъ...

Гдѣ онъ теперь?

Ольга.

Помилуй, государь!

Юаннь. Гдѣ онъ теперь?

Ольга.

Не вѣдаю, не знаю.

Юаннь (*грозно*). Гдѣ онъ теперь?

Ольга (*плачетъ*).

Хотѣлъ быть въ келью старца

Николы.

Юаннь. Встань и поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

Я пошутить: въ Москву тебя возьму,

Отдамъ тебя за молодца любого,

Кого сама захочешь... А Михайлы

Казнить не стану—засажу въ темницу...

И денегъ дамъ тебѣ на колачи—

Корми его по праздникамъ...

Ольга.

Вели

Меня казнить за то, что головою

Я выдала милого.

Юаннь (*смѣется*). Ни-ни-ни!

Зачѣмъ казнить красавицъ? Замужъ выдамъ.

Ольга (*складываетъ руки*).

Охъ, государь! не тѣшься надо мною:

Пусти во Псковъ молиться за тебя—

Я въ монастырь пойду.

Юаннь

Небось, въ Печерскій?

Какъ не пойти!.. (*Смѣется и опирается рукой о столъ*).

Ольга.

Великій государь!

Передъ тобою мнѣ, какъ передъ Богомъ,

И помысла не можно утаить.

Дозволь сказать всю правду.

Юаннь.

Только правду!

Ольга. Дѣвичьи слезы и дѣвичье горе

Тебѣ смѣшки и шутка, государь...

Да надъ молитвой ты шутить не станешь...

Такъ вѣдай же: ребенкомъ несмышленнымъ
Я за тебя молиться научилась;
За мамкою, передъ иконою Спаса,
Я лепетала: «Господи, помилуй
Отца и государя моего!»

(Иоаннъ видимо взволнованъ; Ольга складываетъ руки).

Ты властенъ посмѣяться надо мною
И не повѣрить истинному слову...
А я тебя тогда еще почасту
Во снѣ видала.

Иоаннъ. Жаль—не найву!
Похожъ былъ, чай, я на царя Ивана
Васильича?

Ольга. Да, государь, похожъ!..
Одно, что былъ моложе, веселѣе
И...

Иоаннъ. Чтѣ? красивѣй?..

Ольга. Вымолвить не смѣю.

Иоаннъ. Не бойся, Ольга Юрьевна!.. *(Качаетъ головой).*
Не зналъ я,

Что ты у насъ забавница такая...

(Молчаніе. Ольга стоитъ, печально опустивъ голову).

Иоаннъ *(пристально глядитъ на Ольгу).*

Скажи-ка ты мнѣ лучше, безъ утайки—
Кѣмъ чаще: букой, иль царемъ Иваномъ
Тебя пугали въ дѣтствѣ?.. *(Ольга молчитъ).*

А когда

Ты подросла, чай, наслыхалась притчей
О нѣкоемъ злодѣѣ, кровопійцѣ,
Гонителѣ бояръ и слугъ усердныхъ.
Мучителѣ, казнителѣ...

Ольга. Дозволь...

Иоаннъ *(не слушая ея).*

Объ извергѣ!.. Отъ слова и до слова
Готовъ я всю ихъ пѣсенку пропѣть:
«Онъ, мошь, какой: чѣмъ только кто правѣе
Тѣмъ на судѣ его и виноватѣй;
Кто житіемъ, воистину молчальнымъ
И монастырскимъ, Господу угоденъ,
Тотъ у него—ханжа и лицемѣръ;
Кто лестію гнушается—завистникъ,

А кто стоитъ за правду по присягѣ
И цѣлованью крестному, — отмѣтникъ,
Злокозненный измѣнникъ и предатель!..
И вотъ, молъ, онъ мужей, толико доблхъ,
Преславныхъ царства русскаго сиклитовъ,
Всеродно истребляетъ аки звѣрь,
О немъ же намъ гласить Апокалипсисъ...
Ни возраста ни пола ни жалбеть;
Грудныхъ младенцевъ, старцевъ безпомощныхъ,
Невинныхъ дѣвъ терзаетъ лютой мукой
И тѣшится ихъ кровью, со своею
Кромѣшной тьмой, что сатана съ бѣсами...»
Что? такъ ли, Ольга Юрьевна, аль нѣтъ?
Аль, можетъ, и послаще напѣвали?
Ты не такъ: вѣдь сказано — не бойся.

Ольга. Мнѣ нечего бояться; не причастна
Моя душа ни лести ни обману,
И видитъ Богъ, что я сказала правду.
Да и скажу: я въ бережѣ, въ охранѣ
У батюшки названнаго жила;
Пустыхъ рѣчей ко мнѣ, въ дѣвичій теремъ,
Не заносилъ никто и никогда;
А если отъ подружекъ и отъ мамокъ
И доводилось слышать что такое,
Такъ понимать мнѣ было не по лѣтамъ
Про царскій гнѣвъ и царскую опалу...
А послѣ...

Иоаннъ. Видно: послѣ доmekнулась?

Ольга (*смѣло взмалдыиваетъ на Иоанна*).
Да: доmekнулась!.. Какъ не доmekнуться,
Когда вездѣ стонъ-стономъ по Руси?..
Охъ! не о томъ тебѣ бы допроситься,
А о моихъ молитвахъ многогрѣшныхъ,
Что слышала ли, нѣтъ ли — полночь...
Узналъ бы ты...

(*За ставкой слышенъ шумъ и окликъ сторо-
жевого:*)

Что за люди такіе?

Что за народъ?

Голосъ Четвертки. Народъ все Божій: мы.

(*Къ ставку приближаются быстрые шаги толпы;
раздается звукъ рога; выстрѣлы и шумъ схватки*).

Впередъ, ребята, къ ставкѣ!

Иоаннъ (*откидываетъ полу*). Что такое?

Голосъ Четвертки. Вотъ это—ставка Вяземскаго вора:

Сюда! правѣй, правѣе забирайте!

(Изъ шатровъ выбѣгаютъ толпы стрѣльцовъ; слышны выстрѣлы пицалей и звукъ оружія).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царевичъ, Годуновъ и Малюта *вбѣгаютъ въ ставку.*

Малюта (*запыхавшись*). Царь, вольница псковская!

(Ольга вскрикиваетъ).

Иоаннъ (*сдерживаетъ со столтника мечъ*).

Всѣхъ ихъ лоскомъ!

Царевичъ (*заступаетъ Иоанну дорогу*).

Владыка-отче! не труди напрасно

Своей десницы.

Иоаннъ (*въ бѣшенствѣ*). Слышишь? Всѣхъ, Малюта!

А вожака треклятыхъ взять живьемъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Малюты.

(Крики, выстрѣлы и схватка сильнѣе).

Голосъ Михайлы Тучи. Князь Вяземскій? Гдѣ Ольга Токмакова?

Отдайте Ольгу Токмакову! Ольга!

Ты здѣсь ли, Ольга?

Ольга. Здѣсь!

(Хочетъ броситься вонъ изъ ставки; Годуновъ сильно ее отталкиваетъ).

Ольга (*шатается и падаетъ на одно колено*).

Христе-Исусе!

(За сценой бѣлый огонь и стѣа).

Голосъ Михайлы Тучи (*ближе*).

Прости! съ тобой намъ больше не видаться!

Голосъ Малюты. Бери живьемъ!

Нѣсколько голосовъ. Не дался! соскочилъ

Въ Мѣдѣдню. Поплылъ... Вотъ онъ... Эй, вы, разомъ!

(Ольга вскакиваетъ).

Голоса. Стрѣляй!.. (*Залпъ*).

Попали!..

(Выстрѣлы утихаютъ; входитъ Малюта).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Малюта съ окровавленнымъ бердышемъ. За нимъ
отричники.

Малюта. Всѣхъ угомонили!

Іоаннъ (безпокойно). А Туча?

Малюта (махаетъ рукой). Ко дну!

Ольга (хватаетъ со стола ножъ). Господи! дрсоти мнѣ...
(Падаеть въ крови на полъ).

Іоаннъ. Безумная!..

Бомелія сюда!

(Подбѣгаетъ къ Ольгѣ и относитъ ее съ цареви-
чемъ и Годуновымъ на мѣсто).

Безумная!.. Ты слышишь ли?.. Ты слышишь?..

Вѣдь я тебѣ...

(Наклоняется къ Ольгѣ и осыпаетъ ее поцѣлуями).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Тѣ же и Бомелій постыжно подходитъ къ Ольгѣ.

Іоаннъ (задыхается). Спаси ее, Бомелій!

(Бомелій беретъ Ольгу за руку и приклады-
ваетъ уго къ ея сердцу).

Іоаннъ (ломаетъ себѣ руки). Спаси мою голубку!..

Бомелій (качаетъ головой). Государь!

Господь единый воскрешаетъ мертвыхъ...

ПЕРЕВОДЫ.

БУРЯ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ШЕКСПИРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Алонзо, король Неаполя.

Себастьянъ, его братъ.

Просперо, законный герцогъ Милана.

Антоніо, его братъ, похититель миланскаго престола.

Фердинандъ, сынъ неаполитанскаго короля.

Гонзало, честный и старый неаполитанскій совѣтникъ.

Адріанъ } неаполитанскіе вельможи.

Франциско }
Калибанъ, безобразный невольникъ, дикарь.

Тринколо, шутъ.

Стефано, пьяница-ключникъ.

Шкиперъ, подшкиперъ и матросы.

Миранда, дочь Просперо.

Аріэль, духъ воздуха.

Ириса }
Церера } духи.
Юнона }
Нимфы }
Жнецы }

Прочіе духи, подвластные Просперо.

Сцена: сначала море и на немъ корабль, потомъ — необитаемый островъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На кораблѣ.

Буря. Удары грома и молнія.

(На палубу входятъ шкиперъ и подшкиперъ).

Шкиперъ. Подшкиперы!

Подшкиперъ. Здѣсь, хозяинъ! Чтò надо?

Шкиперъ. Все ладно: перетолкуй съ матросами да правь половчѣе, а не то сядемъ на мель... живо! живо! *(Уходитъ).*

(Входятъ матросы).

Подшкиперъ. Не робѣй, сердечные! Крѣпче, крѣпче, сердечные! Берись, берись! Марсели долой! Слушать хозяйскаго свистка!.. Бушуй теперъ на просторѣ, пока вѣтра хватить! *(Входятъ Алонзо, Себастьянъ, Антоніо, Фердинандъ, Гонзало и другіе).*

Алонзо. Любезный подшкиперъ, будь внимательнѣе... Гдѣ хозяинъ? Расшевели своихъ людей.

Подшкиперъ. Я бы васъ попросилъ оставаться внизу.

Антоніо. Подшкиперъ, гдѣ хозяинъ?

Подшкиперъ. Развѣ не слышите, гдѣ? Не мѣшайте намъ—оставайтесь въ своихъ каютахъ: вы только помогаете бурѣ.

Гонзало. Перестань, молодецъ, сердиться!

Подшкиперъ. Когда море перестанетъ. Прочь отсюда! Боятся, что ли, волны королевскаго имени? Въ каюту: молчать и не мѣшать намъ.

Гонзало. Хорошо; но помни—кто у тебя на кораблѣ.

Подшкиперъ. Никого дороже меня самого. Вы совѣтники: посоветуйте же, если можете, стихіямъ смолкнуть и смириться, мы ни до одной веревки не дотронемся, буди во всемъ ваша власть. А если не можете, благодарите, что такъ долго еще прожили, и ждите въ каютѣ бѣды, коль приключится... Живѣй, сердечные!.. Долой съ нашей дороги, говорю! *(Уходитъ).*

Гонзало. Этогь малый внушаетъ къ себѣ большое довѣріе: мнѣ кажется, что кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Сдержки же свое слово, благая судьба, и пусть посуленная ему веревка будетъ нашимъ канатомъ,—а корабельные намъ слабая помощь. Если ужъ онъ не рожденъ для висѣлицы,—дѣло наше плохо. *(Уходитъ).*

(Подшкиперъ возвращается).

Подшкиперъ. Долой гротъ-марсы! Легче! ниже, ниже! Трави

канать. *(Внизу крикъ)*. Да подохните вы всё! Завыли, что не слышно ни бури ни команды.

(Входятъ опять Себастіанъ, Антоніо и Гонзало).

Какъ, опять? Чтò васъ сюда тянетъ? Намъ отъ дѣла отступиться, что ли, и тонуть? Или вамъ самимъ захотѣлось пойти ко дну?

Антоніо. Язву тебѣ въ глотку, брехунъ, богохульникъ!

Себастіанъ. Цыцъ, песь! Волочайкинъ выродокъ, нахальный крикунъ! Мы меньше тебя боимся утонуть.

Подшкиперъ. Такъ маневрируйте сами.

Гонзало. Я поручусь за него, что онъ не утонетъ — будь корабль слабѣ орѣховой скорлупки и точи изъ себя воду, какъ плакса-дѣвчонка.

Подшкиперъ. Лавируй, лавируй! Отдай оба паруса!.. И опять въ море! въ море отваливай!

(Входятъ мокрые матросы).

Матросы. Все пропало! На молитву! на молитву! Все пропало!

Подшкиперъ. Какъ? Неужели ужъ нашимъ губамъ приходится застынуть?

Гонзало. Король и принцъ на молитвѣ—присоединимся къ нимъ: ихъ участь—наша участь.

Себастіанъ. Я потерялъ все терпѣніе!

Антоніо. У насъ грабительски отнята жизнь по произволу пьяницъ.

Мерзавецъ этотъ!.. Если бы давно ужъ

Ты утонулъ, и десять разъ приливъ

Влился тебѣ въ гортань!

Гонзало. И ничего!

Онъ не утонетъ, а повѣшенъ будетъ,

Хотя бъ все море до послѣдней капли

Клялося поглотить его...

(Внизу невнятный крикъ).

О, Боже!

Мы ударились о камень! мы ударились о камень!

Простите, жена моя и дѣти! Прости, мой братъ!

Мы разбились о камень, разбились, разбились!

Антоніо. Потонемъ съ кораблемъ. *(Уходитъ).*

Себастіанъ. Простимся съ нимъ. *(Уходитъ).*

Гонзало. Теперь я отдаю бы десять миль моря за десятину земли: дрокъ ли растеть на ней, верескъ ли, все равно. Да: будь чтò будетъ, а умереть мнѣ хотѣлось бы сухоткой! *(Уходитъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ.

На очарованномъ островѣ передъ пещерой ПРОСПЕРО.

(Входятъ: Просперо и Миранда).

Миранда. Своимъ искусствомъ, дорогой родителъ,
Заставили вы дикую волну
Ревѣть, какъ звѣрь: теперь ее смирите.
Все небо словно черную смолу
Льетъ на море, а море хлещетъ въ небо
И вырубаетъ изъ него огонь.
О, какъ же я страдала вмѣстѣ съ тѣмъ,
Чѣмъ видѣла страданья!.. И корабль,
Съ пловцами благородными, конечно,
Изломанъ въ щепки!.. О, ихъ крикъ ударилъ
Мнѣ прямо въ сердце... Бѣдные погибли!
Будь божествомъ могучимъ я, скорѣе
Въ земную глубь я море вогнала бы,
Чѣмъ поглотить дозволила бы ему
Корабль и съ нимъ трепещущія души...

Просперо. Миранда, будь спокойна, не тревожься:
Увѣрь свое растроганное сердце,
Что никого несчастье не постигло.

Миранда. Ужасный день!

Просперо. Бѣды не приключилосьъ.

Я эту бурю поднялъ для тебя,
Мое дитя родное, дорогое!
Ты про себя еще не знаешь, кто ты,
И про меня не знаешь—что я былъ
Поболѣе когда-то, чѣмъ Просперо,
Владѣлецъ этой маленькой пещеры
И твой отецъ.

Миранда. А болѣе узнать
И въ мысли мнѣ не приходило.

Просперо. Время

Узнать тебѣ и больше. Помоги мнѣ
Снять мантию волшебную... Вотъ такъ. (Снимаетъ мантию).
Пусть здѣсь лежитъ символъ моей науки..
Утѣшься же и слезы оботри.
Твое участие истинное вызвалъ
Ужасный видъ крушенья корабля;
Но я своимъ искусствомъ такъ устроилъ,
Что ни души единой не погиблю
И волоска не выпало у тѣхъ,

Чей смертный крикъ на кораблѣ тонувшемъ
Ты слышала... Садись же, ты должна
Узнать о многомъ...

Миранда. Заводили часто
Вы рѣчь о мнѣ и вдругъ смолкали снова,
И я терялась попусту въ догадкахъ
Отъ вашихъ словъ: «Нѣтъ, подожди, не время!».

Просперо. Часъ наступилъ: такъ слушай со вниманьемъ.
Припомнишь ли ты время, передъ тѣмъ
Какъ мы въ пещерѣ этой поселились?..
Не думаю: тебѣ невстунно было
Три года...

Миранда. Сэръ, я помню это время.

Просперо. А почему? другой былъ домъ, иль лица?..
Ты мнѣ скажи: какой предметъ иль образъ
Напечатлѣлся въ памяти твоей?

Миранда. Все это такъ давно и такъ далеко,
Что кажется мнѣ грезой, а не былью...
Вотъ: не было ль когда-то у меня
Иль четырехъ, или пяти прислужницъ?

Просперо. И болѣе, Миранда! Только странно,
Какъ ты могла запомнить? Чтѣ еще
Передъ тобой встаетъ изъ темной бездны
Минушаго? Когда ты не забыла
Про это время, такъ должна припомнить,
Какъ мы сюда попали?

Миранда. Нѣтъ, не помню.

Просперо. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, Миранда,
Какъ твой отецъ былъ герцогомъ Милана,
Владыкою могущественнымъ.

Миранда. Сэръ,
Вы развѣ не отецъ мнѣ?

Просперо. Говорила
Мнѣ мать твоя, честнѣйшій образецъ
Невинности, что ты мнѣ дочь, Миранда!
А твой отецъ былъ герцогомъ Милана,
И ты была наслѣдною принцессой,
Ни болѣе ни мене.

Миранда. О, небо!
Какое же несчастье увлекло
Оттуда насъ? Или, быть-можетъ, счастье?..

Просперо. То и другое, милое дитя:
Несчастье насъ изгнало, а счастье
Направило нашъ путь на этотъ островъ.

Миранда. О, у меня облилось сердце кровью

При мысли, что напомнила я вамъ

Былое горе, забытое мною!..

Но далье, родитель мой, прошу васъ...

Просперо. Мой братъ родной Антонио, твой дядя,—

Замѣть, какъ братъ коваренъ можетъ быть!—

Онъ, послѣ лишь тебя одной, любимой

Всѣхъ болѣе на свѣтѣ мною, онъ,

Кому правленья ввѣрилъ я кормило

Надъ герцогствомъ миланскимъ,—а тогда

Оно другихъ владѣній было выше,

И герцогомъ миланскимъ былъ Просперо,

Всечтимый за любовь свою къ искусствамъ

И погруженный въ таинства науки.

Такъ онъ, мой братъ и твой коварный дядя...

Ты слушаешь?

Миранда. Не проронила слова.

Просперо. Разъ изучивъ—какъ расточать награды

И какъ на просьбы отвѣчать отказомъ,

Кого унижить, а кого возвысить,

Чьи замыслы строптивые смирить,

Антонио искусно пересоздалъ

Всѣхъ преданныхъ и вѣрныхъ мнѣ людей:

Иль измѣнили ихъ прежній образъ мыслей,

Иль, говорю, совсѣмъ ихъ создалъ вновь.

Всему урядчикъ—голоса придворныхъ

Настроилъ онъ на тонъ ему любезный

И, словно плющъ, ползучими листьями

Сокрылъ и стволъ у дуба онъ и зелень...

Ты слышишь ли?

Миранда. Повѣрьте, сэръ!

Просперо. Замѣть же,

Пренебрегая суетою міра,

Отдавшись вполнѣ уединенью,

Старался я обогатить свой разумъ

Познаньями,—и стали мнѣ дороже

Они любви общественной, а это

И навело на злыя мысли брата:

Довѣрье безграничное мое

Въ немъ вызвало неменьшее коварство.

И вотъ мой братъ, вполнѣ распоряжаясь

Не только что доходами казны,

Но всѣмъ, что власть моя могла доставить,

Какъ человекъ, твердившій безпрестанно

Всѣмъ ложь одну и ту же, напоследокъ
Повѣрилъ ей и возмечталъ и самъ,
Что онъ и вправду полноправный герцогъ,
А не случайный представитель власти,
И съ каждымъ днемъ въ немъ жажда властолюбыя
Росла, росла... Ты слушаешь, Миранда?

Миранда. Рассказъ вашъ, сэръ, отъ глухоты излѣчить.

Просперо. Чтобъ не было завѣсы между ролью,

Имъ игранный такъ долго за другого,
И между тѣмъ, кого онъ представляетъ,
Антоніо рѣшается похитить
Миланскую корону: мнѣ, бѣдняжкѣ,
По мнѣнію его, довольно было
За герцогство моей библіотеки...

Онъ счелъ меня къ правленью неспособнымъ

И съ королемъ Неаполя вступился

Въ такой союзъ, что будетъ ежегодно

Онъ данъ ему выплачивать признаньемъ

Себя его вассаломъ, подчинить

Его вѣнцу миланскую корону,

А вмѣстѣ съ ней и бѣдный мой Миланъ,

Не знавшій ига чуждаго дотолъ.

Миранда. О, небеса!

Просперо. Замѣть же ихъ условье

И самое событіе: ужели

Антоніо мнѣ братъ родной, скажи?

Миранда. Великій грѣхъ мнѣ—бабку заподозрѣть

Въ какомъ-нибудь проступкѣ. Зачастую

Худыхъ дѣтей на лояѣ непорочномъ

Лелѣетъ мать.

Просперо. А вотъ само условье:

Король, мой врагъ старинный, просьбѣ брата

Склонилъ свой слухъ, а просьба состояла

Въ томъ, чтобъ король за дань и за присягу

Изъ герцогства изгнать меня съ семьею,

А мой Миланъ и герцогскую власть

Вручилъ ему, Антоніо. Измѣной

Собрали войско; темной полночью

Братъ отперъ самъ миланскія ворота,

И въ тьмѣ ночной сторонники коварныхъ

Изгнать меня съ тобою поспѣшили,

А ты кричала.

Миранда. Боже милосердый!

Не въ память мнѣ, какъ я тогда кричала;

Зато теперь готова я рыдать!
И на глаза мнѣ слезы навернулася
Отъ вашего разсказа.

Просперо. Слушай дальше.

Я по порядку перейду къ тому,
Что насъ теперь съ тобою занимаетъ,
А иначе разсказъ мой надоѣлъ бы.

Миранда. Зачѣмъ они тогда насъ не убили?

Просперо. Прямой вопросъ, дѣвица, и невольно

Я самъ его своимъ разсказомъ вызвалъ.

Они боялись, милая (такъ сильно
Любить меня народъ), и не дерзнули
Запечатлѣть свою измѣну кровью,
А нѣжною ее прикрыли краской.

Ну, словомъ: насъ они пихнули въ лодку

И отвезли на нѣсколько миль въ море
До остова полугнилого бота.

Безъ мачты, безъ снастей и парусовъ.

Его и крысы даже поневолѣ

Покинули... Въ него-то насъ съ тобою

И втиснули, оставя тщетнымъ воплямъ

И вздохами сливаться съ ревомъ моря

И съ вѣтрами; но вѣтры отвѣчали

На каждый вздохъ нашъ стономъ дружелюбнымъ.

Миранда. Увы! какимъ я бременемъ была

Тогда для васъ!

Просперо. Была ты херувимомъ,

Хранителемъ! Ты райски улыбалась,

Когда я лилъ, убитый горемъ, въ волны

Потоки слезъ горючихъ; свѣтлый образъ,

Ты придала мнѣ мужество и силу—

Съ моею судьбой бороться до конца.

Миранда. Но какъ же мы спаслися?

Просперо. Провидѣнье—

Оно спасло! У насъ припасы были:

И пищей и водою насъ снабдилъ

Неаполя вельможа благородный,

По имени Гонзало; на него

Возложено изгнанье наше было...

Благодаря ему мы получили

Бѣлье, одежды, ткани дорогія

И все, что намъ необходимо было

Тогда и что намъ послѣ пригодилося...

Его жъ вниманью былъ я одолженъ

И книгами моей библиотеки,
Цѣнными дорожке мной престола
Неаполя.

Миранда. О, если бъ я могла
Его увидѣть!

Просперо. Я теперь кончаю.
Ты не вставай, дослушай все спокойно...
Мы прибыли съ тобой на этотъ островъ,
И здѣсь-то я, учитель твой прилежный,
Такое далъ тебѣ образованье,
Какого нѣтъ ни у одной принцессы,
Уроками бесплодно отягченной.

Миранда. Вознагради за это васъ самъ Богъ!..

Но я бы васъ, родитель, попросила
(И просьба задушевная моя),
Чтобъ вы сказали: для чего вы бурю
Надъ бездной моря подняли?

Просперо. Дослушай.
Случайно и какъ будто странно даже,
Слѣпое счастье всѣхъ моихъ враговъ
На берегъ нашъ направило: объ этомъ
Предвѣденье мое мнѣ повѣстило,
А также и о томъ, что на зенитѣ
Моемъ взошла счастливая звѣзда,
И что стеречь ее я долженъ зорко,
Когда хочу воспользоваться счастьемъ.
Теперь тебѣ и прекратить вопросы
И спать пора: покойный отдыхъ нуженъ
Тебѣ, дитя, и знаю я навѣрно,
Что, кромѣ сна, ты ничего не можешь
И выбрать...

(Миранда засыпаетъ).

Ну! скорѣй, слуга мой вѣрный,
Скорѣй ко мнѣ, скорѣе, Аріэль!

(Появляется Аріэль).

Аріэль. Привѣтъ тебѣ, владыка мой могучій
И господинъ всевластный! Что прикажешь,
Летѣть иль плыть? Въ огонь ли окунуться,
Иль пронестись на кудреватыхъ тучахъ?
Твой Аріэль и всѣ его готовы
Служить тебѣ.

Просперо. Исполнилъ ли ты, духъ,
Мои велѣнья въ точности?

Аріэль. Исполнилъ,

И бурею слетѣлъ я на корабль.
То тамъ, то здѣсь, на декѣ, у кормила,
Во всѣ каюты проливалъ я пламя,
А иногда дробился и на части!
На марсѣ я, на реяхъ, на бугспиритѣ
Горѣлъ и вдругъ все пламя воедино
Сбиралъ опять... Что молніи Зевеса,
Предвѣстницы карательнаго грома,
Передъ моею грозой? Заколебались
Подводные чертоги отъ ударовъ
Моихъ перуновъ сѣрныхъ, и отъ треска
У самого Нептуна задрожалъ
Въ рукѣ трезубецъ страшный.

Просперо. Достоцитимый

И смѣлый и довѣренный мой духъ,
Ты подвигомъ похвальнымъ не увлекся?

Аріэль. Нѣтъ. Но повѣрь, что ни одна душа

Отчаянья и ужаса горячки
Не избѣжала; только моряки
Остались; всѣ прочіе гурьбою
Въ кипучій омутъ кинулись стремглавъ,
Спасаясь отъ пламени, и первый
Сынъ короля, наслѣдный Фердинандъ.
Не волоса, а словно бы осока
На головѣ его поднялись дыбомъ,
Когда онъ въ море бросился и крикнулъ:
«Адъ выпущенъ, и дьяволы всѣ здѣсь».

Просперо. Все это такъ, все было бы прекрасно,
Да берегъ-то далеко ли былъ?

Аріэль. Подлѣ.

Просперо. И всѣ они, мой Аріэль, спаслися?

Аріэль. Не выпалъ ни единый волосокъ,
На платьяхъ ихъ не только нѣту пятенъ,
Но на водѣ они ихъ поддержали
И сдѣлались свѣжѣй, чѣмъ были прежде...
Затѣмъ, какъ ты приказывалъ мнѣ самъ,
На островъ разбросилъ всѣхъ я порознь.
Сынъ короля—его я въ одиночку
На островъ твой доставилъ и оставилъ
Въ укромной бухтѣ—грустный и унылый
Сидитъ, скрестивши руки, и вздыхаетъ.

Просперо. А что жъ, скажи, корабль-то королевскій
И моряки и остальной весь флотъ?

Аріэль. Корабль стоитъ на якорѣ спокойно

Въ глубокой бухтѣ, гдѣ когда-то, въ полночь,
Меня послалъ ты собирать росу
На острова Бермудскіе. Матросы
По люкамъ всѣ попрятались и спать,
Отягчены усталостью и чарой.
А прочій флотъ, хотъ былъ разсѣянъ мною,
Соединился снова и плыветъ
Къ Неаполю съ извѣстіемъ печальнымъ,
Что видѣли и гибель корабля
И короля особы вѣнценосной.

Просперо. Ты, Аріэль, все выполнилъ прекрасно;
Но ждетъ тебя еще другое дѣло...
Который часъ?

Аріэль. Да за полдень ужъ есть.

Просперо. И кажется, что на двѣ склянки. Время
Мы съ пользою потратимъ до шести.

Аріэль. Ты, стало-быть, мнѣ что-нибудь прикажешь.
— Но, если я еще трудиться долженъ,
Позволь тебѣ напомнить обѣщанье...

Просперо. Какое, духъ? Ты, кажется, не въ духъ?..
Чего же ты желаешь отъ меня?

Аріэль. Свободы.

Просперо. Какъ! до срока?.. Ни полслова!

Аріэль. Прошу тебя припомнить: я служилъ
Тебѣ, какъ могъ,—и вѣрою и правдой,
Не лгалъ и не обманывалъ, служилъ
Съ охотою и безъ упрека... Ты
Мнѣ посулилъ за это годъ неволи
Убавить.

Просперо. Чтѣ? А развѣ позабылъ ты,—
Отъ сколькихъ мукъ избавилъ я тебя?

Аріэль. Нѣтъ.

Просперо. Позабылъ... И будто трудъ тяжелый
Тебѣ нырнуть на тинистое дно
Водны соленой, или пронестися
На рѣзвомъ вѣтрѣ сѣвера верхомъ,
Иль углубишься въ земляныя жилы,
Когда морозъ скуетъ ихъ серебромъ?

Аріэль. Нетрудно, сэръ!

Просперо. Ты лжешь. созданье злое!

А помнишь ли про гнусную ту вѣдму,

Про Сикораксъ, согбенную годами?

Аріэль. Нѣтъ, сэръ!

Просперо. Забылъ... Гдѣ родилась она?

Аріэль. Въ Алжирѣ, сэръ!

Просперо. Вотъ видишь ли. Я долженъ Тебѣ, мой духъ, напомнить каждый мѣсяць О томъ, чѣмъ былъ у ней ты. И нельзя: Ты очень ужъ забывчивъ. Изъ Алжира Ее изгнали за такія чары, Какихъ и слухъ людской не переносятъ, И ежели оставили ей жизнь, Таеъ потому лишь... Правда?

Аріэль. Правда, сэръ!

Просперо. Лишь потому, что вѣдьмѣ синеглазой Пришла пора... Съ чудовищнымъ ребенкомъ На этотъ островъ кинули матросы Ее тогда, а ты, слуга мой вѣрный, Какъ самъ себя усердно величаешь, Ты былъ рабомъ у Сикоракъ тогда. Но, нѣжный духъ, ея велѣній гнусныхъ Ты исполнять не въ силахъ былъ: за это, При помощи потемныхъ адскихъ силъ, Она тебя и въ ярости и въ гнѣвѣ Забила въ расщепленную сосну. Двѣнадцать лѣтъ ты высиждѣлъ въ темницѣ, А въ это время вѣдьма умерла И не сняла съ тебя жестокой кары, И ты стоналъ такъ жалобно и часто, Какъ мельничьи колеса на ходу. И не было обличья человѣка На островѣ тогда, коль не считать За человѣка сына старой вѣдьмы, Чудовища...

Аріэль. Я знаю Калибана!

Просперо. Ты знаешь, духъ забывчивый? Конечно: Теперь рабомъ мнѣ служить Калибанъ. Но лучше всѣхъ и cadaго ты знаешь, Какъ я тебя избавилъ отъ мученій. Ты такъ кричалъ, что волки и медвѣди Тебя въ сердцахъ суровыхъ пожалѣли. И Сикоракъ была невластна Отъ лютаго мученія избавить Тогда тебя: я только могъ одинъ; Одна моя наука раздробила Сосну, и ты теперь опять на волѣ.

Аріэль. Благодарю, владыка мой!

Просперо.

Но если

Ты на меня хоть разъ еще заропщешь,
Тогда я дубъ маститый разломаю,
И ты въ его утробѣ узловой
Двѣнадцать зимъ провоешь.

Аріэль. Извини,

Владыка! Я готовъ твои велѣнья
Исполнить всё,—насколько хватить силы.

Просперо. И исполняй... Два дня мнѣ послужи,
А послѣ я пущу тебя на волю.

Аріэль. Неужели, владыка? Что жъ мнѣ дѣлать?

Скажи мнѣ самъ, владыка: что мнѣ дѣлать?

Просперо. Преобразись ты въ нимфу водяную,
Но видимъ будь мнѣ только одному.

Преобразись скорѣе и вернись.

(Аріэль уходитъ).

Проснись, голубка! ты спала довольно:

Проснись!

Миранда. Меня, родитель, обезсилилъ

Таинственный разсказъ вашъ...

Просперо. Позабудь же

Ты про него... Пойдемъ искать вдвоемъ—

Гдѣ Калибанъ, мой рабъ, не отвѣчавшій

Ни разу мнѣ на зовъ мой добрымъ словомъ.

Миранда. Онъ злой; его я видѣть не хотѣла бѣ.

Просперо. А безъ него нельзя намъ обойтись,

Онъ истопникъ нашъ, колетъ намъ дрова

И служить намъ съ тобой... Эй, Калибанъ!

Эй, ты, комокъ възъ глины, отзовися!

Калибанъ (изъ пещеры). У васъ вѣдь дровъ довольно.

Просперо. Выходи,

Я говорю: помимо дровъ есть дѣло...

Эй! да ползи ты, что ли, черепаха!

(Входитъ Аріэль въ об-
разѣ водяной нимфы).

Прелестное видѣнье!.. Аріэль,

Нагнися: я шепну тебѣ...

Аріэль. Владыка,

Все сбудется по слову твоему. (Уходитъ).

Просперо. Что жъ, мерзкій рабъ, что жъ, дьявола псацѣе,

Придешь ли ты?

Калибанъ (входитъ). Охъ, если бѣ на обонялъ

На васъ заразой канула роса,

Что мать моя на вороновы перья

Со ржаваго болота собирала!

Охъ, если бъ зюдь-эсть вамъ пахнулъ на тѣло
И оба вы опухли!

Просперо. Такъ-то ты?..

Ну, будь теперь увѣренъ, что съ полночи
Колотье подь бокъ духъ тебѣ захватить,
И домовые будутъ, что есть мочи,
Тебя давить, и будешь весь ты въ ранахъ
Сплошныхъ какъ сотъ, и каждая изъ ранъ
Тебя пчелы язвительнѣй ужалить.

Калибанъ. Да я хочу обѣдать... Этотъ островъ
Мнѣ мать моя по смерти завѣщала,
А ты его заграбилъ. Первый разъ,
Когда пришелъ, пришелъ ты мнѣ по нраву:
И угостилъ водою съ сокомъ ягодъ,
И научилъ, какъ называть свѣтила
Большое и меньшее, что родятся
То днемъ, то ночью. Я тебя за это
Любилъ тогда и показалъ весь островъ,
И прѣсные ключи и соляные,
Безплодную и плодовую землю.
Будь проклятъ я за это, и обрушья
Все чарованье матери моей
На голову тебѣ: и скорпионы
И жабы всѣ, и всѣ петопыри!
Теперь я твой единственный невольникъ,
А прежде былъ я самъ себѣ царемъ.
Меня въ мѣшокъ скалистый ты упрягалъ,
А островъ мой себѣ взялъ...

Просперо. Живый рабъ!

Ты только и понятливъ на нобон,
А доброты не можешь и понять.
Тебя, урода, съ состраданьемъ принялъ
Я въ хищину свою, и что же вышло?
На дочь мою ты звѣрски покусился.

Калибанъ. Ого! ого! жаль—мнѣ не удалось,
А то бы калибанчиковъ порядкомъ
На островъ твоёмъ я расплодилъ.

Просперо. Рабъ мерзостный! къ добру ты неспособенъ,
И только ало одно тебѣ съ руки.
Мнѣ стало жаль тебя; я постарался
Осмыслить умъ твой рѣчью человѣка
И каждый часъ я вразумлялъ тебя,
Что этотъ вотъ предметъ зовется такъ-то,

А этотъ—такъ, а безъ меня. дикарь,
Ты передать не могъ своихъ же мыслей
И только каркалъ да рычалъ... И что же?
Напрасно мысль твою одѣлъ я словомъ:
Не въ прокъ тебѣ пошла моя наука,
Взяла свое проклятая порода,
И отъ тебя съ невольнымъ омерзѣньемъ
Бѣжали всѣ. И былъ я справедливъ,
Когда тебя въ скалистую пещеру
Я заперъ. Ты иной темницы стѣишь.

Калибанъ. Да, говорить ты выучилъ меня—
Спасибо; я теперь навѣрно знаю,
Какъ проклинать! Пусть огненная рожа
За рѣчь твою снахитъ тебѣ все тѣло!..

Просперо. Пометь колдуньи! Убирайся вонъ
И дровъ носи скорѣй... Не огрызайся,
Не пожимай плечами, а не то,
Вотъ не исполни только приказанья,
Я корчами въ конецъ тебя измучу
И кости всѣ тебѣ переломаю,
И зарычишь ты у меня такъ страшно,
Что дикій звѣрь въ дубровѣ содрогнется.

Калибанъ. Нѣтъ, нѣтъ! ужь ты, пожалуйста... *(Въ сторону)*
Невольно

Повиноваться долженъ я ему:
Его наука такъ сильна, что даже
Самъ Сѣтебось, богъ матери моей,
Преклонится предъ нею.

Просперо. Убирайся жь!

(Калибанъ уходитъ).

(Въ отдаленіи показывается Фердинандъ, и передъ нимъ Аріэль, невидимый, играетъ на лютнѣ и поетъ).

Аріэль *(поетъ).* Сюда, на желтый нашъ песокъ!
Стихъ вѣтерокъ.
Сплетайтесь въ дружный хороводъ,
А духи водъ
Васъ будутъ страстно цѣловать
И принимать...
Чу!

(Вдали слышатся: боуфъ! воуфъ!)

Лають псы сторожевые,

Слышу оклики ночные,

Это пѣтель на току

Спѣль зарѣ кукареку.

Фердинандъ. Откуда эти звуки? Прямо съ неба,

Или съ земли?

Апрѣль 1862 г.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Ф. Шиллера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Вахмистръ }
Трубачъ } изъ карабинернаго полка Терцкаго.

Констабль.

Стрѣлки.

Два конные егеря Голька.

Драгуны Буттлера.

Пищальники изъ полка Тиффенбаха.

Кирасиръ валлонскаго полка.

Кирасиръ ломбардскаго полка.

Кроаты.

Уланы.

Рекрутъ.

Горожанинъ.

Крестьянинъ.

Парень, его сынъ.

Капуцинъ.

Учитель солдатской школы.

Маркигантка.

Служанка.

Солдатенки.

Гобонсты.

Дѣйствіе—передъ городомъ Пильзеномъ въ Богеміи.

П Р О Л О Г Ъ.

Произнесенъ при возобновленіи и открытіи Веймарскаго театра, въ октябрь 1798 года.

Шутливой маски важная игра,
Къ которой мы и взоръ и слухъ и сердце
Такъ часто и охотно преклоняли,
Вновь въ этомъ залѣ насъ соединяетъ...
И вотъ—старинный залъ помолодѣлъ:
Его во храмъ искусство превратиле.
И слышится намъ голосъ благозвучный
За благородной этой колоннадой,—
И вновь въ душѣ—торжественныя чувства.
А между тѣмъ не разъ помость старинный
Быль колыбелью юношескихъ силъ
И поприщемъ возросшаго таланта,
Мы тѣ же все, которые когда-то
Такъ ревностно предъ вами развивались.
На этомъ мѣстѣ пламенный художникъ
Переносилъ васъ творчествомъ своимъ
Въ обитель лучезарную искусства.
О, если бы величье новой сцены
Достойнѣйшихъ въ среду насъ привлекло,
И столько лѣтъ дѣлѣйной надежды
Исполнилась завѣтная мечта!
Въ душѣ высокой образецъ высокій
Соревнованье долженъ пробудить
И творчеству дать высшіе законы.
Да будетъ же возникшій вновь театръ
Свидѣтелемъ созрѣвшаго таланта!
И гдѣ же можно испытать такъ силы,
Помолодить маститый обликъ славы,
Какъ не предъ кругомъ зрителей избраннымъ?
На первый же волшебный зовъ искусства,
Они летучей мыслию и чувствомъ
Уловятъ образъ мимолетный духа.

Да! Скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользятъ искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.
Да! Обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ

И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковѣчной славы за собой—
Мгновенное созданье—не оставитъ.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый:
Затѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
И жадно каждымъ мигомъ дорожить,
Чтобъ имъ зажечь, въ сіяніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни
И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благодарную пользу—не умретъ вѣвки.

Теперь, когда для Галии настала
На этой сценѣ новая эпоха,
Становится смѣлѣе стихотворецъ:
Онъ покидаетъ проторѣнный путь—
И васъ, за тѣсный кругъ мѣщанской жизни,
Выводитъ на позорище иное,
Достойное великаго момента
Намъ современной и тревожной жизни.
Великаго потрясъ основы міра
Могли одни великія событія.
Какъ тѣсный кругъ тѣснить мысль человѣка,
Такъ эта жъ мысль растетъ съ высокой цѣлью.
Такъ и теперь, на самомъ склонѣ вѣка,
Когда вся жизнь—поэзія, когда
Кипитъ борьба межъ яркими бойцами,
И все стремится къ неуклонной цѣли,
И подняты великіе вопросы
О власти самобытной и свободѣ, —
Такъ и теперь, подѣ сѣнію театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всею.
Мы видимъ—распадается во прахъ
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтора ста лѣтъ тому, Европѣ
Принесъ миръ благодатный; форма та
Безцѣнный плодъ войны тридцатилѣтней.
Но васъ опять фантазія поэта
Въ ту мрачную эпоху переноситъ —
И веселѣй глядѣть на наше время,
И свѣтить мнѣ надежды лучъ въ грядущемъ.

Война въ разгарѣ. Въ самый пылъ вась вводитъ
 Пшевецъ. Шестнадцать лѣтъ опустошенья,
 Разбоя и невзгоды пронеслися;
 Мѣръ все еще бурливой массой бродить,—
 И не блеститъ надежды лучъ вдали:
 Все царство обратилось въ поле битвы:
 Всѣ города и села залустьѣли:
 Легъ грудой щобня Магдебургъ; торговля,
 Промышленность—о нихъ нѣтъ и помину,
 Вездѣ и все—солдатъ, а горожанинъ—
 Ничто, и безнаказанная наглость
 Надъ правами безстыдно паругалась.
 И шайки, одичалыя въ войнѣ,
 Разбили станъ въ странѣ опустошенной.

На этомъ мрачномъ и кровавомъ полѣ
 Выходитъ ярко горделивый образъ —
 Съ неукротимымъ правомъ человѣкъ.
 Вы знаете творца отважныхъ шаекъ,
 Кумира ихъ, бича страны, опору
 Для цесаря, страшилище его
 И перваго любимца—полководца.
 Онъ, счастья баловень, достигнулъ быстро
 Всѣхъ почестей, но все стремился дальше—
 И пать безумной жертвой честолюбья.
 Духъ партій, благосклонность и вражда,
 Какъ историческій характеръ, намъ не ясно
 Представили его: теперь искусство
 Должно его приблизить къ вашимъ взорамъ —
 И къ сердцу. Находя всему предѣлы
 И связь, искусство все наружное опять
 Приводитъ въ первый прирожденный образъ:
 Оно слѣдитъ за человѣкомъ въ жизни
 И многія вины его относитъ
 Къ вліянію несчастливыхъ созвѣздій.

Не онъ сегодня появиться долженъ
 На сценѣ. Но средь шаекъ удалыхъ,
 Ему покорныхъ, имъ одушевленныхъ,
 Предстанетъ передъ вами тѣнь его,
 Покажѣтъ муза робкая рѣшится
 Облечь его въ живую плоть и тѣло:
 Затѣмъ, что власть ему прельстила сердце,
 А лагерь будетъ только обличитель
 Его высокомернаго поступка.

Простите же поэту, если онъ
Не поведетъ теперь васъ прямо къ пѣли,
А развернуть посмѣетъ передъ вами
Лишь рядъ картинъ великаго событъя.
Пусть это представленіе успѣшно
Преклонитъ слухъ вашъ къ необычнымъ звукамъ.
Со временемъ я скоро васъ опять
На дикую, воинственную сцену,
На мѣсто дѣйствій нашего героя
Перенесу.

Но если бы сегодня
Богиня пѣнія и пляски, муза,
По старому германскому закону,
Потребовала рюмы—ничего!
Благодаря ей, мрачный обликъ правды
Въ обители искусства озаренъ
И измѣнился, но подлогъ невинный
Исчезнетъ самъ собою, а сіянье
Горитъ затѣмъ, что не горѣть не можетъ:
Жизнь сумрачна, но свѣтъ искусства ясенъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркитантская палатка и передъ ней мелочная и ветошная лавочки. У входа тѣнятся солдаты разныхъ мундировъ и значенъ; всѣ столы заняты. Кроаты и уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка нали-ваетъ вино. Солдатенки играютъ въ кости на барабанѣ; въ палаткѣ слышны пѣсни.

Крестьянинъ и его сынъ.

Парень. Батька, смотри—не случилось бы худа:

Видишь—ихъ сколько!.. Уйти бы отсюда.

Къ этимъ ходить неповадно и въ гости:

Какъ бы они не помjali намъ кости!

Крестьянинъ. Э, ничего! Не съѣдятъ. А солдату

Надо жъ гульнуть на наемную плату.

Видишь ли, все собрались новички—

Прямо съ Заалы да съ Майна полки:

Чай, понаграбили вдоволь, злодѣи!

Только бы дѣло повесть поумнѣе,

Все будетъ наше. Парнюга, смотри—

Съ этимъ народомъ хитри да хитри!

Ротный—зарѣзали бѣднаго черти—

Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:

Ну, ужъ и кости!.. Какъ хочешь ихъ кинь,
Деньги бери со стола—и амины!..
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо...
А ужъ какое солдатикъ нашъ чадо—
Дѣло извѣстное: только польсти —
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпнаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубить и колетъ съ плеча —
Хитрость крестьянину вмѣсто меча.

(Въ палаткѣ тѣсни и хохотъ).

Экъ распумѣлися!.. Видно, въ охотку!
Если бъ попались—заткнулъ бы имъ глотку.
Тѣшатся съ нашего все же добра.
Не сбережешь ни кола ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости,
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости.
И при Саксонцѣ — нельзя не сказать —
Было не лучше, — а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать.

Парень. Батка! вотъ двое идутъ изъ поварни:

Кажется, съ этихъ ужъ нечего взять?

Крестьянинъ. Нечего! Это, голубчикъ, не нѣмцы, —

Просто и напосто, видишь, — богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!
Вотъ такъ на славу пришли на постой!
Вотъ такъ ужъ сказано: дикіе звѣри
Сѣли себѣ на теплѣя кварталѣ,
Да ужъ и рюмка-то станетъ коломъ,
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ —
Къ чорту ихъ!.. Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ — и стрѣлки и тирольцы.
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Этакихъ намъ бы добыть да добыть:
Пташки веселыя, ну, и болтливы, —
Благо имъ много добра и поживы.

(Входятъ въ палатку).

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе. Вахмистръ, трубачъ, уланъ.

Трубачъ. Чтò тебѣ, сволочь? Проваливай, что ль!
Крестьянинъ. Воинъ честной, молвить слово дозволю.

Крошки не съѣлъ я — вотъ цѣлыя сутки.

Трубачъ. Да, вамъ бы только что пичкать желудка.
Уланъ *(со стаканомъ)*.

Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, песь!

(Ведетъ крестьянина въ палатку; прочіе выходятъ на авансцену).

Вахмистръ. Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спрость:

Думаешь какъ ты, что даромъ двойное

Выдали намъ на харчи и хмельное?

Трубачъ. Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда

Ѣдетъ сама герцогиня сюда,

Вмѣстѣ съ сiятельной дочкой..

Вахмистръ. Едва ли!

Сказки-то эти мы сами слышали:

Тутъ герцогиня твоя не при чемъ.

Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войски

Надобно намъ приголубить по-свойски —

Добрымъ глоткомъ да хорошимъ кускомъ —

Чтобы не только остались друзьями,

А побратались накрѣпко съ нами.

Трубачъ. Да... Знать — итти на другія квартиры...

Вахмистръ. Все генералы вѣдь, все командиры...

Трубачъ. Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?

Вахмистръ. Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.

Трубачъ. Чтò же слетѣлись-то? Али для смѣны?

Вахмистръ. Шепчутся... Видно: въ чесоткѣ языкъ...

Трубачъ. Развѣ!

Вахмистръ. А этòт-то старый изъ Вѣны?

Видно по волосу, чтò за парикъ!

Коль на груди золотая цѣпочка,

Значить — недаромъ, голубчикъ!.. и точка.

Трубачъ. Правда! охотиться все норовять,

Вотъ и послали такую ищейку,

Что хоть и герцога выслѣдить, братъ!

Вахмистръ. Выслѣдить, если узнаеть лазейку...

Намъ-то нѣтъ вѣры. Фридландецъ-то имъ

Кажется только не чортомъ самимъ —

Вырость — такъ видишь ли: дай опрокинемъ!

Трубачъ. Какъ же! А мы его нешто покинемъ?

Нешто не всё мы ему не рука?

Вахмистръ. Полкъ нашъ и прочихъ четыре полка

Терцкй управитъ — онъ герцогу шуринъ,

Ну и полки — ни который не дурень;

Да и подъ каждымъ мундиромъ сердца

Бьются за герцога, что за отца:

Только бы выбралъ да далъ бы намъ ходу, —

Всё за него и въ огонь мы и въ воду!

ЯВЛЕНИЕ III.

Кроать съ ожерельемъ, за нимъ стрѣлокъ. Прѣжние.

Стрѣлокъ. Гдѣ ожерелье подтибрилъ, кроать?

Вотъ такъ находка! Послушай-ка, братъ,

Развѣ съ тобой помѣняться мнѣ, что ли?

Хочешь, возьми за него терцероли...

Кроать. Нѣтъ, братъ, надуешь.

Стрѣлокъ. Хитри ты, хитри!

Милъ? Такъ трону тебя я за струнку:

Вотъ посмотри-ка, колпакъ-то какой?

Синій дворянскій: достался въ форгунку.

Кроать (*играетъ ожерельемъ на солнцѣ*).

Ну, да и мой-то товаръ не простой —

Купимъ, такъ будемъ съ тобою богаты:

Это вѣдь жемчугъ, а это гранаты —

И настояще: видишь ли — какъ

Влещутъ на солнцѣ?

Стрѣлокъ (*беретъ ожерелье*). Ты — просто дуракъ!

Вотъ тебѣ только ужъ такъ, для подарку,

Дамъ я, пожалуй, походную чарку.

(*Глядитъ на ожерелье*).

Такъ только — будто игра недурна...

Трубачъ. Правда, что дѣло мое — сторона,

А надуваетъ, голубчикъ, кроата...

Чуръ — пополамъ, такъ, пожалуй, смолчу.

Кроать (*надѣлъ колпакъ*). Точно: колпакъ твой съ дворян-
чкѣ-хвата —

Я потому и купить-то хочу.

Стрѣлокъ (*киваетъ трубачу*). Стало-быть, мы помѣнялись
съ тобою —

Будьте свидѣтелями всё, господа!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Прежніе, констабль.

Констабль (*подходитъ къ вахмистру*).

Какъ поживается карабинерамъ?
Долго ли этакимъ, братцы, мансроуъ
Около печекъ-то руки намъ грѣтъ?
Вѣдь неприятелю скучно сидѣть!

Вахмистръ. Скучно? Зудятъ у него, видно, ноги;
Только, голубчикъ, не сыщеть дороги.

Констабль. Мнѣ — такъ навѣрное бы не сыскать!
А вотъ на мѣстѣ пришлось узнать,
Что Регенсбургъ удалось имъ взять.

Трубачъ. Чтò же, что взяли! Навадь мы отнимемъ.

Вахмистръ. Да и съ баварцемъ умкомъ пораскинемъ,
Какъ онъ на князя ни злись. Ничего!

Констабль. Будто бы? Знать, не слышали всего.

ЯВЛЕНИЕ V.

Прежніе. Двое егерей, *потомъ* маркитантка, солдатенки, школь-
ный учитель, служанка.

Первый егеръ. Вотъ такъ компанія! Вотъ удалая!

Трубачъ. Чтò за плащи?.. Знать, не слоочь какая!

Вахмистръ. Гольковцы: слово ты молвилъ не зря —
Всѣ на подборъ, какъ одинъ, егеря.

Маркитантка (*входитъ и приноситъ вино*).

Здравствуйте! Съ празникомъ!

Первый егеръ. Вотъ такъ находка:

Изъ Близевица попалась красотка!

Маркитантка. Прямо оттуда... Здорово, мусьё,

Петерь въ двѣ сажени, изъ Ицей!

Какъ ты, припомни-ка, чуть не сорочку

Пропилъ въ Глюкштадтѣ, въ веселую ночьку,

Съ нашимъ полкомъ?..

Первый егеръ. Видно, знаетъ споровку —

Какъ на перо мы мѣняемъ винтовку?

Маркитантка. Охъ! вѣдь мы изстари съ нимъ знакомы.

Первый егеръ. Вотъ и сошлись въ Богеміи мы.

Маркитантка. Точно, въ Богеміи нонче сошлись,

Только вотъ завтра-то гдѣ, шуринокъ,

Гдѣ бы сойтися? Война—чтò потокъ:

Мчитъ тебя вдаль, и какъ знаешь, держися...

Первый егерь. Вѣрю: понятно само по себѣ.

Маркитантка. Вѣришь?.. Такъ слушай — скажу я тебѣ:

Отъ Темесвара пришла я съ обозомъ.

Тамъ мы травили Мансфельдера!.. Да,

Такъ-то травили, что просто бѣда!

Ну, не повѣрила я и угрозамъ:

Вмѣстѣ съ Фридландцемъ я въ Штральзундъ пошла —

И обобрали голубку до тла!

Въ Мантуѣ вмѣстѣ съ резервомъ жила

И воротилася, съ Феріей рядомъ,

Вмѣстѣ съ помощнымъ испанскимъ отрядомъ.

Вотъ и пришла маркитантка я въ Гентъ,

А изъ него въ эти страны: быть-можетъ,

Здѣсь получу за долги хоть процентъ,

Ежели добрый нашъ герцогъ поможетъ.

Вишь, маркитантскую ставку разбила...

Первый егерь. Такъ-то все такъ! Чтò тужить о грошѣ!

Ты вотъ мнѣ лучше скажи по душѣ —

Гдѣ твой шотландецъ?

Маркитантка. А ну его къ чорту!

Просто мошенникъ былъ перваго сорту.

Солдатенокъ (*вбѣгаетъ въ припрыжку*). Мама! да ты про
кого такъ? Про тятю?

Первый егерь. Ну, этихъ цесарь кормить не усталъ:

Войско ему годъ отъ года нужнѣе.

Школьный учитель (*входитъ*). Эй, ребятишки, маршъ въ
школу скорѣе!

Первый егерь. Тоже вѣдь знаютъ, что тѣсенъ ихъ классъ

Служанка (*входитъ*). Тетушка, гости уходятъ.

Маркитантка.

Сейчасъ.

Первый егерь. Это какая - такая плутовка?

Маркитантка. Это — племянница.

Первый егерь.

Ай да головка!

Будь я ей дядей!

Второй егерь (*удерживая тѣтушку*). Куда ты? Аль тутъ
Скучно?

Служанка. Не скучно, да гости-то ждуть!

(*Вывернулась и ушла*).

Первый егерь. Да!.. На охотника эта красотка!

Только бѣ поспорила прежде съ ней тетка...

Всѣ передрались въ полку за нее.

Ну, не такое и было житье:

Нонече развѣ на прежде похоже?

Нонече развѣ, какъ прежде, все то жѣ?

Право, не то: да и дни-то летятъ—
Хочешь — лови, а поймашь наврядъ!

(Вахмистру и трубачу)

Аль, на здоровье вамъ, вспрыснуть сердечко.
Только дадите ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко?

ЯВЛЕНИЕ VI.

Егеря, вахмистръ, трубачъ.

Вахмистръ. Милости просимъ! Садитесь сюда.

Ждали въ Богемію васъ, господа,

Мы ужъ давненько...

Первый егеръ. Да вамъ ничего!

Вы бы спросили: вотъ намъ каково?

Трубачъ. Вамъ-то?.. Да щеголей этакихъ мало!

Вахмистръ. Точно, что съ Мейссена да и съ Заалы

Вѣсти, покуда, худыя про васъ.

Второй егеръ. Полноте! Лучше послушайте насъ:

Мы передъ Богомъ и правы и святы;

Если шалилъ кто, такъ развѣ кроаты.

Трубачъ. Ой! воротникъ-то у васъ въ кружевахъ,

Да и франтите вы въ знатныхъ штанахъ!

Ну, и бѣлье и перо на беретѣ —

Все это стѣитъ вѣдь денегъ на свѣтъ:

Буршъ будетъ радъ, коли такъ наряди,

А ужъ на васъ, горемыкъ, не гляди.

Вахмистръ. Тряпки-то! Бабамъ ихъ развѣ? А съ нами

Честъ и почетъ, и фридландское знамя.

Первый егеръ. Чтѣ жъ ты Фридландцемъ-то тычешь насъ зря?

Будто бы мы не его егеря!

Вахмистръ. Точно: и вы въ косякѣ замѣшались.

Первый егеръ. Мы-то?.. А вы-то чтѣ больно зазнались?

Разница только въ мундирахъ—такъ стой:

Въ свой я, пожалуй, уйду съ головой.

Вахмистръ. Вы, господинъ егеръ, въ дѣло не вникли:

Вы къ деревенщинѣ только привыкли,—

Ну, а манеры хорошия, тонъ—

Ихъ надо видѣть въ персонѣ-персонѣ,

То-есть въ фельдмаршалѣ!

Первый егеръ. Экая штука!

Вотъ ужъ наука, скажу, такъ наука:

Плунетъ онъ, что ли, аль высморкнетъ носъ,

Вы за нимъ тоже... Да вотъ вѣдь вопросъ:

Умъ-то его, глубину его взгляда

Вынесъ ли кто за собой съ вахтпарада?

Второй егерь. Чортъ побери! Попросили бь объ насъ,
 Такъ и узнали бы правду какъ разъ —
 Скажутъ всѣ въ голосъ вамъ: «у самого-то
 Вотъ такъ охотники, вотъ такъ охота!»
 Вражье ли поле, аль нивы друзей —
 Слышны повсюду рога егерей!
 Мигъ—мы вотъ здѣсь, а другой—нѣтъ и слѣду;
 Дальше ищите, гдѣ трубятъ побѣду...
 Какъ бы сказать-то?.. Да вотъ какъ, точь въ точь:
 Пламя обхватить деревню въ полночь;
 Спягъ сторожа; суматоха; задаромъ
 Мечется сонный, испуганный людъ—
 Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
 Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ —
 Пламенемъ вспыхнемъ, потономъ нахлынемъ,
 Сзади насъ нѣтъ ни кола ни двора:
 Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
 А потому, что такая пора,
 Дѣло военное—пахнетъ добычей.
 Тутъ не до жалости, не до приличій:
 Каждая дѣвушка—наша сестра,
 Ну и братались... бывала пора!..
 Не въ похвальбу... а вы то разумѣйте:
 Если въ Вестфалии, или въ Байрейтѣ,
 Или въ Фойхтландѣ разспросите вы:
 Знаете гольковцевъ? Чтò? Каковы?
 Лѣтъ черезъ триста—а меньше нисколько—
 Можетъ, забудутъ про насъ и про Голька!

Вахмистръ. Вотъ оно чтò! Вамъ бы въ рыло, да въ усь,
 Да на разводѣ прикрикнуть въ придачу, —
 Вы ужь того... разрѣшили задачу:
 Можетъ солдатомъ быть даже хотъ трусь,
 А что до смѣтен, приглядки, прилѣсу —
 Нѣтъ вамъ и дѣла!..

Первый егерь. Да ну тебя къ бѣсу!
 Чтò ты поешь мнѣ! По-моему, братъ,
 Всякая шеола — прямая доука,
 Воля—кормилица, мать и наука:
 Ежели водень, такъ вотъ и солдаты!
 Нешто за тѣмъ я со школьной-то лавки
 Къ вамъ убѣжалъ, чтобъ, какъ мальчикъ, опять
 Прѣтъ надъ указкой, читать и писать,
 Въ душной каморкѣ да въ каторжной давкѣ?
 Нѣтъ, извините! Я воли хочу:

Я на просторѣ, какъ вѣтеръ, лечу
 Встрѣчу всего, что и свѣже и ново,
 Въ чемъ я слышалъ законное слово!..
 Продать я цесарю шкуру затѣмъ,
 Чтобъ не тревожиться мнѣ ужъ ничѣмъ,
 Ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Скажете
 Старшій мнѣ слово—истлѣю въ огнѣ,
 Кинуся въ бродъ, хоть бы въ Рейнъ по веснѣ;
 Тамъ, гдѣ не трое, такъ третій ужъ ляжетъ,
 Словомъ: и бровью наврядъ шевельну, —
 Ну, а конецъ,—не взыщите: гульну!

Вахмистръ. Ну, если только и надобно вамъ,
 Милости просимъ подъ крылышко къ намъ.

Первый егеръ. Вотъ живодерство-то видѣли тоже
 Мы при Густавѣ, при шведѣ... Ахъ, Боже!
 Въ пустынь свой станъ обратилъ, почитай:
 Съ первой зарею—вставай и читай;
 А загуляешь—сейчасъ и нагрѣешь, —
 Съ клячи читать поученіе станеть.

Вахмистръ. Богобоязненный былъ молодецъ!

Первый егеръ. Дѣвушка въ лагерѣ — истое чудо,
 А заманилъ, такъ веди подъ вѣнецъ...

Вижу я: плохо!.. и драла оттуда!

Вахмистръ. Нынче тамъ иначе все, говорятъ?

Первый егеръ. Вотъ и махнулъ я къ лигисгамъ-то, братья!

Только-что—только подъ Магдебургъ сбились,

Тамъ ужъ иная статья подошла,

И покутили мы, повеселились:

Пьешь да играешь—была не была!

А ненаглядныхъ-то — дѣлое стадо...

Лихо жилося — убей меня Богъ!

Тили смекалъ, какъ командовать надо:

Самъ-то къ себѣ ужъ куда онъ былъ строгъ,

А для солдата съ нимъ льгота прямая...

Только его сундуковъ не замай,

А у него поговорка такая:

«Самъ поживай и другимъ жить давай!»

Эхъ, сорвалось у насъ, ускользнуло

Прежнее счастье, что рыба съ врючка!

Съ самаго Лейпцига намъ не рука,

Сунешься—глядь: на рожонъ и наткнуло,

Гдѣ ни покажешься, гдѣ ни стучишь —

Заперто, братецъ, и подъ носъ те шишь!

Шлялись мы, шлялись такъ съ мѣста на мѣсто,

Нѣтъ намъ почета нигдѣ и никакъ...

Я поскорѣ съ такого насѣста

Прямо къ саксонцамъ—и деньги въ кулакъ.

Вахмистръ. Мм!.. разумѣется; васъ раздразили
Чешской добычей.

Первый егеръ. Дери ихъ горой!

Просто—пришли на казенный постой...

Насъ дисциплиной въ коонецъ заморили.

Замки имперскіе, вишь, карауль,

Честь отдавай, снаряжайся въ патруль...

А на войну, какъ на шутку, бывало,

Смотришь... и сердце-то къ ней не лежало...

Думаешь: право, не дестно и бить—

Гдѣ ужъ тутъ чести воинской добыть!

Я вѣдь, пожалуй, безъ шума-огласки,

Въ школу свою, за перо и указки,

Мигомъ опять бы вернулся... Да вотъ

Вань-то Фридландецъ подъ знамя зоветъ...

Вахмистръ. Ну, и пробудете съ нами вы долго?

Первый егеръ. Шутите, что ли?.. Не знаю я долга?

Вотъ вамъ: покуда начальникомъ онъ,

Не убѣгу я изъ лагеря вонъ...

Къ погону, что вѣдь нашему брату

Негдѣ такую добыть себѣ плату.

Да и опять же: здѣсь пахнетъ войной;

Здѣсь у васъ все на широкій покрой;

Всѣ заодно; всѣ—что вихорь да въюга:

Рейтеръ послѣдній—и тотъ головой

Ляжетъ тотчасъ за товарища-друга...

Какъ же, подумайте, къ вамъ не пристать?

Знаю, какой вы почтенный народецъ!

Знаю, что съ вами начну помыкать!

Цѣлымъ мѣщанствомъ, какъ нашъ полководецъ

Герцогствомъ, или тамъ княжествомъ, что ль?

Стало-быть, съ вами: что хочешь — изволь.

Лишь бы палашь-то побрякивать съ бока...

Правда: дождешься, пожалуй, попрека,

Да вѣдь за что же?.. Особая рѣчь:

Слову начальника ты не перечь;

Что жъ не бывало въ полку запрѣдно,

Значить—дозволено... во время оно...!

А ужъ про то и не спросить никто:

Вѣришь ли ты? Почему? и во что?

Служба гласитъ намъ простыми словами: